

Электронная версия книги: [Янко Слава](#) (изначальный скан не мой, лажа иногда с ссылками) (Библиотека [Fort/Da](#)) || slavaaa@yandex.ru || yanko_slava@yahoo.com || <http://yanko.lib.ru> || Isq# 75088656 || Библиотека: <http://yanko.lib.ru/gum.html> || Номера страниц - внизу
update 14.02.07

GESELLSCHAFT DER GESELLSCHAFT.

ОБЩЕСТВО ОБЩЕСТВА.

НИКЛАС ЛУМАН

ЭВОЛЮЦИЯ

ЛОГОС

Москва 2005

УДК 316.42 ББК 60.5 Л85

Перевод с немецкого - А. Антоновский Редакция перевода - О. Никифоров

Луман Н.

Эволюция. Пер. с нем./ А. Антоновский. М: Издательство "Логос". 2005.-256 с.

"Общество общества" Никласа Лумана - всеобъемлющее социологическое исследование *общества как системы*. Выработанная этим классиком современной социологии теория всесторонне и обоснованно описывает процесс возникновения Мирового Общества в качестве осевого для социального развития западной цивилизации как таковой. Используя такие универсальные - как для естественных, так и для социальных наук - ключевые понятия как *аутопойесис, бифуркация, биологическая эволюция, хаос, система и функция, информация и коммуникация*, Луман описывает динамику эволюционирования всех важнейших сфер социальности: Право и Политику, Науку и Образование, Религию и Искусство, Экономику и Любовь.

COFTRE-INSTTDT

Издание осуществлено при финансовой поддержке Института имени Гете - Немецкого культурного центра

ISBN 5-8163-0061 -x (Луман, Никлас. "Общество общества")

Печатается по изданию:

Luhmann, Niklas. Die Gesellschaft der Gesellschaft.(1.3. Evolution) © Suhrkamp Verlag Frankfurt am Main

1997

О Перевод, статья - А. Антоновский.

© Издательство "Логос" (Москва), 2005 (рус. изд.; серия).

© Редактура - указанные редакторы.

Электронное оглавление

Электронное оглавление	2
СОДЕРЖАНИЕ:	3
I. ТВОРЕНИЕ, ПЛАНИРОВАНИЕ, ЭВОЛЮЦИЯ	4
ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛ. I:	11
II. СИСТЕМНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ЭВОЛЮЦИИ	14
ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛ. II:	21
III. НЕОДАРВИНИСТСКАЯ ТЕОРИЯ ЭВОЛЮЦИИ	24
ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛ. III:	27
IV. ВАРЬИРОВАНИЕ ЭЛЕМЕНТОВ	27
ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛ. IV:	34
V. СЕЛЕКЦИЯ МЕДИУМАМИ	37
ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛ. V:	43
VI. РЕ-СТАБИЛИЗАЦИЯ СИСТЕМ	44
ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛ. VI:	50
VII. ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ ВАРЬИРОВАНИЯ, СЕЛЕКЦИИ И РЕСТАБИЛИЗАЦИИ	51
ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛ. VII:	55
VIII. ЭВОЛЮЦИОННЫЕ ДОСТИЖЕНИЯ	55
ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛ. VIII:	61
IX. ТЕХНИКА	62
? ссылка	65
ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛ. IX:	71
X. ЭВОЛЮЦИЯ ИДЕЙ	73
ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛ. X:	81
X1. ЭВОЛЮЦИЯ ПОДСИСТЕМ	84
ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛ. XI:	89
XII. ЭВОЛЮЦИЯ И ИСТОРИЯ	91
ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛ. XII:	94
XIII. ПАМЯТЬ	95
ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛ. XIII:	103
Эволюция: системно-конструктивистский подход	105
1. Социальная система как "машина выживания" коммуникационных смыслов	105
2. Общий взгляд на биологическую эволюцию	107
3. От эволюции биологической к эволюции социальной	109
4. Эволюция идей	110
5. Память	111
6. Стабилизация эволюции как самовалидация собственных значений	112
7. Существуют ли гены социальной эволюции?	115
8. Языковое отрицание — главное эволюционное достижение	116
9. Теория эволюции Н. Лумапа как ответ на вызовы со стороны антидарвинизма	117
Вызов первый: в то время как эволюцию живых систем определяет конкуренция, в обществе господствует кооперация.	118
Вызов второй: социальные изменения не являются случайными, эволюция имеет направление.	119
Вызов третий: дефицит времени на опробование возможных комбинаций.	121
Примечания:	123

СОДЕРЖАНИЕ:

I. ТВОРЕНИЕ, ПЛАНИРОВАНИЕ, ЭВОЛЮЦИЯ ...	7
II. СИСТЕМНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ЭВОЛЮЦИИ ...	28
III. НЕОДАРВИНИСТСКАЯ ТЕОРИЯ ЭВОЛЮЦИИ ...	50
IV. ВАРЬИРОВАНИЕ ЭЛЕМЕНТОВ ...	56
V. СЕЛЕКЦИЯ МЕДИУМАМИ ...	75
VI. РЕ-СТАБИЛИЗАЦИЯ СИСТЕМ ...	89
VII. ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ ВАРЬИРОВАНИЯ, СЕЛЕКЦИИ И РЕСТАБИЛИЗАЦИИ ...	104
VIII. ЭВОЛЮЦИОННЫЕ ДОСТИЖЕНИЯ ...	113
IX. ТЕХНИКА ...	126
X. ЭВОЛЮЦИЯ ИДЕЙ ...	148
XI. ЭВОЛЮЦИЯ ПОДСИСТЕМ ...	171
xii. эволюция и история ...	185
XIII. ПАМЯТЬ ...	194

От переводчика:

Эволюция: системно-конструктивистский подход ...215
(Александр Антоновский)

I. ТВОРЕНИЕ, ПЛАНИРОВАНИЕ, ЭВОЛЮЦИЯ

Общество - результат эволюции. Говорят и об "эмерджентности".¹ Но ведь это - только метафора, которая ничего не объясняет и возвращает нас к логическим парадоксам. Если это признать, теорию эволюции можно описывать как трансформацию логически неразрешимой проблемы в проблему генезиса.² Какими бы неудовлетворительными не казались эволюционно-теоретические объяснения в их сравнении с логическими, научно-теоретическими и методологическими стандартами каузальных объяснений и прогноза, сегодня нам не известно никакой другой теории, которая могла бы объяснить выстраивание и воспроизводство структур социальной системы *общество*.

Итак, для начала мы всего лишь дали название и сослались на довольно хаотическую дискуссию.³ Путеводной нитью нашего дальнейшего анализа будет служить *парадоксальность вероятности невероятного*.⁴ Статистики считают это тривиальностью (или даже - неправильным применением статистических понятий). Ведь всякая совокупность признаков, скажем, своеобразие определенного человека, если задаться вопросом об условиях объединения в нем именно этих признаков, в конечном счете, окажется в высшей степени невероятной, т. е. результатом случайного совпадения; но, с другой стороны, эта невероятность присутствует в каждом таком случае, а значит, является совершенно нормальной. Статистика может и должна игнорировать эту проблему [вероятности невероятного]. Но применительно к теории эволюции разрешение этого парадокса все-таки является исходным пунктом. Невероятность выживания изолированных индивидов или даже изолированных семей трансформируется в (меньшую) невероятность их структурной координации, и *именно благодаря этому начинается социокультурная эволюция*. Теория эволюции перемещает эту

9

проблему в сферу времени и пытается прояснить, как возможно, что возникают и, при этом, нормально функционируют все более невероятные структуры, требующие все большего числа предпосылок.⁵ Ее основное положение состоит в том, что незначительную вероятность возникновения какого-то явления эволюция трансформирует в высокую вероятность его сохранения.* Это всего лишь другая формулировка для часто ставящегося вопроса о том, как из энтропии (вопреки принципу энтропии) может возникать негэнтропия. Другими словами, речь идет о морфогенезе сложности.⁷

Эта - вовлекающая время, динамически ориентированная -постановка проблемы исключает понимание, по которому эволюция воспринималась бы *исключительно* в ее структурных следствиях, скажем, в ее влиянии на распределение энергии и власти или на координацию интеграционных уровней общества.⁸ Эти результаты, конечно, тоже важно принимать во внимание, скажем - в форме распределений потенциалов действия на "уровни" или "подсистемы". Но данные следствия как раз и должна объяснить теория эволюции. Описание возникших дифференций само по себе еще не является теорией эволюции, причем даже в том случае, когда данный материал упорядочивается в исторически последовательную форму, т. е. представляется как последовательность эпизодов. Поэтому проблема видится нам именно в *морфогенезе* сложности.

Более современные теории эволюции уже не объясняют морфогенез сложности, обращаясь к соответствующему *закону* (который затем можно подвергнуть эмпирической верификации), или выявляя *преимущества* сложности *с точки зрения рациональности* (ведь тогда напрашивалась бы целесо-образность, если не интенционалистская интерпретация эволюции). Напротив, полагают, что эволюция протекает *рекурсивно*, т. е. итеративно применяет к своим собственным результатам тот же самый процесс. Но тогда нужно четче определить то, о каком "процессе" здесь идет речь. В дальнейшем мы попытаемся это сделать применительно к неодарвинистской схеме *варьирования, селекции и рестаблизации*.

Следующее допущение, которое мы обосновываем его эмпирической очевидностью, утверждает, что в ходе эволюции возросло количество находящейся на земном шаре биомассы, а также - с тех пор, как существует язык - увеличилось число коммуникативных событий. Прежде всего, речь здесь идет о чисто количественной и поэтому - легко верифицируемой констатации. Желание объяснить этот факт подводит к предположению, что возрастание такого рода массивов возможно лишь благодаря дифференциациям. И применительно к области языковой коммуникации следует добавить, что их допустимое множество многомерно возрастает, если коммуникация становится возможной также и в модусе отрицания, т. е. в форме оспаривания или отклонения.⁹ За предположением о количественном росте таких массивов кроется, следовательно, гипотеза о структурных дифференциациях неслучайного типа. Ее можно также сводить к ординарной формуле возрастания сложности: например, вслед за Дарвином свести ее к формуле дифференциации и специализации частей, хотя, конечно, и приходится отбросить дополнительную гипотезу о том, что большая сложность обуславливает более успешное приспособление систем к их внешнему миру. Все это предлагает ориентиры, однако еще не объясняет причины возникновения трансформации невероятностей в вероятности и - вызванного дифференциацией - роста указанных массивов. Эволюционная теория столкнулась с проблемой, но она пока лишь обозначила пространство, в рамках которого следует искать решения именно этой проблемы.

Эволюционная теория отказывается не от каузальных допущений, а от того, чтобы объяснять эволюцию причинными закономерностями. Напротив, она прибегает к гипотезам о неповторимости и в этом смысле - является теорией об уникально-историческом выстраивании систем. Ведь эволюция возникает, используя преходящие, мимолетные условия. И именно в этой возможности кроется шанс для выстраивания невероятного временного порядка. Теория эволюция близка к теории ожидания полезных случайностей, а это, прежде всего, предпо-

10

лагает наличие - способных к стабильности и/или к воспроизводству - систем, которые сами умеют себя сохранять и - ждать. Время принадлежит, следовательно, к сущностным предпосылкам эволюции, что, кстати, требует прерывания тесных (по времени) связей между состояниями внешнего мира и состояниями системы. Сегодня это называют "свободным соединением" ("loose coupling"). Эволюция, согласно этому, прежде всего, означает возрастание числа предпосылок, на которые может опираться какой-либо порядок. Благодаря процессу самоусиливающегося отклонения от основ равновероятного распределения [возможностей] возникает порядок, в котором с большей или меньшей уверенностью можно ожидать наличия таких позиций, субординации, ожиданий, которые будут зависеть именно от этого порядка. Если вообще появляется возможность смысловой коммуникации, то равновероятность всякого определенного сообщения во всякий определенный момент времени, в свою очередь, становится невероятной. Специфические вероятности конденсируются в ожидаемости, но в силу фундаментальной негарантированности всякого ожидания становится еще более явным то, что сами по себе они все-таки являются невероятными.

В область релевантности этой проблемы вошли различные теоретические решения, на фоне которых и должны быть прочерчены контуры теории эволюции. Сложность мироздания издавна являлась предметом удивления; и - в виде реакции на него - возникали теории творения.¹⁰ Они, как можно констатировать ретроспективно, имели значительное теоретическое преимущество. Мир стало возможным отличить, а именно, описать его как произведение (Werk), т. е. как единство целостности его видимых и невидимых образований, что предполагает и некоторую другую сторону различения, а именно, бога, об -эксплицитном или имплицитном - соприсутствии которого никогда не забывают. Генезис сложностного порядка приписывался некоторой разумной причине и восхищение непостижимым миром трансформировалось в восхищение непостижимым богом. Порядок - это осуществление некоторого плана. Един-

11

ство порядка раздваивалось в мышлении на причину и следствие. Причиной полагался бог-творец; следствием, в котором причина предлагает себя познанию, оказывается мир. Но это объяснение удовлетворительно лишь в том случае, если в него верить.

Теории творения должны были быть достаточно детализированными, чтобы в них можно было выявить как избыточное ("редундантное"), так и вариативное. Помимо прочего они должны перерабатывать и „*diversitas temporum*" (различие времен) и быть открытыми как Позитивному, так и Негативному. Лишь так - в столкновении с повседневными событиями - они могли порождать информацию. Этим требованиям и отвечали традиционные различия *хороших и плохих событий, совершенной и испорченной природы*. Они могли дополняться теологическими теориями *особого божественного провидения*, которые, к примеру, придавали молитвам видимость осмысленности. В раннее Новое время правдоподобность этих предпосылок начинает разрушаться под натиском теоретических и методологических требований: во-первых, со стороны естественно-научного исследования, а во-вторых - в связи с расширением свободного пространства человеческого деятельности. Была отвергнута аристотелевская теория естественных финальных целей. Поэтому тезис о божественном сотворении мира в качестве дополнения к повседневным переживаниям и действиям теряет всякий резонанс. Он уже не порождает информации, но - словно ради одной лишь защиты традиционной религии - служит завершающей формулой для обозначения единства мира, которое в противном случае оставалось бы ненаблюдаемым." Во второй половине девятнадцатого столетия, после длительной фазы религиозного карантина и поиска новых симбиозов, эволюционная теория, несмотря на всю ее предосудительность с точки зрения теологии, пробивает себе дорогу. В объяснении мира отказываются от теории творения, которая возвращается в рамки теологии. Соответственно и здесь возникают специфические проблемы. "*Ничто*" - содержащееся в принципе *creatio ex nihilo* - не может оставаться в прошлом. Оно всегда востре-

12

бовано - с тем, чтобы бытие могло быть бытием. Принцип *creatio continua* (непрерывного творения) требует беспрестанно-нового творения - в том числе и творения этого *ничто*. Но это уже не заботит теорию эволюции.

Другим препятствием служили онтологические предпосылки традиционного мышления в комбинации с неразвитостью аналитически-разлагающего потенциала науки. Говорили о видах и родах живых существ, которые следовало рассматривать согласно схеме *бытие/небытие*. Природу, или творение, определяли сущностные формы и субстанции. Варьирование было возможно лишь в области акцидентального. Прорывы, становившиеся событиями, постигались как "чудеса" - как невероятные по природе происшествия, которыми бог указывал на себя самого. Более или менее легендарные формы смещения были известны под названием "монстров", но им было отказано в какой бы то ни было степени порядка. Во всяком случае, их функция состояла в том, чтобы приводить косвенное доказательство совершенного порядка и гармонии природы: "вот так выглядят неудавшиеся формы!" Такая упорядоченность видов, которая, помимо прочего, обеспечивала кроликов достаточным потомством для того, чтобы и лисы имели пищу, - могла получить только теологическое объяснение. Эта онтология и ее двузначная логика диктовала и необходимость различать между движимыми и неподвижными (или изменяемыми и неизменными) вещами. Все теории изменения должны были исходить из этого различия, которое сводилось к парадоксу неподвижного двигателя и в этом пункте переводилось в понятия потенции (понятия *воли, власти*) и получало религиозную интерпретацию (понятие *всемогущества*). Просто-напросто запрещалось (в концептуализации понятия *движения*) мыслить *все* как подвижное и отказываться от понятия *неподвижного двигателя*. Или полагалось необходимым вводить в понятие *движения* двустороннюю форму различия быстрого и медленного движений.

До тех пор, пока живые существа, как и все вещи, определялись жесткими родовидовыми признаками, они сохраняли тем

13

самым и память о своем происхождении. С переходом к теориям эволюции, и даже уже начиная с Ламарка, все вещи будто бы теряют свою память. Своим

существованием в данном виде они обязаны каким-то вариациям, которые повторяются в других формах и могут приводить к другим формам. А значит -они обязаны истории! В пользу этого эволюционная теория (и здесь в XIX веке и последующие эпохи состояла слабость теологии) начинает приводить научные доказательства. Уже в XVIII столетии используются смягченные формулировки. Ради избежания коллизий с теологической догматикой творца отныне называют "*провидением*". И ему дают время. Весь мир не был создан им в одночасье. Он продолжает его создавать.¹² Но уже не трудами или чудесами, не "указующим перстом", но "незримой дланью". Одновременно открывают и "историю". Наконец, усиливающийся потенциал аналитического разложения в геологическом/биологическом исследовании ставит под вопрос (и в этом состояла *проблема* Дарвина) жесткую типизацию на виды и рода. С одной стороны, было и оставалось очевидным, что на скрещивание накладывались тесные ограничения. Этому соответствовало новое понятие *популяции* как полиморфного единства. Но, с другой стороны, история неизменно предлагала все больше свидетельств варьирования и диверсификации видов. И это также требовало проектировать эволюционную теорию как теорию истории. У Дарвина эта теория, опровергающая гипотезу сингулярного творения родов и видов, ограничивается ступенчатым понятием эволюции, в котором возникновение родов и видов понимается как постепенный и непрерывный процесс." Наконец, эта координация, возможное сосуществование дифференцированного, уже объясняют исторически - а не как результат соответствующего замысла.¹⁴ Именно это впоследствии делает данные подходы интересными для общественной теории того времени. На место "незримой длани" заступают теперь незримо действующие силы истории, подпорого-вые изменения эволюции, латентные мотивы и интересы, которые свои зримые формы могут принимать лишь в научных теориях.

14

Но в чем же состоит здесь альтернатива теориям творения? Посредством какого иного различия можно заменить единство происхождения и различия (*движимое/неподвижное*) -как ведущей дифференции теории общественного изменения? Семантическую альтернативу с XVII по XIX столетия искали, прежде всего, в теориях прогресса. Сегодня это уже считается устаревшим - и именно в эволюционных теориях.¹⁵ Эволюционные изменения не могут упорядочиваться рамками, которые образует линия прогрессивного развития, консистенцию которого можно было бы как-то оценить. Но если эти допущения о прогрессивном развитии отпадают, то какова же тогда теоретическая архитектура эволюционной теории? Уже в течение почти столетия биологии с большим трудом дается постижение дизайна естественного отбора.¹⁶ По мере прояснения системных контуров процессов жизни ведущее дарвинистское различие *естественное/искусственное* замещается различием внешнего и внутреннего, благодаря чему понятие естественного отбора получает смысл селекции, осуществляемой *извне*. При его интегрировании в теорию общества этот концепт сопрягается с уже существующими представлениями об исторических процессах (во множественном или единственном числе) - причем для мышления XIX века был свойственен больший исторический фатализм: оно отказывается от простого положения, будто "история создается человеком".

В восемнадцатом столетии эту проблему приводят к форме фазовых моделей исторического развития. Мы же хотим - несмотря на некоторую неубедительность буквального смысла -назвать это *теориями развития*. Речь здесь идет о своего рода "операционализации" теорий прогресса - и как иначе можно эмпирически доказывать прогрессивность развития, нежели через сравнение различных фаз исторического процесса.¹⁷ *Единство* истории общества реконструируется в виде *различия* эпох, а то, что сюда не вписывается, подводится под - абсорбирующее аномалии - понятие одновременности неодновременного.

Возникает соответствующее представление о процессуальном характере истории. Свою необходимую форму оно нашло

15

в гегелевской интерпретации истории. Основу такой интерпретации составляет - разработанное применительно ко времени - представление об иерархии более низких и более высоких деятельностей. С помощью данных таким образом различий теория получила возможность показать, как в Различном действует Тожественное. В теорию

встраивается - тем самым выдавая себя за логическую метафизику - момент отрицания, посредством которого возвращающееся к себе самому Более Высокое постигает *для себя* Более Низкое как недостаточное, как изъян, как боль, как то, что требует преодоления. В этом имманентном ему отрицании Более Высокое открывает и реализует свою "свободу". Тем самым оно обнаруживает *в себе* некоторое противоречие и, таким образом, оказывается перед выбором: погибнуть из-за этого противоречия или же, как рекомендует философия - прибегнуть к его "снятию". Чтобы реф-лексия-в-себе могла осуществляться таким образом, принцип становления должен был быть "Духом". Дух движется благодаря своей способности различать - вплоть до абсолютной последней формы *различения-себя-в-себе*. Дух, следовательно, лишь обогащает себя, он ничего в себе не уничтожает. Он ничего не забывает. Он не отказывается и от реализации возможностей. Поэтому его совершенство и состоит в том, что, в конечном счете, исключенным остается лишь сам процесс исключения, и тогда - все возможное становится действительным.

С тех пор ни одна теория больше не приводила к такой замкнутой форме, и, следовательно, все более поздние концепты должны были от нее отличаться. Все постгегелевские теории, поэтому, должны были предусматривать не исключение исключения, а его включение. В эмпирических науках, работавших с индуктивно получаемыми понятиями *эпох* без обращения к тенденциям духа (Geisttrends), представление о единстве процесса давало повод для многочисленных, но сегодня уже потерявших актуальность контрверз - скажем, для характеристики (а затем, естественно - для отклонения этой характеристики) этого процесса как непрерывного, как однолинейного, как закономерно-необходимого, как принудительно-прогрессивного.¹⁸ Теорию

16

эволюции, которой приписывают такого рода предметные определения, остается лишь отклонить.¹⁹ Ведь в ее основе лежит некоторая путаница, которую можно было легко устранить с помощью минимальной понятийной скрупулезности.

Суждения о подобных делениях на эпохи и о теориях развития в целом воспринимаются ныне более скептически.²⁰ То же самое относится и к теориям глобальных процессов, которые с энтузиазмом встречают и усваивают именно это [подразделение эпох]. Чем бы это ни было, но уж, во всяком случае, о теориях эволюции речь здесь не идет.

Другой подход, в свою очередь именуемый себя эволюционной теорией, задается целью объяснить нечто совершенно иное. В нем речь ведется о дифференциальной эволюции, т. е. о вопросе, почему одни общества развились, а другие - нет. Т. е., к примеру, о вопросе, почему в одних обществах возникли "государства", а в других - этого не произошло. При этом, как правило, исходят из определенных переменных, прежде всего, из роста населения, а затем, ради объяснения того, почему имело место дифференциальное развитие, добавляют другие переменные (скажем, экологические условия или социальную организацию).²¹ Другая схема, точно так же выдающая себя за эволюционную теорию, представлена различием *инновация/диффузия*.[^] Но она выражает совершенно легитимный, распространенный, прежде всего, среди археологов и историков первобытности исследовательский интерес. Смущает лишь то, что и данную схему обозначают как теорию эволюции, благодаря чему стирается отличие [этой схемы] от теорий, интерес которых направлен на морфогенез сложности.

Правда, в социальной антропологии и социологии эти различия сегодня почти не выявлены.²³ Хотя, согласно позиции Дарвина, они являются совершенно четкими.²⁴ Эволюционная теория (как бы далеко она не ушла сегодня от дарвинской идеи) использует совершенно иное различие, пришедшее на смену различию *движимое/неподвижное*. Она различает не эпохи, а *варьирование, селекцию* и *ре-стабилизацию*.TM Благодаря этому она, выражаясь старым языком, объясняет возникновение

17

сущностных форм и субстанций из акцидентального; освобождает порядок

вещей от всякой связи с источником происхождения, от формоопределяющего первоначала. Она просто вывертывает наизнанку понятийный каркас мироописания.

Различение *варьирования, селекции и рестабиллизации* несет в себе такой смысл, который одновременно заслоняет само это различие. Это различие объясняет, что - и как именно - можно использовать временно возникающие и вновь отпадающие констелляции. Оно способствует разворачиванию парадокса вероятности невероятного с помощью некоторого *другого* различения. Понятия *варьирования и селекции* перемещают проблему на другой уровень и тем самым вытесняют вопрос о единстве различения *вероятного и невероятного*. Исходный парадокс они приводят в некоторую более удобную для использования форму; причем это происходит, конечно же, скачкообразно, креативно, логически непостижимо. Парадокс теряет повторную распознаваемость, становится невидимым и на его место заступает другое различие, которое открывает простор для эмпирических постановок вопросов. Ведь теперь можно спросить о том, при каких условиях механизмы варьирования и механизмы селекции разделяются и потом могут быть различены неким наблюдателем.

Различение, служащее для наблюдения, всегда имеет слепое пятно. Оно обнаруживается там, где должна быть проведена граница, которая разделяет обе стороны различения. Разделительная полоса должна быть проведена как ненаблюдаемая, ибо наблюдатель обязан подсоединяться либо к одной, либо к другой стороне различения. В случае различения варьирования и селекции, а также селекции и рестабиллизации, эта граница получает обозначение *случайности*, т. е. - *отрицания* всякой системной связи эволюционных функций. Поэтому невозможно познать (наблюдать) то, приводят ли вариации к позитивной или негативной селекции новых свойств; и в той же незначительной степени наблюдению доступно то, оказалась ли успешной - или нет - ре-стабилизация системы после позитивной или негативной селекции. И как раз данное положение о невоз-

18

можности познания, расчета, планирования является таким высказыванием, которое выделяет данную теорию в качестве эволюционной.

Пока вслед за Дарвином исходили из "естественного отбора", осуществляемого *внешним* миром, полагали, что именно последний и гарантирует стабильность." Считалось, что некоторые, а именно хорошо приспособленные, системы будут стабильными до тех пор, пока их внешний мир не претерпит изменения. Особая функция *рестабиллизации* не являлась предметом рассмотрения. Положение дел меняется с отказом от принципа *естественного отбора* и переориентацией эволюционной теории на *ко-эволюцию* структурно сопряженных, аутопоэтических систем.²⁷ Соответственно, такие системы должны сами заботиться о своей стабильности и о том, чтобы в дальнейшем иметь возможность участвовать в эволюции. Отныне требуется три эволюционных функции или механизма, в которых варьирование и селекция обозначают события, а функция рестабиллизации, напротив - самоорганизацию эволюционирующих систем как предпосылку того, что вариация и селекция вообще являются возможными.

То обстоятельство, что речь ведется о двух различениях, а именно, о *варьировании/селекции* и о *селекции/рестабиллизации*, уже является первым шагом к разрешению (получившей название *случайности*) проблемы не-наблюдаемости, а именно - в форме дополнительно включенного понятия *стабилизации*, которая осуществляется лишь тогда, когда варьирование и селекция оказались в "случайном" взаимодействии; эта рестабиллизация, следовательно, в свою очередь, является (системно нескоординированной) реакцией на случайность как на единство указанного различения. Если бы теория руководствовалась лишь одним из этих различений, она бы оставалась, так сказать, зависимой от случайности и этим понятием должна была бы отсылать к внешнему миру системы. Лишь сопряжение двух различений, центрированное в понятии *селекции*, делает возможным мыслить эволюцию как бесконечный процесс в необратимом времени,

в котором впоследствии всякая достигнутая ста-

19

бильность - и по мере роста комплексности все интенсивнее -вновь предлагает отправные точки варьирования.

Прежде всего, является очевидным, что как позитивные, так и негативные селекции ставят проблему стабильности. В случае позитивной селекции в систему должна быть введена новая структура, результаты функционирования которой в дальнейшем должны пройти проверку на жизнеспособность. В случае негативной селекции система "потенциализирует" отклоненную возможность. Она должна жить вместе с этой отклоненной возможностью, *хотя она и могла бы ее использовать*, и другие системы, возможно, ее уже использовали или могли бы сделать это в будущем. Но это отклонение может оказаться и ошибочным - и таковым оставаться. Отбор, следовательно, с необходимостью не гарантирует хороших результатов.²⁸ В долгосрочной перспективе он еще должен выдержать проверку возможности его стабилизации.

Это изложение представляет рестабиллизацию в качестве завершения некоторой последовательности. Но ведь стабильность предполагается и в качестве начала, а именно, в качестве предпосылки того, что нечто может варьироваться. Этот третий фактор эволюции является, следовательно, одновременно и началом, и концом, является понятием для их единства, которое -поскольку дело сводится к структурному изменению - может описываться в качестве стабильности динамической. В модели с абстрактным временем теория эволюции описывает циркулярное отношение. Благодаря этому она одновременно истолковывает то, что (и как именно?) в качестве ассиметризирующего фактора в игру вступает время. И именно поэтому в поверхностном описании, которое, правда, полностью вытесняет исходный парадокс, речь, видимо, идет о некотором процессе.

После этих разъяснений едва ли еще требуется подчеркивать, что теория эволюции не является теорией прогресса. Она равнодушно принимает и внезапное появление (Emergenz), и деструкцию систем. Ведь и Дарвин, давая видам характеристики, отказывался (хотя и не совсем последовательно) использовать выражения *"более высокое"* и *"более низкое"*. Уже пони-

20

мание эволюции как будто бы способствующей лучшему приспособлению систем к внешнему миру не может интерпретироваться как представление о прогрессе, ибо при этом приходится допускать, что внешний мир непрерывно изменяется и влечет за собой все новые приспособления. Столь же сомнительно и то, можно ли и далее рассматривать специализацию как своего рода эволюционный аттрактор, который приводит (но каким, собственно, образом?) к возрастанию числа от-дифферен-цирующихся специфических компетенций, ролей, организаций, систем. Очевидно, что здесь экономическая теория разделения труда и ограничения конкуренции путем диверсификации рынков навязывается теории эволюции и (прежде всего, благодаря Спенсеру) генерализируется во всеобщий исторический закон. Это поначалу активизирует эволюционную теорию, но затем даже и в самой экономической теории выявляется эволюционное преимущество не-специфицированного.²⁹ Подобные представления не следует полностью отклонять; однако с помощью теории эволюции в более узком смысле надо проверить, являются ли они (и насколько?) обоснованными.

Из этих демаркационных идей вытекает объяснительная цель эволюционной теории. Эта теория не может позволить себе толковать будущее. Она также не создает возможностей для прогнозирования.³⁰ Она не предполагает никакой телеологии истории - ни в отношении хорошего, ни в отношении плохого конца истории. Она не является и теорией управления, которая бы могла помочь решить вопрос о том, следует ли дать эволюции идти своим чередом или же есть необходимость в ее корректировке.³¹ Напротив, дело состоит исключительно в вопросе о том, как следует объяснять, что в некотором мире, который непременно предлагает и сохраняет и много другого, возникают более комплексные системы; и о том, почему они разрушаются. Если говорить совсем просто, речь идет об

объяснении структурных изменений.

В этом случае, как правило, вспоминают о неплановых структурных изменениях. И все-таки теория планирования не предлагает никакой альтернативы для эволюционной теории. Тео-

21

рия эволюции рассматривает и те системы, которые сами себя планируют. Ни в коем случае не оспаривается, что планирование или - в более общем виде - интенциональные предвосхищающие обращения к будущему играют в социокультурной эволюции существенную роль. Говорят даже о предвосхищающей индукции.³² Но, во-первых, основа для формирования интенций, как правило, если не всегда, оказывается отклонением от укоренившейся рутины (следовательно, никак не является спонтанно возникающим самоосуществлением Духа); оно само, таким образом, является результатом эволюции. И, кроме того, будущее не ориентируется на интенции, а вбирает в себя лишь интенционально произведенные факты как исходный пункт дальнейшей эволюции. Итак, эволюционная теория полагает (и это не так уж далеко от реальности), что планирование не способно определить то, в каком состоянии окажется система в результате планирования. Соответственно, планирование, если оно имеет место, являет собой момент эволюции, ведь уже одно наблюдение моделей и благих намерений планирующих ведет систему по непредсказуемому курсу. Теория эволюции могла бы по этому поводу высказаться следующим образом: то, какие структуры вытекают из планирования, определяется эволюцией.

Правда, если принять эволюционистское понимание структурных изменений, нужно отказаться от представления, будто структуры представляют собой нечто "жесткое", отличное от чего-то "текучего". (Так, хотя некоторый наблюдатель и может видеть структуры, но если постараться выяснить, *что* же ему, таким образом, видится в качестве структуры, нужно прибегнуть к наблюдению наблюдателя). Структуры - это условия ограничения в области допускающих подсоединение операций. Структуры не существуют абстрактно, независимо от времени. Они используются - или не используются - в процессе продолжающихся операций. Повторяясь в различных ситуациях, они конденсируют и подтверждают некое разнообразие смысла, которое не поддается точному определению; или же они предаются забвению. Структуры представляются (некоторому наблюдателю) "стабильными" в том случае, если существуют другие

22

структуры, которые навязывают повторное применение первых." Однако структуры всегда воплощаются лишь в координировании (ограничении сферы возможного) текущего процесса перехода от одной операции к другой операции. И именно это операционное (в нашем случае, означает - коммуникационное) отношение делает возможным эволюцию общественных структур.

Поэтому для изменения структур, вопреки их имманентной устойчивости, нет нужды в каком-то экстраординарном напряжении, как это должно было бы вытекать из классической теории. Они могут устаревать, если предпочтительность получают иные каналы операций подсоединений. Их использование может ограничиваться определенными ситуациями или, наоборот, распространяться и на какие-то новые ситуации. Эволюция проявляется постоянно и повсеместно.

ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛ. I:

¹ Ср.: Morgan C. L. *Emergent Evolution*, New York 1923. Вопрос о множестве измерений или переменных *эмерджентности* см.: Wilden L. *System and Structure: Essays in Communication and Exchange*. London 1980, p. 351 (375). Новейший обзор см.: Bonabeau E./Dessales J.-L./ Grumbach A. *Characterizing Emergent Phenomena*. In: *Revue Internationale de systemique* 9 (1995), p. 327-335 (316).

² Применительно к случаю "эмерджентности" самоорганизации такую формулировку предлагает Бернар-Вейль. Bernard-Weil E. *Reevaluation des concepts d'auto-organisation et d'urgence a la lumiere de la systemique ago-antagoniste*. In: *Revue internationale de systemique* 8 (1994), pp. 315-335 (316). При этом, правда, уже не помогают и диалектические способы решений, логика которых остается еще более непрозрачной. Скорее, следовало бы

поразмислять о попытках темпорализации математических исчислений.

³ Обзор англосаксонской версии этой дискуссии см.: Ingold T. *Evolution and Social Life*. Cambridge 1968. А также: Sanderson S. K. *Social Evolutionism: A Critical History*. Oxford 1990.

⁴ О "невероятно-вероятном" см.: Morin E. *La Methode*. Vol. 1. Paris

23

1977. (В рус. пер. см.: Э. Морен "Метод. Природа Природы" - М.: Прогресс-Традиция, 2005. Здесь в качестве "парадигмы", сегодня уже ставшей классической, служит химическая невероятность молекул ДНК.

⁵ Согласно структуралистскому методу, соответствующую теорию вероятности невероятного можно было бы конструировать с помощью понятия *насилия*. Универсально-распределенное виртуальное насилие раздваивается: в нем различают легитимные и нелегитимные виды. Это происходит не благодаря социальному договору (Гоббс), а посредством эволюции. В своей легитимной форме насилие (в данном случае - государственное принуждение) служит искоренению нелегитимного насилия. Итак, эта дифференциация характеризует насилие с помощью включения исключения, и легитимность, с этой точки зрения, является не понятием с известными значениями, а именно таким *включением исключения* — парадоксом, разрешение которого конституируется как государственное принуждение (или как его функциональный эквивалент). Об этом см.: Baecker D. *Gewalt im System*. In: *Soziale Welt* 47 (1996), pp. 92-109.

⁶ См.: Marayama M. *Postscript to the Second Cybernetics*. *American Scientist* 51 (1963). Pp. 250-256.

⁷ Этот взгляд является весьма распространенным. В конечном счете, он восходит к идеям Герберта Спенсера - к его знаменитой формуле "изменения из состояния неопределенной, некогерентной гомогенности к состоянию определенной, когерентной гетерогенности". См.: *What is Social Evolution, The Nineteenth Century* 44 (1898). Pp. 348-358 (353). Это подробно излагается в главах о *Законе эволюции в его первых основаниях*. 5 Ed. London 1887. P. 307. См. более новые отзывы: Pringle J. W. S. *On the Parallel between Learning and Evolution*. In: *Behaviour* 3 (1951). Pp. 174-215; Buckley W. *Sociology and Modern Systems Theory*. Englewood Cliffs N. J. 1967. Pp. 50, 62. Pawelzig G. *Dialektik der Entwicklung objektiver Systeme*. Berlin 1970. S. 135; Lenski G. *Social Structure in Evolutionary Perspektive*. In: Blau P. (Ed.) *Approaches to the Study of Social Structure*. London 1976. Pp. 135-153.

⁸ Так рассуждает, например, Ричард Эдамс. Adams R. N. *Energy and Structure: A Theory of Social Power*. Austin 1975.

⁹ Это возвращает нас к разработкам Да/Яе/я-кодирования языка в книге второй настоящего издания.

¹⁰ Мы говорим здесь о теориях возникновения мира со следующими признаками: целостность авторского творения, сложность, зависимость. Библейские же тексты предлагают гораздо более ком-

24

плексный образ. См.: Welker, M. *Schopfung und Wirklichkeit*. Neukirchen-Vluyn 1995. Продолжая мысль, можно сказать: творение есть событие (или: регистрация) дифференции, которая *поэтому* способна начать действовать творчески.

¹¹ Гегель же в лекциях о философии религии аргументировал с точностью до наоборот. См.: *Vorlesungen über die Philosophie der Religion*. In: Hegel G. F. W. *Werke*. Bd. 16, Frankfurt 1969. S. 20. В отказе от детализации природы цели Гегель усматривал пользу для набожности: "То, что служит пользе одного, приносит ущерб другому и поэтому является нецелесообразным: сохранение жизни и связанных с ним интересов, которые однажды были поощрены, в другой раз в той же степени подвергаются опасности и уничтожаются. Так, *раскол в самом себе* происходит из-за того, что вопреки вечному принципу действия Бога конечные вещи возвышаются до существенных целей" (С. 21). В мировой истории духа возможны лишь преходящие изъяны.

¹² Так полагает Георг Зюльцер. См.: Sulzer G. *Versuch über Glückseligkeit verstandiger Wesen* (1754). In: *Vermischte Philosophische Schriften* Bd. 1, Leipzig 1773, Nachdruck Hildesheim 1974. S. 323-347. Также ср.: Kant I. *Allgemeine Naturgeschichte und Theorie des Himmels* (1755). В остальном, уже в 16 столетии в ходе усиливающегося сознания прогресса появляется мнение о том, что Бог, хотя и не создавал мир постепенно, но все-таки дает возможность его *постепенного* познания: поэтому, в конечном счете, возникает книгопечатание, были открыты обе Америки, изобретена артиллерия. Ср.: Frangois de La None, *Discours politique et militaires*. Basel 1587. Repint: Genf 1967. P. 520. Согласно господствующему ныне представлению, прорыв наступает все-таки лишь в середине XVIII столетия. См.: Lovejoy A. O. *The Great Chain of Being: A Study of the History of an Idea*. Cambridge Mass. 1936. R 242. Lepanies W. *Das Ende der Naturgeschichte: Wandel kultureller Selbstverständlichkeiten in den Wissenschaften des 18. und 19. Jahrhunderts*. Munchen 1976.

¹³ Как в биологии, так и в теории общества сегодня отказываются от этого представления в пользу понятия случайных, но внезапных структурных изменений - ведь теперь уже можно не опасаться, тем самым, оказаться свидетелем чудес творения.

¹⁴ О Дарвине как об "историческом методологе" см.: Gould S. J. *Evolution and the Triumph of Homology, or Why History Matters*. In: *American Scientist* 74, (1986). Pp. 60-69.

¹⁵ См.: Ingold. Цит. изд. (1986). С. 12.

¹⁶ Историю эволюционных теорий с биологического угла зрения см.:

25

Bowler P. J. *Evolution: The History of an Idea*. 2nd. Ed. Berkeley Cal. 1989. Систематическое изложение, согласно нынешнему состоянию науки см.: Kauffmann S.A. *The Origins of Order: Self-Organization and Selection in Evolution*. New York 1993.

¹⁷ Современную основу этой методики образует шкала Гутмана, которая, однако, еще никогда не применялась к обществу в целом, а использовалась лишь применительно к таким специальным областям как разделение труда, религия, политическое устройство, право. Обзор см.: Carneiro R. Scale Analysis. Evolutionary Sequences, and the Rating of Cultures. In: Naroll R. / Cohen R. (Ed.) Handbook of Method in Cultural Anthropology. Garden City N. Y. 1970. Pp. 834-871.

¹⁸ Герберт Спенсер, который стоял в центре этих контrovers, в этом отношении был одновременно и осторожным, и неосторожным. Критику этих предположений см.: Spencer H. Principles of Sociology Bd. I. 3-d ed. London. 188. P. 93. О том, "что эволюция может закончиться только учреждением величайшего совершенства и самого полного счастья", см.: First Principles. 5-th ed. London 1887. P. 517. Столетием позже с этим все еще можно соглашаться - хотя и с небольшим добавлением: "тогда она как раз и не закончится!"

¹⁹ Это вызвало многочисленные (ретроспективно глядя - бесполезные) дискуссии о теории эволюции. См.: Hobbhouse L. T. / G. C. Wheeler / M. Ginsberg. The Material Culture and Social Institutions of Simpler People: An Essay in Correlation. London 1915. New ed. 1965. P. 1. Да и критика стиля подобных контrovers продолжается уже добрых полстолетия. См.: Adam L. Functionalism and Neo-Functionalism. Oceania 17. (1946). Pp. 1-25.

²⁰ Ср. с дискуссиями: Gumbrecht H. U. / Ursula Link-Heer (Ed.) Epochenschwellen und Epochenstrukturen in Diskurs der Literatur und Sprachtheorie. Frankfurt 1985. Или: Epochenschwelle und Epochenbewusstsein (Poetik und Hermeneutik Bd. XП). München 1987.

²¹ В качестве примера см.: Sanders W. T. / Webster D. Unilinealism and Multilinealism, and the Evolution of Complex Societies. In: Redman Ch. L. et al. (Ed.) Social Archaeology: Beyond Subsistence and Dating. New York 1978. Pp. 249-302.

²² см.: Heuss E. Evolution and Stagnation of Economic System. In: Dopfer K. / Raible K.-F. (Ed.) The Evolution of Economic Systems: Essays in Honour of Ota Sik. London 1990. Pp. 91-99 (93).

²³ См., например: Ingold. Цит. изд. (1986). С. 102. В рамках традиционного понятия эволюции Ингольд требует под ним "обозначать непрерывное, направленное и целесообразное движение, к которому изначально и абсолютно адекватно относится этот термин".

²⁶ См. соответствующую критику: Blute M. Sociocultural Evolutionism: An Untried Theory. Behavioral Science 24 (1979). Pp. 46-59. Далее ср.: Dietz T. / Burns T.R. / Buttel F. H. Evolutionary Theory in Sociology: An Examination of Current Thinking. Social Forum 5 (1990). Pp. 155-171.

²⁴ Правда, следует, по меньшей мере, упомянуть, что понятие **эволюции** вошло в моду больше благодаря Спенсеру, нежели Дарвину. Сам же Дарвин всегда использовал его лишь вскользь и, во всяком случае, не для обозначения им своей собственной теории. Да и так называемый социальный дарвинизм едва ли может сослаться на Дарвина, и уж конечно не на его The Decent of Man (1871). Ретроспективный взгляд см.: Tort P. (Ed.) Darwinisme et societe. Paris 1992.

²⁵ Об интеграции этого различия в социальные науки, прежде всего, см.: Campbell D. T. Blind Variation and Selective Retention in Creative Thought as in Other Knowledge Processes. In: Psychological Review 67 (1960). Pp. 380-400. Его же: On the Conflict Between Biological and Social Evolution and Between Psychological and Moral Tradition. In: American Psychologist 30 (1975). Pp. 1103-1126 (являет собой выборку в целом преимущественно эпистемологически ориентированных трудов). Далее, применительно к культурной, трансформирующей "правила", эволюции см.: Burns T. R. / Dietz T. Cultural Evolution: Social Rule Systems and Human Agency. In: International Sociology 7 (1992). Pp. 259-281.

²⁶ Впрочем, сам Дарвин полагал, что эволюция цивилизации устраняет естественный отбор. Об этом см.: Tort P. L'effet reversif de l'evolution: Fondements de L'anthropologie darwinienne. In : Tort P. Цит. Изд. С.с. 13-46. Это должно было бы означать, что цивилизация как продукт эволюции отныне сама должна была гарантировать собственное существование.

²⁷ Об этом см.: Leydesdorff L. The Evolution of Communication Systems. In: International Journal of Systems Research and Information Science 6 (1994). Pp. 219-230.

²⁸ См.: Huxley J.S. Evolution: The Modern Synthesis. Third Edition. London 1974. P. 485: "теперь мы понимаем, что результаты отбора, с точки зрения видов, или с точки зрения прогрессивной эволюции жизни, никогда не бывают с необходимостью "хорошими". Они могут быть нейтральными, они могут быть опасным равновесием полезного и вредного, или же они бывают определенно вредными."

²⁹ См. сноску 50.

³⁰ См.: Lofgren L. Knowledge of Evolution and Evolution of Knowledge.

²⁷ In: Jantsch E. (Ed.) The Evolutionary Vision: Towards a Unifying Paradigm of Physical, Biological, and Sociocultural Evolution. Boulder Col. 1981. Pp. 129-151. Научная разработка теории непрогнозируемых изменений требует в теории эволюции допущения саморегуляции, подобной той, что разрабатывается в системной теории. И такие формулировки при случае представляют в виде концепции эволюции. См., например, идею "эволюционной теории, ориентированной на рост благоденствия": Dahlstrom E. Developmental Direction and Welfare Goals: Some Comments on Functionalistic Evolutionary Theory about Highly Developed Societies. In: Acta Sociologica 17 (1974), pp. 3-21. Прогрессивность данной версии этой теории состоит, будем к ней справедливыми, в том, что в ней задаются уже не конечные статистические состояния, а переменные, которые должны указать на такие способности развития как: обучаемость, мобилизация ресурсов, адаптивная модернизация. См., например: Umbhauer G. Evolution and Forward Induction in Game Theory. In: Revue Internationale de systemique 7 (1993), pp. 613-626.

Ниже мы предложим аргументацию в пользу того, что **для этого процесса** особое значение имеет форма системной дифференциации.

II. СИСТЕМНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ЭВОЛЮЦИИ

Последние трансформации эволюционной теории с ее принципами, заложенными Дарвином, были вызваны, прежде всего, постепенным пониманием той меры, в какой теории эволюции приходится обращаться к системно-теоретическим предпосылкам и благодаря этому подключаться к спору среди теорий систем.³⁴ С системно-теоретической точки зрения, варьирование и отбор рассматриваются как "внутренние движущие силы (sub-dynamics) комплексной системы".³⁵ В девятнадцатом столетии предпочтение отдавалось исследованиям, использующим семантику *демографии, популяций, наследственности*. Чем неопределеннее становилась семантика *субъективности и свободы*, тем достовернее выглядела, соответственно, *жизнь и телесность*. Лишь на этом фоне можно понять интересы Дарвина и интерес к Дарвину со стороны различных идеологий. Во всех многочисленных вариантах [эволюционной теории] индивид служит последней референцией; и это относится даже и к попыткам комбинировать теорию действия и теорию эволюции.³⁶ Это не позволяет преодолеть рамки теорий девятнадцатого века, которые для объяснения самоуправляемого характера эволюционного процесса *обращались к индивиду*, т. е. прибегали к теориям развития, представлявшим в виде теорий истории и зачастую эксплицитно отвергавшим само выражение *эволюция*. Здесь (видимо, даже в большей степени, чем в отказе от религиозных объяснений) лежит объединяющее начало большинства теорий эволюции и истории девятнадцатого века (исключая концепции, производные из теории Гегеля), а значит - и бесспорный исходный пункт всех контроверз.³⁷ Системная теория принуждает к более четким - по сравнению с прошлыми - абстракциям, а также - к большей скрупулезности в понятиях. Здесь мы возвращаемся к нашему всеобщему исходному пун-

29

кгу: системная теория имеет дело не с особым видом объектов, а использует определенное различие, а именно - различие системы и внешнего мира. Под приведенной к системно-теоретическому основанию *эволюцией* понимается всего лишь то обстоятельство, что структурные изменения - и как раз потому, что они могут осуществляться лишь внутрисистемно (аутопойе-тически) - не отданы на усмотрение системы, но должны достичь успеха в некотором внешнем мире, прощупать который система не может или, по крайней мере, не способна планомерно вовлекать его в свою сферу. Эволюционная диверсификация и умножение систем вместе с тем представляют собой диверсификацию и умножение внешних миров.³⁸ Лишь *дифференция* системы и внешнего мира делает возможным эволюцию. Другими словами: ни одна система не может эволюционировать из самой себя. Если бы вариации мира *не отличались* от системных вариаций, эволюция быстро достигла бы завершения в состоянии некоторой "оптимальной приспособленности".³⁹ Из этого вытекает, что хотя эволюция и не обязана *способствовать* приспособлению системы к ее внешнему миру, но она, пожалуй, *предполагает* такую приспособленность системы как своего рода минимальное условие ее протекания. Но это всего лишь свидетельствует о том, что несуществующие системы уже не могут и эволюционировать. Однако, прежде всего, следует учитывать, что дифференция системы и внешнего мира придает всякому изменению эффект *мультипликации*. Она изменяет систему и тем самым одновременно - внешний мир (релевантный или нерелевантный) других систем. Всякое изменение, следовательно, с высокой степенью вероятности запускает множество рядов причинных воздействий, которые одновременно, и тем самым - независимо друг от друга, порождают следующие воздействия, о которых потом можно сказать то же самое.⁴⁰ Мир обретает динамику из себя самого именно в силу одновременности происходящего и благодаря связанной с этим невозможностью координации. Другими словами: если наблюдаемая система и системы в ее внешнем мире эволюционируют (следовательно: ко-эволюционируют), возникает "ко-эволюция неустой-

30

чивости"⁴¹, на что наблюдатели способны реагировать лишь как на наблюдаемые "случайности". Лишь на этом фоне становится понятным то, какую роль в эволюционной теории играет "случай".

Если серьезно воспринимать это дифференциально-теоретическое основание теории, теряет актуальность старый спор об относительном значении внешних или внутренних причин (экзогенной или эндогенной эволюции). С помощью понятия "популяция" прежняя эволюционная теория локализовала причины вариаций внутри системы. С одной стороны, это вело к тому, что запускающий механизм всякого развития в направлении к развитию более высокому - например, для перехода к сельскому хозяйству, для разделения труда, для образования иерархий - усматривали в демографических переменных, прежде всего, в непреодолимом влечении человека к размножению. Подобные однофакторные объяснения сегодня считаются устаревшими.* Да и основываясь на представленном нами понятии *общества*, следовало бы исходить из таких переменных как плотность коммуникации или частота или спецификация информационных импульсов и, прежде всего, учитывать циркулярный характер усиления девиантности.

Эта демографическая интерпретация понятия *популяции* все-таки упускает из виду важнейшую, вводимую этим понятием новацию. Популяция состоит - и в силу этого данное понятие замещает более ранний типологический родовидовой эссенциализм - из *индивидов*, т. е. из *различных* индивидов. Она, следовательно, является полиморфным единством. При этом, в отличие от более позднего социального дарвинизма, источник вариативности здесь усматривают не в периодическом появлении индивидов особо способных к творчеству, инновациям и их претворению в жизнь, а различность индивидов в коллективе популяции. Применительно к биологии это означает, что генетическая гетерогенность популяций, возможно, объясняет эволюцию лучше, чем "естественный отбор". Это предуготовляет возможности, которые обеспечивают способности популяции усиливать ту или иную уже наличествующую характеристику,

31

благодаря которой она ориентируется на изменяющиеся требования. Речь, следовательно, идет о некоем коллективном индивидуализме (если вообще допустимо образовывать такое понятие), а вовсе не об индивидуализме, в котором подчеркивалась бы значимость отдельных живых существ. Условие варьирования лежит в многообразии, а не в возможности того, что среди большого числа индивидов с достаточной вероятностью появляются и экземпляры, выделяющиеся особой инновативностью.

С другой стороны, механизм селекции выносится во внешний мир. О "естественном отборе" говорят именно в этом смысле. Если же теорию систем формулировать радикально - как теорию производства и воспроизводства дифференции системы и внешнего мира, то больше нет смысла сохранять это распределение на внутренние (вариация) и внешние (селекция) факторы. Однако недостаточно ограничиваться одной лишь критикой понятия "естественного отбора", именно в этом преодолении дарвинизма усматривая возможности развития теории.⁴³ Столь же малоубедителен и противоположный маневр ⁴⁴ (а именно, подход социологической теории, ранее явно фаворизировавшей эндогенные причины ⁴⁵), рекомендуемый обращаться к понятию "естественного отбора" и в этом смысле - ориентироваться на внешние причины. Каузальные утверждения всегда предполагают некоторую селекцию, а значит - некое приписывание причин и следствий, а значит - наблюдателя. Но ведь эволюция не осуществляет подобных приписываний, да и не наблюдает сама себя.

С помощью системной референции "*социальные системы*" может быть разрешен спор между преимущественно демографически-экологической и преимущественно культурно-ориентированной эволюционными теориями. Те из них, интерес которых направлен на людей как на живую популяцию (в ее борьбе с комарами, львами и бактериями), должны следовать демографическим ориентирам. Об эволюции же социальной системы общества, напротив, можно говорить лишь в том случае, если рассматривать не живую, а коммуникационную систему, которая в каждой своей операции воспроизводит смысл, предпола-

32

гает знание, черпает из собственной памяти, использует формы культуры. Речь,

следовательно, идет вовсе не об осмысленной научной контрверзе, а о выборе системной референции, т. е. о решении, касающемся предмета эволюционно-теоретического анализа.⁴⁶

Если решиться взять за основание исследовательскую программу теории операционно-замкнутых, аутопойетических систем, то, помимо указанных, требующих немедленного прояснения вопросов, теория систем способна глубоко проникнуть и в само содержание эволюционной теории.⁴⁷ С помощью этой теории можно, прежде всего, с успехом объяснить то обстоятельство, что системам открывается простор для эволюционного структурного развития. Сам аутопойезис выставляет лишь минимальные требования; применительно к системе общества он вообще требует лишь того, чтобы в коммуникации учитывались дальнейшие коммуникации. Но это может воплощаться самыми разными структурами.¹⁸ Структуры, конечно, необходимы, поскольку они сужают простор подходящим подсоединяющимся операциям настолько, чтобы мог осуществляться переход от операции к операции. Можно было бы сказать, что структуры являются необходимыми редукциями комплексности. Однако селективность структурообразования задает и возможности различных способов развития. На *необходимости совместимой с аутопойезисом селекцией структур* (и это лишь обратная сторона той же самой ситуации) основываются *шансы дифференциальной эволюции*. Типы аутопойетических и соответствующих системных образований - здесь подразумеваются Жизнь, Сознание, Коммуникация - являются словно неповторимыми творениями эволюции, которые утвердились, основываясь на потенциале своего структурного развития. Но, этот процесс само-утверждения состоит в спецификации самых различных форм, которые смогли сформироваться в медиуме аутопойетической необходимости и получить дальнейшую спецификацию. Эта сыгранность самовоспроизведения и структурообразования делает возможной и необходимой эволюцию, для объяснения которой уже не требуется гипотезы "естествен-

33

ного отбора" или других видов внешней структурной детерминации. Т. е. здесь не играет ключевую роль предельно оптимальное или, во всяком случае, более конкурентоспособное приспособление к внешнему миру. В равных экологических условиях могут выжить живые существа, оснащенные самыми разными средствами.⁴⁹ Кроме того, благодаря этому разрешается и старая теоретическая контрверза, а именно, спор о более высоком эволюционном потенциале менее специфицированного.⁵⁰ В реальности не существует никакого неспецифического воспроизводства. Но существует дифференция между аутопойезисом и структурной детерминацией.

Здесь мы самым принципиальным образом вступаем в противоречие с исследовательской программой социобиологии. Генетическая детерминация жизни является неоспоримым исходным основанием. Но из нее как раз и не вытекает, что она, со своей стороны, детерминирует социальные порядки (при том, что, конечно же, следует признать, что невозможен социальный порядок, требующий, чтобы люди для движения вместо ног постоянно использовали бы руки.) Генетическая детерминация жизни, напротив, сбалансирована общественным порядком социальных систем, с их высокими (и даже, возможно, более высокими?) степенями свободы. Последний развивает структурные детерминации собственного типа.

Да и в другом отношении различие между системной и эволюционной теориями подводит к примечательным заключениям - особенно, если в основу кладется концепт операционно-замкнутых аутопойетических систем. Ведь эти системы практикуют самореференциальное, циркулярное отношение структуры и операции. Системы порождают структуры своими собственными операциями, которые, однако, предполагают, что структуры управляют процессом подсоединяющихся операций. Если это рассматривать, отвлекаясь от времени, подобная теория является эмпирически пустой. Напротив, теория эволюции вносит асимметрию в отношение структуры и операции, поскольку теперь речь идет лишь об изменении структур, а аутопойезис играет роль лишь граничного понятия. Соответствен-

34

но, в этом контексте воздействие на какую-то операцию способно явиться той точкой, где система может подвергнуться зависящим от случайности мутациям.

Но именно процесс эволюционной селекции имеет решающее значения для того, принимается или отклоняется структурное изменение. Если ауто-пойетические системы рассматривать как результаты эволюции (и что бы могло свидетельствовать против этого?), то тем самым обнаруживаются те ограничения возможных структурных изменений, которые позволяют формулировать эмпирически содержательные теории.⁵¹ Далее мы продолжим это рассмотрение, прежде всего, применительно к вызываемой эволюцией смене форм общественной дифференциации.

Если эти соображения и способны уточнить связь системной теории и теории эволюции, то в других отношениях теория операционно-закрытых аутопойетических систем оказывается в вопиющем противоречии с некогда характерным для эволюционной теории образом мышления. Как должна эволюционировать операционно-закрытая система общества, ведь для своего запуска или завершения она не может использовать свои собственные операции, поскольку она всегда либо оперирует аутопойетически, либо - ее не существует? Как она может возникать постепенно? Ведь переходные состояния "половинной" жизни или "частичной" коммуникации - невозможны. Живое существо либо живет, либо мертво. Коммуникация либо имеет место, либо не имеет. Это понятие требует такой бескомпромиссной жесткости."

Прежде всего, следовало бы напомнить о том, что все ауто-пойетические системы проводят свои операции непременно в той или иной актуальной современности. Да и рекурсивное осетвление операций осуществляется в современности на основе доступных в настоящем условий и возможностей подсоединения. У операции (и это относится также и к коммуникации, ведь и она должна представлять собой аутопойетическую операцию), поэтому, никогда не бывает начала, ибо система, чтобы мочь воспроизводить свои операции на основе собственных продуктов производства, *уже* должна быть запущенной; и

35

точно так же она не может найти завершения, ибо всякая дальнейшая операция производится относительно дальнейших операций.⁵³ Лишь какой-то наблюдатель (и его может представлять и сама оперирующая система) может зафиксировать начало и конец - в том случае, если в их основу он кладет соответствующую конструкцию *Прежде/После*. Лишь в том случае, если система осуществляет операции и выстраивает достаточную комплексность, чтобы быть в состоянии описывать и себя саму во временном измерении, - она способна "ретроспективно фиксировать" ("postizipieren") свое начало. Определение некоторого начала, некоторого генезиса, некоторого "источника" и некоторого (или же никакого) "Прежде" является мифом, рожденным самой системой, - или же историей, рассказанной другим наблюдателем.⁵⁴

Поэтому применительно к аутопойетическим системам эволюцию нельзя понимать как простое соединение отдельных частей, в котором уже-наличествующее делало бы возможным добавление еще-чего-то, которое без первой предпосылки было бы невозможным. Такого рода ход развития мы тоже не можем полностью исключать; но одним этим не объяснишь темпа эволюции. Аутопойетические системы делают возможной эволюцию, причем быструю эволюцию, именно благодаря своей способности замыкаться на базе собственных различий и тем самым вбирать в себя свои собственные предпосылки, если для этого достаточно [возможностей] внешнего мира, всегда наличествующего *одновременно* системе. И кроме того, временное измерение ведь не является схемой *система/внешний мир* в том смысле, что система существует в данное время, а прошлое или же ее будущее образуют ее внешний мир.⁵⁵ Дифференция *система/внешний мир* может подвергаться наблюдению исключительно в *предметном измерении*. Соответственно, хотя наблюдатель и может мыслить ее как пролонгированную в прошлое или будущее и при этом представлять себе какое-то ее начало и конец, но и это может осуществляться лишь как - данная в настоящем - операция, одновременная определенному внешнему миру.

Тем самым меняется постановка вопроса (относительно

36

"объективного" полагания времени). Аутопойетические системы способны возникать, если появляются современности, в которых может быть развернуто рекурсивное воспроизводство. Само собой разумеется, это невозможно на основании какой-то произвольной предыстории. Чтобы постичь то, что должно быть пред-заданным, нужно достаточно четко обозначить аутопойетическую операцию. Так, к примеру, коммуникация (т. е. общество) непременно приводится в действие в том случае, если в ходе наблюдения (которое благодаря этому становится "пониманием") могут быть различены *сообщение* и *информация*. Это возможно уже в до-языковых формах, но язык навязывает это различение с такой силой, что понимающий, если он потом и сам что-то говорит, вынужден опираться на тот же самый механизм, который делает возможным его понимание. Так, возникает рекурсивная замкнутость, в которой не задействовано никаких элементов внешнего мира, которая функционирует при помощи определенного эмерджентного различения. Столь же легко показать, что и сознание воспроизводит себя благодаря таким ретроспективным обращениям.⁵⁶

Эта "эксклюзивность" языка именно в отношении к внешнему миру имеет важные преимущества. Она делает возможным текущее обращение системы к постоянно изменяющемуся внешнему миру; т. е. не только одноразовое приспособление системных структур к устойчивым или воспроизводимым состояниям внешнего мира, но и (как это проявляется уже в отношении зрительной способности живых организмов) *преходящее* обращение к *преходящим* состояниям на основе структурных условий, которые даны исключительно в системе, а не во внешнем мире.^{*7} Соответственно, все сформировавшиеся в обществе подсистемы могут специализироваться на особенных открывшихся возможностях. То, когда "началась" эволюция этого условия, теперь уже нельзя однозначно-объективно определить; такого рода *веха*, напротив, конституируется в самой системе - так, словно речь идет о событии, которому закрытые системы обязаны своим существованием и своими критериями. Лишь наблюдатель, оснащенный особым образом, может

37

ставить вопрос о предшествующем развитии, о предварительных содействующих и благоприятствующих условиях, - и отвечать на него в меру *своих* познавательных возможностей. И где бы ни начиналось успешное формирование аутопойетических систем, этот основополагающий процесс может варьироваться в самых разных формах. Слой аристократии замыкается в себе посредством эндогамии или иных механизмов - но, естественно, только в тех случаях, если можно идентифицировать семьи, по отношению к которым определяется эндогамия. И лишь потому могут конструироваться генеалогии, которые восходят к героям, божествам или основателям родов.⁵⁸ Отдифференциация правовой системы предполагает наличествующие массивы событий-споров и событий, разрешающих споры, в которых могли распознаваться правила дальнейшей практики, - даже и в тех случаях, когда вспоминаемые события вовсе и не протекали как регулируемые какими-то правилами.⁵⁹

Наука как аутопойетическая система может возникнуть лишь в том случае, если уже наличествует достаточно большие массивы знания, которое, соответственно, может быть критически прослежено на предмет его истинности или ложности.⁶⁰

Первые попытки чеканить монету служили не для целей обмена, а для использования в качестве расчетных единиц в рамках домашних хозяйственных связей. Деньги поначалу использовались как символы невозмещенности затраченного труда, в известном смысле - в качестве суррогата благодарности.⁶¹

Но после накопления достаточно большого массива такого рода денежных единиц и после того, как меновое хозяйство развилось до такой степени, что стало замедлять поиск подходящих предметов обмена, могла начаться и отдифференциация денежного хозяйства - какими бы незначительными поначалу и ни были объем и сложность совершаемых сделок. Вместе с отдифференциацией монетарной экономики, начинается стремительное

экономическое развитие, которое уже не может выводиться ни из предшествующего состояния, ни из "изобретения" монетно-денежного обращения, а имеет источником собственную рекурсивную сеть, которая предполагает

38

готовность принимать деньги при самом разном обеспечении их ценности. Закончим примером из раннего Нового времени. Государству, от- дифференцировавшемуся на правовой основе *суверенитета*, были предпосланы структуры господства более раннего типа, но ретроспективно последние понимаются уже совершенно по-новому - так, как будто бы изначально существовала суверенная концентрация права и лишь злоупотребления феодальной аристократии разрушили старую систему.⁶²

Вместе с провозглашением суверенного государства, в особенности во Франции второй половины XVI столетия, за свою работу принимаются историки. Современность нуждается в подходящем для него прошлом.

Наш анализ показывает, что проблема *постепенности начала* может быть разрешена только в том случае, если пересмотреть лежащее в ее основании понятие *времени*. Столь же радикальные изменения необходимы для того, чтобы адаптировать понятие *адаптации*.

В эволюционной теории, преодолевающей концепции Спенсера и Дарвина, уже выявились серьезные сомнения по отношению к гипотезе о том, что "путем естественного отбора" будто бы выживают наиболее приспособленные (или даже: в наименьшей степени неприспособленные) системы.⁶³ Далее, подрывает теорию и то, что некоторые виды животных, очевидно, способны существовать в неизменной форме в течение миллионов лет, в то время как другие формы - под давлением [необходимости] приспособления - эволюционируют.⁶⁴ Кроме того, в очень многих случаях состояние приспособленности наличествует еще до того, как в нем возникла потребность, - и этот взгляд весьма существен для теоретико-эволюционного объяснения. Так, еще до изобретения дуста существовали приспособленные к нему насекомые, которые впоследствии смогли выжить.⁶⁵ В целом биологическая критика раннего адаптационизма ограничивается констатацией того, что *не все* изменения фенотипа живых существ могут быть объяснены как более удачное приспособление.⁶⁶ Лишь теория аутопойетических систем требует проведения понятийной ревизии. Для нее состояние

39

приспособленности является предпосылкой, а не результатом эволюции; во всяком случае, "результатом" - в том смысле, что эволюция разрушает свой материал, если она более не способна гарантировать состояние приспособленности.⁶⁷ Отныне объяснительную нагрузку несет понятие "структурного сцепления". Структурным сцеплением уже изначально гарантировано приспособление, достаточное для продолжения аутопойе-зиса. Локомоция живых существ гармонирует с определенной силой притяжения Земли. Но это еще никак не определяет того, в каких формах эта возможность будет реализована - как движение ящерицы или как движение насекомого. Подобным же образом и общественная коммуникация во многих отношениях (к примеру, в отношении ее возможного темпа) зависит от структурного сопряжения с системами сознания, что, однако, вовсе не детерминирует содержание коммуникаций и того, как ауто-пойетическая система общества проводит свои границы относительно внешнего мира. От эволюции, следовательно, не стоит ожидать никакого все более успешного приспособления выживших видов; и одного взгляда на экологические проблемы современного общества, пожалуй, будут достаточно, чтобы любое такое предположение лишилось своей убедительности. Именно в силу операционной замкнутости аутопойетических систем у них появляется большой простор для развития структур, оказывающихся совместимых с аутопойезисом. Так, в рамках общего состояния приспособленности могут возникать все более смелые неприспособленности - по крайней мере до тех пор, пока не прервется продолжение самого аутопойезиса.

В связи с этими соображениями можно и должно по-новому определять значимость понятия *сложностности* для понимания эволюции. Старое представление о том, будто эволюция является процессом движения от простых связей к более сложным, не выдерживает критики уже только потому, что не существует никаких простых связей, а кроме того - потому, что менее комплексные и более комплексные системы, очевидно, продолжают сосуществовать и в наше время, а значит, одни не могут заменяться другими (скажем, в силу "большей" адаптационной способности). Если и встречаются линейные тенденции

40

такого типа, то в них мы имеем дело с упрощающими самоописаниями современного общества, и именно для него такие описания оказываются убедительными, ибо общество остается единственной глобальной системой и не терпит в себе или наряду с собой еще каких-то "простых" обществ. Эволюция сама по себе не нуждается ни в каких ориентирующих тенденциях. Она ведь не является целесообразным процессом.

Во всяком случае, эволюционная теория не противоречит наблюдению того факта, что высоко-комплексные системы могут разрушаться или терять свое значение ****; что они зачастую обладают лишь незначительным эволюционным потенциалом и что эволюция нередко заменяет высоко-комплексные композиции превосходящими их упрощениями.⁶⁹ И, прежде всего, применительно к языку не выдерживает критики тезис о сложностности, все более возрастающей в ходе эволюции.⁷⁰ Однако несмотря на все эти возражения, все-таки нельзя оспаривать, что в течение эволюции системы проходят проверку на сложностность, что среди прочих выстраиваются и более сложностные системы. Сложностность - это эпигенетический результат того, как оперируют аутопойетические системы.⁷¹ Она делает возможными - при условиях, которые будут выявляться далее - большее количество структурных сцеплений (или делает их "более гибкими") между системой и внешним миром и, следовательно, более дифференцированную восприимчивость системы к раздражениям. Но ни в коем случае сама сложностность не может становиться критерием отбора (для этого она слишком сложно-стна).⁷² Поэтому в каждом конкретном случае всегда следует задаваться вопросом, "в каких видах ситуаций усилившаяся или уменьшившаяся сложностность имела бы позитивное селективное значение"⁷³, - и лишь в силу того, что возможны *оба* варианта, в процессе эволюции могут выстраиваться *в том числе и* высоко-комплексные системы. Такое переосмысление отношения теории эволюции и теории систем требует учета того факта, что новые формы часто получают чрезвычайно внезапное, стремительное развитие и требуют для этого особых условий, а значит, как раз и не вытекают из уже реализовавшихся структур

41

больших систем или популяций.⁷⁴ Достаточно вспомнить об особенностях маргинальных еврейской или греческой культур Древнего мира, т. е. то, что Парсонс назвал "обществами-рассадами" ("seed-bed-societies")⁷⁵. Наконец, реинтеграции в теорию систем требует и, возможно, самое важное или, во всяком случае, наиболее скандальное понятие эволюционной теории, а именно - понятие *случайности*.

Значение *случайности* в теории эволюции можно было понять так, как будто бы теория основывается на постулате незнания - незнания, относящегося к микрофизическим, химическим, биохимическим, нейрофизиологическим, психологическим процессам, которые, соответственно, в конечном счете, все-таки детерминируют все то, что происходит.⁷⁶ Тем самым проблема сводилась бы все-таки к теоретико-познавательной формулировке и к парадоксу (знания, основанного на незнании). Но это лишь специальный случай некоторого гораздо более общего закона, а именно того, что системы непременно проявляют ограниченную (редуцированную и усиленную) способность резонанса и доступны друг для друга лишь через "windows", если мне позволят так выразиться. Если

использовать другие понятия, можно было бы также сказать, что ради порождения информации, по которым системы могут ориентироваться, все они должны проводить измерения. Поэтому-то система замещает потребность в полном знании внешнего мира установкой на нечто такое, что *для нее* является случайностью. Эволюция возможна лишь благодаря этому.

В отличие от прежних предположений, это понятие *случайности* служит, следовательно, не для отрицания каузальности, не означает беспричинности происходящего. "Случайность", таким образом, не является и конструкцией для снятия каузальной проблемы: скажем, такой причиной, которую (словно для дополнения каузальной схемы объяснения мира) можно назвать "случайностью", когда невозможно найти никаких других причин. Понятию случайности мы не придаем никакого каузально-теоретического значения. Крайне абстрактно о случайности можно вести речь как о дифференциально-теоретическом гра-

42

ничном понятии. Тогда случайность означает, что определение одной стороны различения ничего не означает для другой стороны различения. Так Гегель понимает понятие *случайности* и, соответственно - противоположное понятие *необходимости*. Нам будет достаточно некоторой более узкой редакции, имеющей дело с различением системы и внешнего мира. Под "случайностью" мы понимаем связи системы и внешнего мира, который ускользает от синхронизации средствами самой системы (а значит, и от контроля, от "систематизации").⁷⁷ Ни одна система не способна учесть все каузальности. Их комплексность должна быть редуцирована. Определенные каузальные связи наблюдаются, ожидаются, предвосхищаются запускаются или отклоняются, нормализуются, тогда как другие отдаются на волю случая. Другими словами "незакономерный характер" случайности не является феноменом, относящимся к внешнему миру системы, и, следовательно, нет смысла вводить ее в дискуссию о детерминизме/индетерминизме. Она предполагает системную референцию, ибо лишь в этом случае некоторый наблюдатель может определить то, для кого какое-то событие является случайным.

Эту скорее негативную характеристику мы дополним некоторой позитивной. Случайность - это способность системы использовать события, которые не могут производиться и координироваться самой системой (т. е. не входят в сеть ее собственного аутопойезиса). С этой точки зрения, случайными являются опасности, шансы, благоприятные обстоятельства. "Воспользоваться случаем" должно означать: средствами собственно-системных операций выбрать в нем то, что будет иметь структурирующие воздействия. Эти эффекты, соразмерно наличным структурам, могут оказаться как конструктивными, так и негативными (если в долгосрочной перспективе это вообще можно различить). Во всяком случае, наблюдение случайности расширяет у систем их потенциал переработки информации и тем самым компенсирует, насколько это возможно, узость собственных структурных образований - при том, что сохраняются возникающие в ходе такого сужения ориентационные плюсы.

43

Эти установления, правда, еще не указывают на то, как это все осуществляется. В системной теории есть на этот счет очень общие представления. Одно из них - принцип "порядок-из-шума"; TM другое - представление о том, что структурные сопряжения канализируют ирритации. Итак, теория систем готова принять в свои объятия теорию эволюции. Но она, естественно, еще не объясняет то, как именно возможна эволюция.

ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛ. II:

³⁴ Среди биологов, прежде всего, Руперт Ридль подчеркивал необходимость прояснения системно-теоретических предпосылок. См.: Riedl R. Die Ordnung des Lebendigen: Systembedingungen der Evolution. Hamburg 1975. Его же: A Systems-analytical Approach to Macro-Evolutionary Phenomena. In: The Quarterly Review of Biology •52 (1977), pp. 351-370.

³⁵ см: Leyddesdorff L. New Models of Technological Change: New Theories of Technological Studies. In: Evolutionary Economics and Chaos Theory: New Directions in Technology Studies. London 1994, pp. 180-192.

³⁶ Самые последние попытки см.: Muller H.-P. / Schmid M. Paradigm Lost? Von der Theorie sozialen Wandels zur Theorie dynamischer System. In: Muller H.-P. / Schmid M. (Hrsg.) Sozialer Wandel: Modelbildung und theoretische Ansätze. Frankfurt 1995, S. 9-55; Schmid M. Soziologische Evolutionstheorie. In: Protosoziologie 7 (1995), S. 200-210. Также ср.: Sanderson, цит. изд., р. 224. Эмпирическое отношение этой системы исчисления к действию все-таки остается неясным, ведь, наверное, вряд ли можно утверждать, что определенные действия влекут за собой эволюционные эффекты. Поэтому Гидденс (на которого в этой связи часто ссылаются) рассуждает более последовательно, когда отклоняет эволюционистское истолкование своей теории "структуриации".

³⁷ Ничего принципиально не меняется, если, следуя Инхолду (Inhold, цит. изд. 1986, стр. 104, 114), различать между лицом, т. е. смыслообразующей, действующей единицей, и индивидом, понимаемым как некоторое единство, в котором наличествует полнота объективных событий, как "the things that happen" (р. 105), как "временное движущее средство для проекции прошлого в будущее" (р. 106). Значение человека для социокультурной эволюции можно оценивать по-разному, но проблема состоит в том, должна

44

ли вообще эволюционная теория зависеть от такого рода гуманистического фасона своих исходных представлений.

³⁸ При рассмотрении дифференциации систем мы еще к этому вернемся.

³⁹ Касающиеся этого замечания см.: Waddington C.H. The Principles of Archetypus in Evolution. In: Moorhead P. S. / Kaplan M. M. Mathematical Challenges to the Neo-Darwinian Interpretation of Evolution. Philadelphia 1967, pp. 113-115.

⁴⁰ Это уже ясно понимал Герберт Спенсер. См. главу "Мультипликация воздействий": Spencer H. First Principles. 5-th Edition. London 1887, p. 93.

⁴¹ Это формулировка Рихарда Норгарда. См.: Norgaard R.B. The Cooevolution of Economic and Environmental Systems and the Emergence of Unsustainability. In: England R.W. (Ed.) Evolutionary Concepts in Contemporary Economics. Ann Arbor Mich. 1994, pp. 213-225 (220).

⁴² См., например: Jonson G. A. Organizational Structure and Scalar Stress. In: Renfrew C. / Rowlands M. J. / Segraves B. A. (Ed.) Theory and Explanation in Archaeology. New York 1982, pp. 389-421: "... популяция не является с необходимостью лучшим основанием измерения". И все-таки автор, поскольку в его распоряжении не оказалось никакой другой теории общества, как и прежде, продолжает считать индивидов, семьи, малые группы элементарными единицами для определения величины или "скалярного значения" некоторого общества.

⁴³ См., например: Gould S. J. Darwinism and the Expansion of Evolutionary Theory. Science 216 (1982), pp. 380-387.

⁴⁴ Так, Анатолий Рапопорт (Rapoport A. Mathematical, Evolutionary, and Psychological Approaches to the Study of Total Societies. In: Klausner S. Z. (Ed.). The Study of Total Societies. Garden City N.Y. 1967, pp. 114-143 (133)) считает возможным с помощью понятия *смысла* отмежеваться от дарвиновского представления о "естественном отборе". Так же полагает и Стефан Тулмин (Toulmin S. Human Understanding Vol. 2. Princeton 1972.) Если же аргументировать, преимущественно ориентируясь на контекст основных направлений социологии, то в теориях исторического развития более всего впечатляет почти полное игнорирование внешних причин. Критика этого обстоятельства становится все более интенсивной. Энтони Смит (См.: Smith A. D. The Concept of Social Change. London 1973, p. 150.) именно в этом видит причину контrovers между историцизмом и эволюционизмом. Поэтому Бернард Гизен, Кристоф Лау, а также Михаэль Шмид в качестве средства

45

переориентации предлагают понятие *внешнего "естественного отбора"*. См.: Giesen B. / Lau Chr. Zur Anwendung Darwinistischer Erklärungsstrategien in der Soziologie. In: Kölner Zeitschrift für Soziologie und Sozialpsychologie 33 (1981), S. 229-256; Schmid M. Theorie sozialen Wandels. Opladen 1982. Но только - существенно ли вообще это *различение*!

⁴⁵ Достаточно обратиться к Эмилю Дюркгейму (необоснованно выводившим эндогенную каузальность из единства предмета социологии), считавшего, что "...причины социальных феноменов лежат внутри общества". И далее: "Теорию, которая выводит общество из индивида, можно было бы справедливо упрекнуть в том, что она пытается вывести внутреннее из внешнего". Durkheim E. Les Regies de la methode sociologique. Paris 1927, p. 147.

⁴⁶ Но тем проблематичнее будут выглядеть тогда смешанные формы, которые переносят демографически подтвердившиеся теоретические паттерны на социальные системы. Это тип формирования теории распространен, прежде всего, в области эволюции организаций. Ср., например: McKelvey B. / Aldrich H. Populations, Natural Selections, and Applied Organizational Science. In: Administrative Science Quarterly 28 (1983), pp. 101-128. Astley W. G. The Two Ecologies: Populations and Community Perspectives on Organizational Evolution. In: Administrative Science Quarterly 30 (1985), pp. 224-242; Hannan M. T. / Freeman J. Organizational Ecology. Cambridge Mass. 1989; Baum J. / Singh J. (Ed.) Evolutionary Dynamics of Organizations. New York 1994.

⁴⁷ Специально об этом см.: Roth G. Conditions of Evolution and Adaptation in Organism as Autopoietic Systems. In: Mossakowski D. / Roth G. (Ed.), Environmental Adaptation and Evolution. Stuttgart 1982, pp. 37-48; Rademacher H. Zur Grammatik autopoietischer Systeme. In: Fischer H. R. (Hrsg.) Autopoiesis: eine Theorie im Brennpunkt der Kritik. Heidelberg 1991, S. 53-66.

⁴⁸ Поэтому Матурана различает между аутопойетической организацией и структурами системы. Мы же предпочли бы в этой связи избежать применения выражения *"организация"*, поскольку используем его в другом контексте.

⁴⁹ Так, могут существовать саламандры и обладающие, и не обладаю-

щие сложно устроенным катапультообразным языком. См.: Wake B / Roth G. / Wake M. H. On the Problem of Stasis in Organismal Evolution. In: Journal of Theoretical Biology 101 (1983), pp. 211-224.

⁵⁰ Ср.: Cope E. D. The Primary Factors of Organic Evolution. Chicago 1896, p. 172; Service E. R. Cultural Evolutionism: Theory in Practice.

46

New York 1971, p. 31. Эта авторы предлагают одно понимание проблемы, другую же концепцию см. в работе: Stebbins G. L. The Basis of Progressiv Evolution. Chapel Hill N.C. 1969, p. 121.

⁵¹ Этот аргумент направлен против часто предъявляемого, но чисто методически абсолютно бессмысленного возражения. Ведь никакое понятие - ни *аутопойезиса* и ни *действия*, ни *управления* и ни *социализации*, ни *цели* и ни *организации* - не задает *в его статусе понятия* те структурные ограничения, в условиях которых обозначенное может так или иначе реализоваться. Очевидно, что острота спора об аутопойезисе заставляет забыть о том, что от понятия ничего такого и не требуется. Об этом (и не только об этом) см.: Buhl W. Politische Grenzen der Autoipoiese sozialer Systeme. In: Fischer H. E. (Hrsg.) Autoipoiesis: Eine Theorie im Brennpunkt der Kritik. Heidelberg 1991, S. 201-225.

⁵¹ Гюнтер Тойбнер реагирует именно на эту проблему, ослабляя жесткость понятия *аутопойезиса*: Teubner G. Hyperzyklus in Recht und Organisation: Zum Verhältnis von Selbstbeobachtung, Selbstkonstitution und Autoipoiesis. In: Haferkamp H. / Schmid M. (Hrsg.) Sinn, Kommunikation und soziale Differenzierung: Beitrage zu Luhmanns Theorie der sozialen Systeme. Frankfurt 1987, S. 98-128. Подобным же образом дело обстоит и в биологии: Roth G. Autoipoiesis und Kognition: Die Theorie H. R. Maturana und die Notwendigkeit ihrer Weiterentwicklung. In: Schiepeck G. (Hrsg.) Systeme erkennen Systeme: Individuelle, soziale und methodische Bedingungen systemischer Diagnostik. Munchen 1987, S. 50-74. В вышеизложенных же рассуждениях мы пытались найти другой выход. Можно указать на понятия "самоорганизации" и "структурных сопряжений", которые использует Рудольф Штихве: Stichweh R. Selbstorganisation und die Entstehung nationaler Rechtssysteme (17.-19. Jahrhundert). In: Rechtshistorischer Journal 9 (1990), S. 254-272.

⁵³ Мы еще раз вернемся к этому вопросу при рассмотрении интеракций, которые облекаются в форму эпизодов, и покажем, что эпизо-дизация возможна исключительно с помощью различения интеракции и общества, то есть лишь *в рамках* бесконечного общества.

⁵⁴ Поэтому права Кэтрин Хейлз (Hayles N. K. Making the Cut: The Interplay of Narrative and System, or What systems Theory Can't See. In: Cultural Critique 30 (1995), pp. 71-100), когда полагает, что здесь мог бы помочь переход к нарративным образцам, посредством которых можно было бы сообщить, как аутопойетичес-кие системы - и среди них: системы наблюдающие - способны в качестве дифференции использовать себя самих. Правда, этот вы-

47

ход из положения представляется недостаточным. Хотя он и дает в распоряжение иные средства убеждения и также позволяет поставить вопрос о том, в каких исторических ситуациях вообще может привиться нарративное изложение аутопойетической эволюции. Но, в конечном счете, это возвращает нас к вопросу о том, кто же рассказывает эту историю.

⁵⁵ С достаточной ясностью об этом говорят редко. Вслед за Хайдеггером об этом свидетельствует и Гидденс, см.: Giddens A. Time in Social Organization. In his: Theory Social Theory and Modern Society. Cambridge England 1987, pp. 140-165.

⁵⁶ Уже *после* несчастного случая становится известно то, что было пережито, и то, почему имело место именно такое поведение, какое имело место, - так, словно все протекало под контролем сознания; или известно (но ведь именно известно!) и то, что наши воспоминания не достаточно отчетливы.

⁵⁷ Об этом см.: Campbell D. T. Neurological Embodiments of Belief and the Gaps in the Fit of Phenomena to Noumena. In: Shimon A. / Nails D. (Ed.) Naturalistic Epistemology. Dordrecht 1987, pp. 165-192 (175).

⁵⁸ Древнегреческие примеры учат нас тому, что для этого требуется еще и письменность, без которой стабильное фиксирование того, кто являлся основателем рода, было бы затруднительным. Ср.: Thomas R. Oral Tradition and Written Record in Classical Athens. Cambridge England. 1989, p. 155. Также см.: Jonker G. The Topography of Remembrance: The Dead, Tradition and Collective Memory in Mesopotamia. Leiden 1995, p. 213.

⁵⁹ Об этом см.: Berman H. J. Recht und Revolution: Die Bildung der westlichen Rechtstradition. Frankfurt 1991. Берман датирует этот переворот (после прерывания римской традиции гражданского права) ровно второй половиной одиннадцатого столетия. И здесь можно понять, как становится возможен этот запуск правовых коммуникаций, когда к укоренившемуся в обществе правосудию в течение нескольких столетий присовокупляются такие случайные события как открытие текстов римского права *Corpus Juris Civilis*, норманнское завоевание Англии, приведшее к утверждению в судах королевского права и, прежде всего, реформа церкви.

⁶⁰ По этому поводу смотрите изложение развития науки в Греции, которое может быть легко проинтерпретировано в рамках вышеизложенных теоретических предпосылок, хотя эта концептуализация предполагала другую проблему. Lloyd G. E. R. Magic, Reason and Experience: Studies in the Origin and Development of Greek Science. Cambridge England 1979.

48

⁶¹ Об этом см. выше на стр. 348 немецкого издания.

⁶² Поучительный пример, касающийся локальной юрисдикции, см.: C. L. P. (Charles Loyseau, Parisien). Discours de l'abus des iustices de villages. Paris 1603.

⁶³ Ср.: Could. Цит. изд. (1982); Burian R. M. Adaptation. In: Green M. (Ed.) Dimensions of Darwinism. Cambridge. England 1984, pp. 287-314; Hannan M. T. / Freeman J. Organizational Ecology. Cambridge Mass. 1989, p. 21. Распространенная критическая аргументация упрекает эту теорию в тавтологии (приспособление = выживание = приспособление); но от этой тавтологии можно избавиться.

⁶⁴ Избавиться от этой трудности помогает, прежде всего, концепция эволюционной "ниши", но это лишь сдвигает проблему в другую область, ведь тем самым центральное значение для теории приобретает различие *ниша/отсутствие ниши*.

⁶⁵ Этот пример см.: Dobzhanskiy Th. Chance and Creativity in Evolution. In: Ayala F.J. / Dobzhanskiy Th. (Ed.) Studies in the Philosophy of Biology: Reduction and Related Problems. London 1974.

⁶⁶ Ср.: Bowler. Цит. изд., p. 340.

⁶⁷ Ср.: Maturana U. / Varela F. Der Baum der Erkenntnis: Die biologischen Wurzeln des menschlichen Erkenntnis, Bern 1987.

⁶⁸ Ср.: Tainter A. J. The Collapse of Complex Societies. Cambridge Engl. 1988.

⁶⁹ Тот, кто придерживается тезиса, что эволюция является процессом, ведущим к росту сложности, должен, следовательно, характеризовать такие процессы как "де-эволюцию". См.: Tilly Ch. Clio and Minerva. In: McKinney / Tiryakian E. A. (Ed.), Theoretical Sociology: Perspectives and Developments. New York 1970, pp. 433-466. Лучше ограничить сам этот тезис [чем понятие *эволюции*].

⁷⁰ Ср.: Greenberg H. Essay in Linguistics. New York 1957, p. 56.

⁷¹ Также и биологами, опирающимися на другие теоретические основания, подчеркивается, что комплексность со-производится эпигенетически, но что собственное воздействие эволюции выражается в выстраивании системных структур. См. Stebbins G. L. Adaptive Shifts and Evolutionary Novelty: a Compositionist Approach. In: Ayala F. / Dobzhansky. Studies (Ed.), Studies in the Philosophy of Biology: Reduction and Related Problems. London 1974, pp. 285-306 (302). Его же: The Basis of Progressive Evolution. Chapel Hill N.C. 1969.

⁷² Это относится уже к физико-химической и тем более - к органической эволюции. Ср.: Calvin M. Origin of Life in Earth and Elsewhere. In: The Logic of Personal Knowledge: Essays Presented to Michael Polanyi. London 1961, pp. 207-231 (214).

⁷³ Levins R. Evolution in Changing Environments: Some Theoretical Exploration. Princeton 1968, p. 6.

⁷⁴ Применительно к биологии см.: Eldredge N. / Gould S. J. Punctuated Equilibria: An Alternative to Phyletic Gradualism. In: Schopf Th. J. M. (Ed.) Models in Paleobiology. San Francisco 1972, pp. 82-115. Также ср.: Boulding K. E. Punctualism in Societal Evolution. In: Journal of Social and Biological Structures 12 (1989), p. 213-223.

⁷⁵ См.: Parsons T. Societies: Evolutionary and Comparative Perspectives. Englewood Cliffs N. J. 1966, p. 95.

⁷⁶ Именно в этом смысле Михаэль Конрад рассматривает "постулат о незнании": Conrad M. Rationality in the Light of Evolution. In: Ilya Prigogine / Sanglier M. (Ed.). Laws of Nature and Human Conduct. Brussels 1987, pp. 111-211.

⁷⁷ Подобную же функцию в совершенно иначе ориентированной теории социального изменения выполняет понятие *расщепления*: Giessen B. Code und Situation: Das selektionstheoretische Programm einer Analyse sozialen Wandels - illustriert an der Genese des deutschen Nationalbewusstseins. In: Miiller H.-P. / Schmid M. (Ed.) Sozialer Wandel: Model-Bildung und theoretische Ansätze. Frankfurt 1995, S. 228-266

⁷⁸ Ср.: Foerster H. v. On Self-Organizing System and Their Environments. In: Yovits M.C. / Cameron S. (Ed.) Proceedings of an Interdisciplinary Conference. Oxford 1960, p. 31-48. Atlan H. Entre le cristal et la fumée. Paris 1979.

III. НЕОДАРВИНИСТСКАЯ ТЕОРИЯ ЭВОЛЮЦИИ

Самодостаточный характер теории эволюции состоит в самодостаточности ее различий. Со времени Дарвина говорят о *вариации* и *селекции*. Поскольку же все-таки отбор воздействует обоюдоостро: или защищая наличествующее от варьирования, или же изменяя его, - то мы нуждаемся еще в одном понятии. Мы будем говорить *орестабилизации*. Как учит наша рамочная теория (глава первая), речь идет здесь о программе разложения парадоксов, о развертывании парадокса вероятности невероятного. Поэтому-то эти понятия обозначают формы, т. е. идентифицируемые различия, и именно здесь это становится особенно явным. Варьирование означает не просто изменение (поскольку оно тогда уже и было бы собственно эволюцией), но является производством одного из вариантов для возможной селекции. Точно так же и селекция в эволюционно-теоретическом контексте не выражает просто голый факт, что нечто происходит *так-а-не-иначе*, а представляет понятие отбора, спровоцированного варьированием, осуществляющимся в рамках системы. Речь тогда ведется о корреспондирующих

понятиях, которые [в этом смысле] не употребляются нигде, кроме эволюционной теории, и именно эта имманентная зависимость от данного ведущего различия придает понятию эволюции ее форму.

Если фазовые модели могли лишь разлагать некоторую дифференцию на простую последовательность и затем описывать исторический процесс всего лишь как единство таких дифференций, эволюционная теория предполагает порождение дифференции в самом временном потоке и благодаря этому может придавать принципу дифференции рефлексивность. Варьирование - в каких бы эмпирических операциях оно ни протекало - порождает дифференцию, а именно, отклонение в его отли-

51

чий от того, что было обычным прежде. Эта дифференция требует селекции - выбора в пользу или против инновации. Селекция, если она выбирает новое, в свою очередь, с необходимостью запускает каскады приспособительных или отграничительных движений в системе; если же она выбирает сохранение старого, то требуются подтверждения этой опции, поскольку прежде самопонятное стало контингентным. Различения эволюционной теории обозначают тем самым дифференции, которые перерабатывают дифференции. И именно эта структура делает ненужным всякие разговоры о какой-то конечной цели или о каком-то законе исторического движения.

Точно такие же представления формируются, если отталкиваться от проблемы генетической или культурной трансмиссии.⁷¹ Создатели этого направления склонны исходить из факта смены поколений и усматривать проблему эволюции, прежде всего, в перекрывании этого вызываемого самой жизнью разрыва. Это подводит к вопросу о том, существуют ли в культуре эквиваленты-трансмиссеры, играющие такую же роль, какую гены играют в биологической эволюции. В этом случае больше говорят о популяциях, нежели о системах. Но и здесь, на следующей ступени теории, возникает проблема упрочения отклоняющихся трансмиссий, т. е. вопрос о судьбе ошибочных форм, т. е. о том, будут ли они просто искоренены или же, в редких случаях, приведут к структурным нововведениям. И лишь последнее, собственно, является эволюцией, выходящей за пределы чистого аутопойезиса жизни или общества.

Различение варьирования, селекции и (аутопойетической) стабилизации воспроизводства формулируется в качестве исходного пункта общей эволюционной теории, которая пока еще не принимает во внимание то, какие виды систем могут осуществлять разделение этих эволюционных функций. Речь может идти как о живых системах, так и об обществах.⁸⁰ Поэтому при всяком приложении теории эволюции, прежде всего, должна быть раз и навсегда определена системная референция. Если речь ведется об обществе, то все живые существа принадлежат внешнему миру системы.⁸¹ Соответственно, можно было уже

52

различать способы размежевания и разделения варьирования, селекции и рестабиллизации. При этом применительно к эволюции живых существ имело бы смысл говорить о различных видах систем - о генетически программируемых клетках как об объекте варьирования, о выживании организмов как об объекте селекции и об экологически стабильных популяциях как о предмете рестабиллизации. Этому способу обеспечения разделения [эволюционных механизмов] в общественной эволюции не соответствует ни одного элемента. Уже медиум *смысл* своим безмерным потенциалом связей и отнесений делает невероятной подобную изоляцию эволюционных функций на различных системных уровнях.⁸² Критики неодарвинизма и применительно к случаю социальных систем отклоняют возможность разведения вариации и селекции - аргументируя, главным образом, тем, что индивиды способны к предвосхищению будущего.⁸³ Но это все-таки не исключает, что и системы смысловых операций способны разделять варьирование, отбор и рестабиллизацию. Вопрос лишь в том, как именно это происходит?

Этот вопрос практически не ставили в социальных науках, если даже в них и была воспринята дарвинская схема, не говоря уже о том, чтобы давать на него удовлетворительный ответ.⁸⁴ Мы предлагаем соотносить различные компоненты эволюции с различными компонентами аутопойезиса общественной системы, а именно - следующим образом:

В процессе *варьирования* варьируются *элементы* системы, в нашем случае - коммуникации. Варьирование состоит в воспроизводстве элементами системы отклоняющихся элементов системы - другими словами: в неожиданной, поразительной коммуникации.

Селекция имеет дело со *структурами* системы, в нашем случае - с направляющими коммуникацию ожиданиями. Руководствуясь отклоняющейся коммуникацией, селекция отбирает такие смысловые отнесения, которые обещают оказаться ценными для выстраивания структур, подходят для их повторного применения и могут оказывать воздействие на процессы образования ожиданий и конденсации [смысла]. И - приписывая

53

такие девиантности условиям ситуации, предавая их забвению или даже в явной форме их отклоняя - селекция отбрасывает именно те нововведения, которые представляются непригодными в качестве структур, а значит - в качестве направляющих линий коммуникации.

Рестабилизация имеет дело с состоянием эволюционирующей *системы* после некоторой успешной - неважно, позитивной или негативной - селекции. При этом речь идет, прежде всего, о самой общественной системе в отношении к ее внешнему миру. Здесь приходит на ум зарождение сельского хозяйства, последствия которого должны были обладать "системным потенциалом" в социальной системе *общество*; или избежание аграризации (по экологическим или каким-то другим причинам), что впоследствии привело к появлению "кочевых народов" на периферии - уже политически развитых - крестьянских обществ. В ходе дальнейшей общественной эволюции функция рестабилизации все больше смещается в ведение подсистем общества, которые должны утвердиться во внутриобщественном внешнем мире. Соответственно, речь, в конечном счете, идет о проблеме общественной дифференциации систем.

Элементы, структуры и единство репродуктивной связи являются необходимыми компонентами аутопойетической системы. Не существует ни элементов без системы, ни системы без элементов. Если заданы такие условия, встает вопрос о том, как же тогда вообще возможна эволюция, если предполагается, что обращение с указанными отдельными компонентами *дифференцировано* на варьирование, селекцию и рестабилизацию. Одновременно этот вопрос помогает нам реконструировать тезис о невероятности всякой эволюции и невероятной вероятности порожденных ею форм систем.

Уже из понятия аутопойетической системы можно вывести то, что эти компоненты системообразования и эволюции находятся друг с другом в циркулярном отношении. Различение варьирования, селекции и стабилизации, правда, внушает мысль о временной последовательности, и это действительно так. И все же, равно обоснованно можно утверждать, что стабиль-

54

ность - или, если хотите, нормальное воспроизводство - уже предпослана варьированию. Поэтому эволюция всегда предстает лишь как модификация существующих состояний; и когда ее пытаются интерпретировать в таких понятиях, как *инновация* или *эмерджентность*, последние являют собой уже вторичные описания, в отношении которых всегда можно спросить: почему учитывается именно прерывание, а не континуальность.

Столь же искусственным является всякое эпизодирование, упирающие на вариативность и указывающее на рестабиллизацию как на свой результат. Одно лишь понятие *селекции* не способно (и в этом сказывается его ключевое положение в концепции эволюции) обозначить ни на начало, ни на окончание эволюционного эпизода. Селекция не может ни запустить, ни завершить трансформацию

структуры. В грубом упрощении можно поэтому обозначить эволюцию как селекцию структур, но если принимать во внимание, что структуры направляют селекцию операций, то речь здесь идет о *селекции селекции*.TM

ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛ. III:

⁷⁹ См., например: Boyd R. / Richerson J. Culture and Evolutionary Process. Chicago 1985.

⁸⁰ Это должно быть ясным, но мы на всякий случай, принимая во внимание многочисленные недоразумения и ошибочные интерпретации, заметим, что здесь не имеет место никакого *вывода по аналогии* - как в одном, так и в другом направлении. Это значит следующее: из того, что осуществляется эволюция живых систем, еще нельзя заключать, что должна была бы иметь место и эволюция общественных систем. Такой вывод, однако, мог бы быть представлен теориями, которые утверждают, будто общество состоит из живых существ.

⁸¹ Неполное осознание этого и повлекло за собой спор о "социологии". Однако от контрверз здесь можно отказаться, при этом не обязательно оспаривая то, что генетические детерминации как и другие внешнемировые факторы также оказывают влияние на общество, а именно - могут служить раздражениями для коммуникации. В случае, когда референциями системной теории являются живые системы, "культуру" можно рассматривать как продолже-

55 ние жизни другими (и, пожалуй, сомнительными) средствами или же понимать ее как разученное (в отличие от генетически фиксированного) поведение. Ср.: Bonner Tyler J. The Evolution of Culture in Animals. Princetown N. J. 1980). Все это может потом предлагаться в виде "антропологически" интересных взглядов. Только это не позволяет делать выводы об общественной эволюции.

⁸² Это сомнение подводит кое-кого к мысли, будто бы в рамках общественной эволюции вариация, селекция и рестабилизация вообще не могут быть различены, ибо каждая из них имеет место исключительно в смысловом соотношении с другой. Но это относится к смысловым отношениям в целом и, совершенно очевидно, не исключает смысловых различий.

⁸³ См. к примеру: Hallpike. Цит. изд. (1986). Глава вторая. Здесь становятся явными результаты путаницы в отношении индивида и общества и тот туман, которым она закрывает путь к теории общественной эволюции.

⁸⁴ Более ранние примеры дают работы: Keller A. G. Societal Evolution: A Study of the Evolutionary Basis of the Science of Society. 2 ed. New Haven. 1939. Child V. G. Social Evolution. London 1951. Но, прежде всего: Campbell D. T. Variation and Selective Retention in Socio-cultural Evolution. General Systems 14 (1966), p. 69-85. LeVine R. Culture, Behavior, and Personality. Chicago 1973, p. 101. Aldrich H. E. Organizations and Environments. Engelwood Cliffs. N. J. 1979, p. 26. Langton J. Darwinism and Behavioral Theory of Sociocultural Evolution: An Analysis. American Journal of Sociology 85 (1979). P. 288-309. Lau Chr. Gesellschaftliche Evolution als kollektiver Lernprozess. Berlin 1981. Обзор этой литературы показывает, что возможности спецификации, которые должна была бы предложить теория систем, остаются неиспользованными.

⁸⁵ Иногда чрезмерно обобщают понятие эволюции, на что хотя бы вскользь нужно указать. Так, приводят объяснения синергетических эффектов, диссипативных структур, т. е., говоря коротко, указывают на весьма общие процессы дифференциации (усиления отклонений), которые могут быть выявлены и в не-аутопойетических системах. Не может оспариваться, что такого рода теория могла бы применяться и к социальным системам. Только она для этого недостаточно специфична.

IV. ВАРЬИРОВАНИЕ ЭЛЕМЕНТОВ

До сегодняшнего дня в социологической литературе отсутствует удовлетворительно объяснение эволюционного варьирования - подобно тому, как и в биологии мутации первоначально понимались лишь как внезапно и необъяснимо возникающие изменения наследственности. В более ранней социологии довольствовались указанием на практически бесконечные возможности варьирования индивидуального поведения.⁸⁶ Еще и сегодня теоретики действия аргументируют - неважно в пользу системной теории или же, намереваясь ее дополнить, - в пользу того, чтобы для объяснения общественного изменения обращаться к понятию выраженно-мотивированного индивидуального действия, т. е. локализовывать его (вместе с действующими индивидами?) в рамках социальных систем.⁸⁷ И все-таки при более тщательном анализе и, прежде всего, более полном понимании именно индивидуальности органически-психических систем, все это не выдерживает критики. Этому также противоречит понятие случайного эволюционно-успешного варьирования. Во-первых, последние исследования в области биологии внушают мысль о высоко-сложностном и высокоразвитом регулировании именно условий генетического варьирования.⁸⁸ Но это регулирование может осуществляться лишь в самой эволюционирующей системе. Во-вторых, теория операционно-зак-рытых систем не может согласиться с тем, будто механизм варьирования локализован в органико-психическом внешнем мире общества. Высокая собственная сложность

и внешний по отношению к обществу аутопойезис человеческих организмов дают возможность и даже принуждают к тому, чтобы рассматривать их соучастие в общественной эволюции как случайность - при всей социализации и при всей зависимости этих индивидов от общества. Если мы хотим раскрыть эволюционное варь-

57

ирование, мы должны обратиться к самой системе общества и начать поиск условий возможности варьирования в основополагающих операциях этой системы, т. е. в коммуникации.

Неприемлемым является и другое, скорее свойственное для социологии этого столетия, предложение понимать интеллектуалов, согласно сформировавшемуся еще в восемнадцатом столетии образцу, в качестве возмущающих факторов и именно им приписывать функцию варьирования.⁸⁹ Здесь, правда, был сделан первый шаг в переходе от понятия индивида к понятию роли. Производство отклоняющихся представлений приобретает известную регулярность, становится почти деловым предприятием. Соответственно, и "критику" интеллектуалы воспринимают как позитивное "отношение". Но им, однако, с трудом дается понимание того, что специализация на варьировании требует отказа от ответственности за селекцию.⁹⁰ Важнее, однако, другое соображение: эволюционное варьирование является чересчур общим, широким и массовым феноменом, чтобы оно могло выпадать на долю специальным ролям. Интеллектуалы могут воздействовать как усилители, но они, со своей стороны, испытывают чрезмерное влияние моды, актуальных дискуссий и требований к семантической консистентностиTM их воззрений, чтобы быть способными порождать достаточно вариаций, открытых для их опробывания. Уже пражский структурализм довоенного времени с полным правом отказался от того, чтобы признавать решающую роль в эволюции литературы и искусства за великими личностями сочинителей и других людей искусства.⁹¹ При всей неизбежности такого случайностного фактора, он не объясняет ни частые появления в определенные эпохи артистических "плеяд", ни различия их позиций, ни типы этих контроверз. Но именно такие вариации играют в эволюции решающую роль. Историческая "великость" - это описание, общественная конструкция, специально произведенная для объяснения варьирования.

Первичный механизм варьирования обнаруживается уже в языковой формальности коммуникации (и здесь ведь как раз лежит параллель с требованием химической стабильности ге-

58

нетических мутаций). Язык делает вариацию - уже как вариацию - зависимой от сложностных филигранных регуляций. Коммуникация должна быть достаточно правильной уже с точки зрения языка, во всяком случае - понятной. Варьирование состоит, следовательно, не в ситуативных оговорках, опечатках или описках. Все это было бы слишком редкими и незначимыми инцидентами для того, чтобы они могли бы открыть обществу достаточно селективных шансов. С помощью приемлемых слов и сконструированных предложений языковая коммуникация уже заранее должна осуществить смысловую стяжку, в которой исчезают менее значимые технические дефекты; и эволюционное варьирование возникает лишь благодаря тому, что удавшиеся с языковой точки зрения смысловые ожидания ставятся в процессе коммуникации под вопрос или просто отклоняются. Вариативность может состоять в необычном сообщении, как, впрочем, и в - предположительно, более частом - неожиданном непринятии некоторого сообщения в свете ситуации, которая мотивирует это сообщение как возможное или как перспективное. Но эта вариация в любом случае должна быть понятна с точки зрения языка - причем не только в отношении ее смысла, который прямо отвергается, но и относительно вопросов *как же так?, зачем? и что тогда?*

В более четкой редакции и под углом зрения его коммуникативного использования механизм варьирования состоит в изобретении *отрицания* и - в ставшем благодаря этому возможным - *Да/Нет-кодирования* языковой коммуникации.⁹² Следует учитывать невероятность этого эволюционного достижения. Ведь всякая языковая коммуникация является, прежде всего, позитивным, данным в фактическом опыте событием в действительном мире; а

именно - различающим событием, которое обозначает нечто определенное. То, что можно наблюдать, есть, прежде всего, всего лишь операция самого различения - совершенно независимо от вопроса, реферирует ли она что-то вообще и что именно она обозначает как позитивное или негативное. То, что не обозначается, остается в "немаркированном состоянии" мира и как раз и не подвергается отрицанию (ведь это потребо-

59

вало бы и обозначения).⁹³ Возможность понимать коммуникацию как отрицание и тем более возможность антиципативно учитывать такую возможность есть продукт собственной эволюции коммуникации, обремененный большим числом предпосылок.

Как известно, у отрицания нет коррелята во внешнем мире. Оно возникло исключительно для внутреннего употребления. И тем более это верно по отношению к языковому коду, воздействие которого состоит в том, что всякая коммуникация как *коммуникация* остро реагирует (и не за счет ее связей в окружающем мире) на бифуркацию *принятия и отклонения* предложенного смысла. С чисто языковой точки зрения, препятствовать этому невозможно - какие бы усилия здесь ни прилагала риторика. В отличие от использования отрицания, отнесенного к внешнему миру ("я его не видел"), кодирование направлено на саму коммуникацию. Речь идет о принятии или отклонении предложенного в коммуникации смысла, а вовсе не о том, состоялась ли коммуникация или нет. Благодаря кодированию коммуникация сама становится рефлексивной и в этой форме способна затем обращаться и к отрицаниям, отнесенным к внешнему миру, - благодаря обсуждению того, отвечает ли действительности соответствующее утверждение. Единожды введенное кодирование - как момент аутопойезиса языковой коммуникации - уже не может вновь быть отброшенным. Его воздействие усиливается вместе с возможностями языковой коммуникации, т. е. вместе с обществом. Чем больше (благодаря развитию семантики сложности) предуготовлено возможностей выражения и понимания, тем больше порождено и сопровождающих побуждений к их отклонению.

Это не должно означать, что многочисленные *Да* и *Нет* первоначально получали равновероятное распределение. Кодирование порождает избыточность, общество же в ответ затормаживает отрицания. То, что возможно и понятно с точки зрения языка, тем не менее не всегда является уместным. По мере деактивации затормаживания и по мере того, как институциональные растормаживания восстанавливают возможности отклоне-

60

ния, механизм варьирования получает свободу действий, и лишь на этом сложном обходном пути производства избыточностей, торможения и расторможения этот механизм может приспосабливаться к тому или иному состоянию общественной эволюции.

Итак, варьирование возникает благодаря коммуникациям, отклоняющим содержания коммуникаций. Оно производит отклоняющийся элемент - не больше и не меньше. Кроме того, этот процесс принимает во внимание уже выраженную, или наметившуюся, или ожидаемую установку на принятие коммуникации. Он, следовательно, словно ветхозаветный пророк смотрит в прошлое - спиной к будущему. Таким образом, варьирование и селекция оказываются разделенными. Ведь предложение той или иной селекции и само уже было бы позитивным предложением смысла, которое, со своей стороны, подвергается бифуркации принятия и отклонения. Варьирование, следовательно, является не спонтанным генезисом нового ("новое" еще долгое время является подозрительной категорией, почти равнозначной девиантности)⁹⁴, а отклоняющимся воспроизводством элементов системы. А *отклонение* - это рекурсивное понятие: ведь оно предполагает нечто, от чего может отклониться.

Такого рода отклонение *противоречит* ожиданию принятия или просто - молчаливо подразумеваемой континуальности "как обычно". Всякое варьирование тем самым выступает в качестве противоречия - не в логическом, но в

первоначальном -диалогическом - смысле. Оно может проявляться исключительно как самопротиворечие системы.⁹⁵ Оно тем самым подчиняется - оно коммуницирует! - требованиям аутопойезиса системы, оно озабочено продолжением коммуникации, хотя и создает свободные возможности подсоединения и выражает имманентную тенденцию к конфликту.

Ежедневно и в массовом порядке возникают подправляющие вариации этого типа, мнения-коррекции, а также слегка намеченные и соответственно чаще всего избегаемые конфликты. Важно, следовательно, отдавать себе отчет в мелкомасштабном характере эволюционного варьирования. Как и все опе-

61

рационные элементы динамических систем коммуникация, а также отклоняющаяся коммуникация являются ситуационно-зависимыми событиями и, как правило, стремительно теряют свое значение. Понятие *варьирования*, поэтому, еще не дает ответа на - ставящийся излишне компактно - вопрос о том, как же возникают великие, эпохальные идеи или изобретения. Эволюция не создает никаких великих, резких скачков (пусть даже иногда ретроспективное наблюдение именно так и интерпретирует ее результаты). Но она предполагает, что выношенный эволюцией материал порождается в массовом порядке и - как правило, неиспользованный - исчезает вновь. Лишь благодаря этому у селекции сохраняются достаточные шансы и лишь благодаря этому зачастую возникает ситуация, когда незначительные случайности находят друг в друге опору и соответствующая вариация получает возможность опереться в том числе и на - в данный момент завершающуюся - другую вариацию.

Далее следует обратить внимание на то, что, в отличие от селекции, вариация как таковая не является содержанием коммуникаций. Она не включается в сообщение в расчете на селекцию. ^{*} Вариация так или иначе подкрепляется - но только не ее эволюционной функцией. В пользу этого свидетельствуют и практические основания. Если бы вариация вытекала бы преимущественно из ее селекционных шансов, она бы подвергалась чересчур значительному риску разочарования. Ведь социальная действительность устроена крайне консервативно и лишь неохотно отрицает все наличествующее и удостоверенное, имея перед собой нечто неизвестное, шансы которого как основы согласия еще не были опробованы и в данной ситуации еще не могут быть проверены. Свои основания процесс отклонения наличного вынужден искать где-то в другом месте. Например, ростовщичество было разрешено - однако не потому, что оно служит эволюции системы экономики, а потому, что нашлись обходные конструкции, валидные с юридической и церковной точки зрения. Или же можно полностью отграничить себя - "где угодно, только не в моем дворе". Это, конечно, не исключает того, что отклонения, рожденные в прошлой прак-

62

тике, все таки предлагаются для их отбора (и поэтому характеристика социокультурной эволюции как "слепой" действительно приводит к заблуждениям). Однако само это предложение вариации еще не является селекцией. Впрочем, лишь незначительная часть эволюционно-значимых вариационных событий имеет форму произвольного намерения.⁹⁷ Лишь благодаря нескоординированности вариативности и селекции, т. е. благодаря избеганию коммуникации об их отношении эволюция может стать достаточно вероятной и достаточно быстро приводить к выстраиванию - самого по себе невероятного - порядка. В этом точном смысле и отношение варьирования и селекции можно обозначать как *случайность*: определенность вариации ничего не говорит о шансах на то, что быть отобранной.

Итак, если эволюция порождает более сложностные общества, это не может означать, что теперь должны производиться более "подходящие" вариации. Ведь с усилением сложностности прежде всего становится все более невероятным, что то или иное нововведение вообще допускает его структурное упорядочивание. Поэтому должен сохраняться случайный характер координации между варьированием и селекцией. Ведь противоположное означало бы переход к

планированию. Вместе с тем, однако, в рамках функции варьирования диалектика производства избыточных вариаций, торможения и расторможения должна - средствами более высокой комплексности - приспосабливаться к условиям этой более высокой комплексности. Другими словами, должны иметься дополнительные структуры для накопления и ускорения варьирования (так же как и в эволюции жизни биохимические мутации дополняются бисексуальным воспроизводством). В общественной эволюции это осуществляется двояким образом: благодаря такому *средству распространения* коммуникации как *письменность* и с помощью *усиления потенциала конфликтов и толерантности к конфликтам* в обществе (или другими словами: благодаря отказу от экстернализации всех конфликтов, как это было характерно для сегментарных обществ).

Тот факт, что письменность используется как средство рас-

63

пространения коммуникации (а значит, не только с целью записи), приносит с собой двойной эффект: коммуникация может оказывать воздействия на больших пространственных и временных дистанциях и высвобождается из-под давления интеракции, т. е. получает большую свободу как в производстве (написании), так и в восприятии (прочтении). Более широкое распространение создает возможность *одним* изменением производить - причем необозримое - *множество* изменений. При этом утрачивается - или редуцируется к определенным магически-религиозным практикам - представление, будто словом что-то можно непосредственно изменять. Возрастающая благодаря этому ненаблюдаемость воздействий должна гарантироваться институционально. Это, как и в случае со всеми эффектами техники, приводит к возникновению религиозных проблем, о которых рассказывает миф о Прометее. Огонь письменности разрушает, к примеру, жесткость традиционного священного права, и отныне это "действительное" право делает возможным законодательство. Но как?⁹⁸ Другими словами: если энос аристократии получал письменную и, как в раннее Новое время, даже печатную форму, аристократия тотчас сталкивалась с людьми неопределенного статуса, которые умели читать книги и как раз поэтому (!) обладали лучшим знанием, использовали его более "виртуозно" и могли выносить критические суждения о том, что прежде являлось всего лишь притязанием [аристократии на власть].

Письменные - и тем самым высвобожденные из-под влияния интеракций - коммуникации теперь не нуждаются в том, чтобы учитывать мнения присутствующих людей, однако они должны как-то заменить те опоры для понимания, которые прежде состояли в единообразии ситуации. Теперь коммуникация вынуждена эксплицитировать себя более отчетливо и исходя исключительно из текста. Это требует появления вербальных форм нового типа и, прежде всего, образования понятий с необозримыми вытекающими из них следствиями. Пока бог обозначался всего лишь *именем*, знать которое нужно было, чтобы мочь к нему обращаться, эта проблема решалась благодаря утаиванию

64

имени. Как только появилось *понятие бога*, получавшее письменную фиксацию, оно приобрело способность конденсировать опыт, требовать уточнений, требовать рассмотрения проблемы его непротиворечивости - короче говоря, вызывало все то, что потом стало заботой средневековой теологии.

Другая, изложенная выше возможность усиления способности создавать вариации, а именно способность порождать внут-риобщественные конфликты и толерантно к ним относиться, в свою очередь, должна была утвердить себя вопреки структурно-упроченным сомнениям; и даже сегодня большинство социологических теорий не охотно обращаются к конфликтам. Конфликт тестирует потенциал отклонения. Они приводят к всесторонней интеграции поведения участников, к непрерывному наблюдению наблюдения и тем самым - к интенсивному информационному обмену. Если результат конфликта получает значение *нет*, уже можно исходить из того, что конфликт выдержал первое

испытание и доказал свою способность утверждаться в коммуникации." И все же конфликты легко выходят из-под контроля и оказывают возмущающее воздействие на внутриобщественный внешний мир. В более ранних обществах насильственные действия среди присутствующих лиц осуществлялись гораздо чаще, чем ныне, и, соответственно, имело место чрезвычайно обременительное подавление, отклоняющее конфликты.¹⁰⁰ Это должно оказывать обратное воздействие на готовность произвести *нет*; ведь если кто-то рискует осуществить отклонение, *после того как* другие уже определились в коммуникации, в коммуникацию входит конфликт. Другие будут настаивать на своем, искать и находить аргументы и союзников, и - о словно исподволь - в системе образуется система, а именно - конфликт. Поэтому в небольших обществах, структура которых еще близка системам интеракции подавление конфликтов является жизненно-важным. С ростом населения и возрастанием сложности - и об этом свидетельствуют уже поздние архаические общества - это условие становится все менее жестким. Правда, это может происходить лишь при наличии столь же сложных условий, которые делают возмож-

65

ным достижение большего числа конфликтов и большего мира одновременно.

Получила широкое распространение попытка сместить проблему девиантности в плоскость социальных ролей, чтобы разрешить ее, обращаясь к дифференциации ролей, соотносимых с успехом/неуспехом или невезением. Первые получают статус ролей выдающихся и, соответственно, рассматриваются как необходимые для урегулирования конфликтов.¹⁰¹ Вторые нейтрализовались при помощи допущений о сглазе, ведовстве и тому подобном.¹⁰² Это состояние преодолевается лишь благодаря развитию полномочий принятия решений с их сложными последствиями для ставшего проблематичным равновесия в отношениях религии и политики.¹⁰³

По мере развития политического господства, способного утвердить собственный тип коммуникации, возникает *возможность усиливать отклонение коммуникативных, предложений того или иного смысла и одновременно снимать с себя бремя вытекающих из этого отклонения возможных конфликтов*. Появляется легитимная сила для подавления нелегитимного насилия.¹⁰⁴ Для этого находят форму, которая представляет собой структурно-закрепленную асимметрию - неважно, гарантируется ли это собственностью или обеспечивается властью, поддерживаемой свитой властителя. Тот, кто распоряжается этими ресурсами, может сказать *нет*, уклоняясь от ожидаемых от него оказания помощи и материальной поддержки, и при этом может не опасаться конфликтов.¹⁰⁵ Он может концентрировать свои ресурсы. Рестабилизация этого достижения происходит благодаря стратификации общественной системы.¹⁰⁶

Другая возможность состоит в *допущении конфликтов при одновременном их притуплении благодаря тому, что исход спора определяется социальным регулированием или влиянием третьей стороны*. Здесь должны соотноситься процедуры умиротворения спора и, в конечном счете, процесс ориентированного на правила разрешения спора, что - словно эпигенетически - и производит семантический материал, осознающийся как "право" и допускающий его задействование аутопойезисом си-

66

стемы права.¹⁰⁷ Богач в любом случае имел возможность вступить в противоречие с предложенным ему коммуникативным предложением. Теперь же и бедняк может этим воспользоваться - *если, конечно, он прав*.^{TM*} Вопреки допущениям дюркгейм-мовского "функционализма морали" или некоторых философов права это обстоятельство служит, в первую очередь, вовсе не моральной интеграции общества, а усилению конфликтного потенциала в формах, которые бы не наносили ущерба социальным структурам.¹⁰⁹ Усиление конфликтной способности может затем использоваться *дифференциально* и в более ранних обществах служить, главным образом, для выстраивания стратификационной дифференциации.

Со всем этим почти не сравнима свойственная высоко-слож-ностному обществу третья возможность, а именно - *дифференциация причин конфликтов и тем конфликтов.*¹¹¹ Это может помочь выявить глубинные структурные основы вспыхиваний все новых конфликтов, однако сами конфликты ищут для себя другие поводы и темы, ведь структурный механизм запуска, в любом случае, не является "разрешимой проблемой". Унаследованные от марксизма дотошные искания иными социологами "подлинных" причин конфликта затемняют то, что именно в этой дифференции причин и тем как раз и состоит эволюционное достижение, поскольку система оказывается достаточно большой, чтобы выносить такого рода конфликты.¹¹¹ К непред-сказуемостям, вызванным расширением возможностей варьирования, относятся особые трансформации семантики и ее следствия. Чем больше допущено возможностей отклонения, тем более важной становится потребность в Неотрицаемом. Но именно поиски необходимого, если эти искания подвергаются наблюдению (и именно это обеспечивается письменностью), порождают все новые случайности. Религия, если она берет на вооружение достижения теологии, как раз и способствует совершению этого опасного движения.¹¹² Действительность, которая представала просто-напросто как то, что не может отрицаться, подпадает под подозрение в том, что она всего лишь творение, всего лишь "видимость", всего лишь коррелят созна-

67

ния, или - как утверждается ныне - всего лишь "конструкция". По мере отдифференциации особых функциональных систем в соотнесении с последними возникают формулы случайности, в которых могут утверждаться бесспорные с точки зрения специфической системы положения, как то: недостаток ресурсов - в экономической системе, легитимность - в политической, справедливость - в правовой и лимитация¹¹³ - в системе науки. Однако при наложении подобных формул на те или иные особенные функциональные системы открытым остается вопрос о том, что они означают применительно к целостному обществу. Формула спасения, с середины XIX столетия ставшая повседневной, в качестве такого средства провозглашает ценности. Однако и они подвержены процессу коррозии. Однажды овладев миром, они делают возможными и утверждения о "переоценке ценностей", и об их "трансформации".

Все эти размышления о формах варьирования предполагают, что, как правило, отклонения доступны для их восприятия. Тем самым всякая вариация зависит от пред-заданной семантики, от памяти системы, которая все коммуникации информирует о том, что является известным и нормальным, о том, что можно ожидать, а чего - нельзя. Именно то, что выпадает из ряда, как раз и управляется посредством уже утвердившихся структур. Эта предпосылка получает тем большее значение, чем незаметнее ее воздействие. Единство различия ожидаемого/ неожиданного, нормального/отклоняющегося само не становится темой обсуждения. И именно мелко разветвленные семантики, скажем, в религиозной или юридической догматике, возвращают проблемы, неожиданно всплывающие сами по себе, к более грубым или более фундаментальным различиям, однако не подводят к тому, что под вопрос была поставлена сама схема различий. Соответственно можно решать в пользу чего-то традиционного или чего-то, что подверглось варьированию, между старым и новым. В благоприятных случаях вариация может утвердиться. Но едва ли появится возможность поставить вопрос о том, почему вопрос ставится именно так, а не иначе.

68

Зависимость от некоторой пред-установленной семантики вообще только и дает возможность познания отклонений, а значит - эволюции. И тем не менее можно себе представить, что на пороге радикальных перемен из этого обстоятельства вытекают серьезные трудности. Если невидимая рука традиции (и для многих областей здесь подразумевается религия) беспрестанно определяет то, каким образом различать между конформным и отклоняющимся, следует считаться с тем, что вариации могут ложно категоризовать проблемы, скажем, порождать

исключения из уже потерявших свое значение правил (скажем, исключение запрета ростовщичества или отклонение от этого запрета). Соответственно, это означает, что во времена перемен радикальность структурных изменений может ускользать от наблюдения и - с ретроспективной точки зрения - коммуникации осуществляются посредством уже неадекватных различий. Если на заре Нового времени проблема виделась в том, чтобы всякую инновацию практически во всех функциональных областях приводить к созвучию с основополагающим религиозным мироположением или противопоставлять их друг другу, то сегодня надо задаться вопросом о том, действительно ли это являлось проблемой - решающей для перехода к современному, функционально дифференцированному обществу.

Можно ли ожидать, что на основании этой проблемной ситуации общество приходит ко все более совершенным мироо-писаниям и самоописаниям, т. е. учится контролировать еще и образование категорий, которые задают то, что познается как старое или как новое. Этот вопрос известным образом является и ответом себе самому. То, что его можно поставить, лишь смещает проблему на другую ступень абстракции, не давая никакого определенного решения. То же, что все-таки можно наблюдать, состоит в ином виде реакции, а именно - в усилении дифференциации варьирования, селекции и ре-стабилизации, цикличность которых при радикальных структурных переломах (таких, как распространение легко усваиваемой письменности или форм дифференциации общества) далеко не случайна. То, что назрела очередная ревизия схемы, правда, остается незаме-

69

ченным, но эволюция и сама подвергается эволюции; селекцию и ре-стабилизацию она противопоставляет варьированию как самостоятельные процессы и тем самым создает более высокую степень свободы в преодолении непонятых или не совсем правильно интерпретированных проблем.

Когда домодерные общества сталкивались с давлением увеличивающегося числа возможных вариаций, всегда можно было все еще исходить из необходимости для селекции ориентироваться на Единое, Истинное, Благое. Можно было верить в свою принадлежность к единому космосу сущего. И хотя средства достижения этого космоса могли оказаться ненадежными или попросту отказать, цели не могли подвергаться сомнению, *quia ex se parter quod optatur*. Однако это доверие к единственно-верной селекции, в конечном счете определяющей Совершенство, Покой, Стабильность, получала в стратификации и дифференциации на центр/периферию системы общества тайные дополнительные опоры, необходимость которых ныне отпала. Теперь Новое начинает цениться как таковое ⁸⁴, а понятию "критика" придают смысл отклонения критикуемого, при этом "альтернативы" понимаются уже не как чистые опции, а как варианты, которые - и без более тщательной проверки - представляются более предпочтительным, чем нечто наличествующее. Итак, возникает семантическая гипертрофия варьирования, и как следствие - интегрированное разочарование общества в себе самом. Ведь одно лишь варьирование еще не приводит к эволюции.

В итоге имеет место нечто совсем иное, нежели просто переоценка в отношении старого и нового. Фактически общество теперь ориентируется на способы селекции, которые в перспективе уже не предполагают безоговорочной стабильности. Оно дифференцирует между селекцией и стабилизацией - просто потому, что давление со стороны инноваций усиливается и поэтому должно перерабатываться быстрее. Чтобы уметь распознавать такой процесс, мы все вынуждены, прежде всего, обратиться к изучению развития феноменов, собственно и являющихся носителями функций селекции и стабилизации.

70

ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛ. IV:

⁸⁶ В девятнадцатом столетии так полагали все без исключения, и даже Келлер: "субъектом варьирования является индивид". Цит. изд. 1931. Даже ранняя эволюционная теория познания ссылается на случайность неожиданных озарений тех или исследователей. Ср., например: James W. Great Man. Great Thought and Environment. The Atlantic Monthly. 46 (1988), p. 441-459.

Или: Simmel G. Ober einige Beziehungen der Selektionslehre zur Erkenntnistheorie. Archiv fur systematische Philosophie I. 1895, p. 34-45: "Среди бесчисленных, появляющихся в психологии представлений некоторые - суть те, которые...". Уже тогда это объяснение варьирования, как отмечалось выше, противоречило коллективному индивидуализму понятия популяции.

⁸⁷ См.: Schimank U. Der mangelnde Akteurbezug systemtheoretischer Erklarungen gesellschaftlicher Differenzierung - Ein Diskussionsvorschlag. Zeitschrift fur Psychologie 14 (1985). S. 421-434. Schmid M. Autopoiesis und soziales System: Eine Standortbestimmung. / Haferkamp H., Schmid M. (Hrsg.) Sinn, Kommunikation und soziale Differenzierung: Beitrage zu Luhmanns Theorie sozialer Systeme. Frankfurt 1987. S. 25-50. Его же: Soziologische Evolutionstheorie. Protozoologie 7 (1995). S. 200-210. Обращение к индивидам теперь уже не обозначает определенную эмпирическую реальность, а всего лишь еще служит для того, чтобы представить действие как вариативное. То же самое с другого угла зрения см.: Schmid M. Цит. изд., S. 201: "Действие должно концептуализироваться как изменяемое с тем, чтобы действователи могли предстать носителями процесса варьирования".

⁸⁸ Краткий обзор см. в работе: Mayr E. Evolution und Vielfalt des Lebens. Berlin 1997, S.47. И здесь необходимые для этого проверочные и упорядочивающие достижения зачастую характеризуются как "селекция", хотя и не в строгом эволюционно-теоретическом смысле этого понятия. Ср.: White L. L. Internal Factors in Evolution. London 1965. Eigen M. Selforganization of Matter and the Evolution of Biological Macromolecules. Die Naturwissenschaften 58 (1971), S. 465-523. Результат этой предварительной селекции в пробиравании вариации состоит, прежде всего, в том, что благодаря этому сама эволюционная селекция сокращается и ускоряется.

⁸⁹ Ср.: Schumpeter J. Kapitalismus, Sozialismus und Demokratie. Bern 1946. S. 47. Geiger T. Aufgabe und Stellung der Intelligenz in der Gesellschaft. Stuttgart 1949.

⁹⁰ Об этом напоминает - хотя и не в эволюционно-теоретическом

71

контексте - Гельмут Шельски. Shelsky H. Die Arbeit tun die anderen: Klassenkampf und Priesterherrschaft der Intellektuellen. Opladen 1975.

⁹¹ Здесь особенно важной является эта работа: Jan Mukarovsky. Das Individuum und die literarische Evolution. / Jan Mukarovsky. Kunst, Poetik, Semiotik. Frankfurt 1989. S. 213-237.

⁹² Более подробно об этом см. выше, во второй главе настоящего издания.

⁹³ В исчислении форм Д. Спенсера Брауна поначалу требуется лишь одна эта операция различающего обозначения; и поэтому речь идет не о логике, а о математической теории. Для порождения формы позитивного/негативного различения необходимы гораздо более сложные условия наблюдения, которые еще не могут предпосылаться начальному исчислению.

⁹⁴ Этимологические обоснования см.: Sporn J. Das Alte und das Neue im Mittelalter: Studien zum Problem des mittelalterlichen Fortschrittsbewusstseins / Historisches Jahrbuch 50 (1930). S. 297-341, 498-524. Также ср.: Freund W. Modernus und andere Zeitbegriffe des Mittelalters. Koln-Graz 1957.

⁹⁵ Более общий подход см.: Luhmann N. Soziale Systeme, S. 488. Представленную в тексте позицию следует отличать от распространенного понимания, будто *структурные* противоречия побуждают к *варьированию* системы - будь это предписания диалектики или "резерв вариаций" с еще неопределенными возможностями развития. Ср.: Lange O. Wholes and Parts: A General Theory of System Behavior. Oxford-Warschau 1965, p. 1, 72. Levi-Strauss C. La notion de structure en Emologie. / Levi-Strauss C. Anthropologie structurale. Paris 1958, p. 303-351. Parsons T. Some Considerations in the Theory of Social Change. / Rural Sociology 26 (1961), p. 219-239. Buckley W. Sociology and Modern Systems Theory. Englewood Cliffs N.J. 1967, p. 50. Elster J. Logic and Society: Contradiction and Possible Worlds. Chichester 1978. Легко себе представить, что существуют структурные особенности, которые побуждают отклонять коммуникации в большей степени, нежели другие. Однако сама структура не может обозначаться как "противоречивая", причем ни в логическом, ни в диалогическом смысле. Она используется или не используется для опосредования подсоединений операций друг к другу. И лишь наблюдатель может здесь конструировать противоречия.

⁹⁶ Зачастую, правда, утверждают или молчаливо предпосылают, что имеет место нечто противоположное, что именно сцепление варьирования и селекции является характерным для социокультурной

72

эволюции и что здесь "аналогия" с биологической эволюцией терпит фиаско. Об этом (хотя и в ограниченной области эволюции науки) см.: Cohen L. J. Is the Progress of Science Evolutionary. / British Journal of Philosophy of Science 24 (1973), p. 41-46. Toulmin S. Human Understanding. Vol. I. Princeton 1972. Rescher N. Methodological Pragmatism: A Systems-Theoretic Approach to the Theory of Knowledge. Oxford 1977. Эти различия в мнениях могли бы быть сняты лишь посредством более тщательного анализа коммуникативных операций.

⁹⁷ Для проверки этого тезиса применительно к случаю (первоначально впечатлявшему своей произвольностью и планомерностью) изобретения "конституций" см.: Luhmann N. Verfassung als evolutionare Errungenschaft. / Rechtshistorisches Journal 1990. S. 176-220.

⁹⁸ В древнегреческом праве эта проблема первоначально решалась в форме процесса против действующего права, т. е. в форме наблюдения второго порядка, ставящего под вопрос то, действует ли право в пользу права или служит неправовым целям. Ср.: Polybios XII, 16. О более поздних формах такого - уже ставшего рутинным - обращения см.: Kahrstedt U. Untersuchungen zu athenischen Behörden. Klio 31 (1938), S. 1-32; Atkinson K. M. T. Athenian Legislative Procedure and the Revision of Laws. Bulletin of the John Rylands Library. 23/1 (1939), S. 107-150; Harrison A. R. W. Law-Making at Athens at the End of Fifth Century B.C. Journal of Hellenic Studies 75 (1955), p. 27-35; Forrest W. G. Legislation in Sparta. Phoenix 21 (1967), p. 11-19. Лишь

очень постепенно (с уверенностью можно об этом говорить лишь начиная с "Риторики" Аристотеля) *дифференция* законодательства и правосудия получает новую функцию, а именно - функцию обеспечения независимого (в том числе и не зависимо от друзей) судопроизводства. Но смысл первоначального варьирования состоял не в этом, а вытекал из рассмотрения его воздействий.

⁹⁹ В отличие от понимания эволюции, характерного для теорий игр, мы все-таки не допускаем, что благодаря только одному этому селекция уже в достаточной мере объяснена. См.: Smith J. M. *Evolution and the Theory of Games*. Cambridge Engl. 1982.

¹⁰⁰ Обзор обильной литературы о сегментарных обществах см., например: Hogbin H. I. *Social Reaction to Crime*. In: *Law and Moral in the Schouten Islands*. New Guinea. The Journal of the Royal Anthropological Institute 68 (1938), p. 3-15; Radcliff-Brown A. R. *On Joking Relationship*. Africa 13 (1940), p. 195-210; Gluckman M. *Custom and Conflict in Africa*. Oxford 1965; Foster G. M.

73

Interpersonal Relations in Peasant Society. Human Organization 19 (1960), p. 3-15; Abalica A. *Quarrels in a Balkan Village*. In: *American Anthropologist* 67 (1965), p. 1456-1469. Moore S. F. *Legal Liability and Evolutionary Interpretation: Some Aspects of Strict Liability, Self-Help and Collective Responsibility*. In: Gluckman M. (Ed.) *The Allocation of Responsibility*. Manchester 1972, p. 51-107.

¹⁰¹ См. пример из обширной литературы: Burridge O. L. *Disputing in Tangu*. *American Anthropologist* 59 (1957), p. 763-780.

¹⁰² Прежде всего, см.: Douglas M. *Purity and Danger: An Analysis of the Concept of Pollution and Taboo*. London 1966, p. 111.

¹⁰³ О решениях, найденных в Месопотамии см.: David M. *Les dieux et le destin en Babylonie*. Paris 1949; Gunnell J. G. *Political Philosophy and Time*. Middletown Conn. 1968, p. 39.

¹⁰⁴ См. примечание 5.

¹⁰⁵ Следует признать, что это и сегодня весьма непросто осуществить в интеракции непосредственно присутствующих лиц. Здесь, наряду со средствами избежания интерактивных контактов, в некоторых обстоятельствах оказываются полезными и технические предосторожности. Тот, кто сам свертывает сигареты, более защищен от ожиданий "угостить сигареткой", чем тот, кто достает сигарету из пачки.

¹⁰⁶ К этому мы вернемся в шестой главе четвертой книги настоящего издания (Общество общества (ОО), кн. 4: "Дифференциация").

¹⁰⁷ Случай применения этого материала обсуждался в первой книге (ОО, кн. 1: "Общество как социальная система")

¹⁰⁸ Ср. с цитированным выше текстом Еврипида в примечании 242, во второй книге (ОО, кн. 2: "Медиа коммуникации").

¹⁰⁹ Применительно к нынешним условиям мы не должны приходить к поспешному выводу, будто эти формы служат интересам высшего слоя, как это утверждают представители североамериканского движения "critical legal studies". Ср.: Turk A. *Law as a Weapon in Social Conflict*. In: *Social Problems* 23 (1976), p. 276-291. С другой стороны, в периферийных странах современного мира не столь уж редко имеет место то, что представители более низкого слоя, как правило, выступают как обвиняемые, в то время как представители высшего слоя выступают в качестве обвинителей. Эти выводы применительно к процессам в области гражданского права в Мексике см.: Gessner V. *Recht und Konflikt: Eine soziologische Untersuchung privatrechtlicher Konflikte in Mexico*. Tübingen 1976, S. 100.

¹¹⁰ Ср. в качестве конкретного социологического исследования на уровне организаций: Gouldner A. *Patterns of Industrial Bureaucracy*.

74

Clencoe 111. 1954. *Ego же: Wildcat Strike*. Yellow Springs Ohio 1954. А также: Resta E. *Conflitti sociali e giustizia*. Bari 1977.

¹¹¹ Системы, которые с этой точки зрения оказываются "чересчур маленькими" - например, семьи или организации - ныне становятся объектами "системной терапии", прилагающей усилия к ре-аранжировке их конфликтов.

¹¹² Это можно обсуждать с самых разных углов зрения: скажем, применительно к возрастанию неразрешимых контроверз и возрастающему в связи с этим принуждением к непротиворечивости в аргументации; или применительно к волюнтаризму с его проблемами случайностей (Дуне Скотт, Уильям Оккам); а также руководствуясь так называемыми доказательствами существования Бога *via negationis*; или в отношении к разложению идеи совершенства благодаря понятию актуальной бесконечности. Мы вынуждены представить здесь эти проблемы лишь как наброски.

¹¹³ Это редко используемое выражение указывает на необходимость исходить из ограниченных возможностей, если утверждается, что констатация истин или неистин уменьшает, а не увеличивает (на что многое указывает) домен еще не проверенных на истинность вопросов. Лишь эта предпосылка придает смысл, к примеру, требованию "фальсифицируемости" гипотез.

¹¹⁴ Этот перелом осуществлен в XVII столетии, на протяжении которого в отношении религии, как, впрочем, и в отношении политики, все еще цепляются за древние предостережения перед нововведениями, а в отношении всего того, чему суждено "быть низвергнутым", укрепляется позитивная оценка. "Если длительность делает возможным продолжение существования всех частей мира, новизна делает возможным их оценку" - такую формулировку этого раскола дает Франсуа де Гренай. Francois de Grenaille. *La Mode ou le Caractere de la Religion*. Paris 1642, p. 5. Соответствующие оценки "неожиданности" в XVII-XVIII столетиях начиная от Мере, Буара и до Монтескье см.: Erich Kohler. *Esprit und arkadische*

Freiheit: Aufsätze aus der Welt der Romania. Frankfurt 1966, S. 267.

V. СЕЛЕКЦИЯ МЕДИУМАМИ

Различение между варьированием и селекцией представляет собой форму понятия эволюции. "Форма" означает необходимость некоторой "другой стороны" и здесь указывает на то, что если имеет место варьирование, то необходима и селекция. В XIX веке интерес к эволюции проявлялся в интересе к селекции - безразлично, шла ли речь о естественном отборе или об искусственной селекции¹¹⁵, - причем эта заинтересованность была обращена к *производству* единства или единств, ибо последние уже не полагались как данные.

Поскольку варьирование и селекция сцеплены лишь "случайным образом", теорию эволюционной селекции можно разрабатывать отдельно¹¹⁶. То здесь, то там возникают структурные инновации, "что бы не служило их причинами".¹¹⁷ Говорят также и об эквифинальности различных исходных ситуаций, что, скорее всего, вводит в заблуждение, поскольку эквифинальность, конечно же, не должна означать, что процесс эволюции приводит к конвергенции форм, утвердившихся в ходе отбора. Следует оставить в силе лишь то положение, что функция селекции зависит лишь от особенностей вариаций, а вовсе не о того, благодаря каким конкретным механизмам эти вариации увидели свет.

Подобно варьированию, также и селекция возможна лишь постольку и только до тех пор, пока существует система. Это значит: постольку и только до тех пор, пока может сохраняться приспособленность системы. В эволюционной селекции это рамочное условие (которое не служит критерием селекции!) выражается в форме воспроизводящегося приложения критериев селекции. Эти критерии селекции служат напоминанием и конденсируют оправдавший себя опыт системы и дают ей возможность распоряжаться им внутри нее са-

76

мой.¹¹⁸ Для этого они должны абстрагироваться от конкретных ситуаций, но в то же время обязаны иметь конфигурацию, "подходящую" для множества многообразных в своей конкретности ситуаций - безотносительно к тому, вспоминают ли о более ранних применениях [этих критериев селекции] и о том, как они закреплялись. Кроме того, уже для понимания данной проблемы требуется высокая степень конформности по отношению к прежним структурам. Нововведение проверяется на его совместимость. Эволюция, правда, сталкивается с тем, что эта консистентность лишь с трудом поддается проверке и, как правило, может быть распознана лишь в том случае, если введенная инновация приводит к практическим проблемам. Во всяком случае, то обстоятельство, на которое направлен взор современной критики общества, - а именно тот факт, что новация оказывается предпочтительной как раз благодаря ее девиантности, - должно рассматриваться как редкое исключение.¹¹⁹

Всякая вариация с необходимостью требует селекции. Даже если она не является позитивной, все равно она имеет место, ибо в этом случае - связанная с определенными операциями - вариация сходит на нет, не изменив структуры, и все остается таким, каким было. Отбору в этом случае подвергается предшествующее состояние - а не инновация. Сама эта селекция представляет, таким образом, двустороннюю форму - с выраженными позитивной или негативной сторонами. Этот характер формы отличает ее одновременно от вариации, которая и со своей стороны является формой, ведь она может как осуществиться, так и не осуществиться. Форма эволюции (вариация/селекция) есть следовательно форма второго уровня - форма, образованная из форм.

Основополагающее условие всякой эволюции состоит поэтому в том, что механизмы варьирования и механизмы селекции не совпадают, а функционируют отдельно. Если применять кибернетическую терминологию, операция подсоединяется к системе в форме обратной связи. Речь при этом может идти о негативной или позитивной обратной связи, о

77

сохранении данного пространства колебаний состояний системы или об усилении отклонений, о выстраивании сложно-стности, которая потом уже

благодаря ее собственным проблемам получает особое значение.

Ни через негативный отбор (= селекция отказа от селекции), ни посредством негативной обратной связи история не может получить обратное направление развития. Система никогда не сможет вернуться в свое прошлое состояние. Она способна лишь вспоминать и сравнивать. Варьирование она может приписывать ситуации и этим оправдывать то, что она не воспользовалась возможностью для развития. Но это не может воспрепятствовать - и, более того, как раз способствует - тому, что позднее приходится раскаиваться в выборе консервативного курса или вновь обращаться к той же самой проблеме. Каждый случай повторения создает уже некоторую другую ситуацию.

Выбор тех направлений, куда в тенденции устремляется эволюционная селекция, определяется ее собственными механизмами. Соответственно, ситуация, когда вариация уже благодаря ее собственной определенности оказывается селективно релевантной, является случайной.¹²⁰ Прежде всего, здесь не может быть установлено никакого целевого отношения, как если бы некая вариация производилась исключительно ради того, чтобы быть отобранной. Некоторые вариации действительно могут получать такую мотивацию, и коммуникации, преследующие нужные им результаты, конечно же, не исключаются.¹²¹ Но даже если впоследствии и происходят эволюционные изменения структур, последние состоят не в достижении цели, а в том, что на усилия по достижению цели система реагирует ее структурными изменениями. Эволюция задействует целевой оптимизм ради провоцирования вариаций. Но одно это еще не определяет того, что отбирается в качестве структуры.¹²²

Разделение данных эволюционных функций обеспечивается уже благодаря тому, что они соотносятся с различными компонентами системы общества: вариация соотнесена с эле-

78

ментами, т. е. с отдельными коммуникациями, а селекция, напротив, - со структурами, т. е. с образованием и приложением ожиданий. Прежде всего это означает, что между событиями процесса варьирования и селекциями не может устанавливаться никакого элемент-элементного отношения (подобно тому, как и в случае органической эволюции маловероятны такие отношения между мутациями и селекциями фенотипических признаков). К тому же коммуникация, прежде всего когда она наблюдается, оказывает чрезмерно диффузное воздействие. Один раз произнесенное *нет* еще не меняет структур, а если это и случается, то мы имеем дело исключительно редким случаем, не способным объяснить темп эволюции. Противоречие предустановленным ожиданиям может бросаться в глаза, формировать социальный престиж, побуждать к повторению или аналогичным событиям и, в конечном счете, вкупе с другими условиями - трансформировать (или укреплять) совершенно другие структуры, нежели те, что являлись первоначальным предметом отклонения. При этом, если речь идет о структурных эффектах отклонений коммуникаций, то здесь всегда сказывается в том числе и воздействие уже наличествующего социального порядка. И лишь это может объяснить то обстоятельство, что в эволюции жизни - как и в эволюции общества - результаты сплошь оказываются согласующимися друг с другом, если не сказать - гармоничными.

Возвращаясь к рассмотренной во введении проблеме *вероятности невероятного*, теперь мы можем более отчетливо увидеть то, как возникает такого рода целостный эффект. Отклонение ожидания некоторой акцептации, как и отрицание предвосхищаемых отклонений в ходе попытки все-таки это ожидание реализовать, относится к в высшей степени невероятным событиям повседневной жизни. Варьирование в этом смысле требует продолжительного времени. Лишь посредством селекции некоторой структуры, использующей это событие, его подтверждающей и конденсирующей, возникает нечто невероятное, а именно - разительное отклонение от исходного состояния. Ясно, что классические теории линейной каузальной зако-

79

номерности не в состоянии объяснить такого рода феномены. Ведь речь не идет о том, что подходящие причины при наличии необходимых дополнительных условий производят необходимые следствия, а о том, что снова и снова свершающиеся события, иногда (но в целом - достаточно часто) задействуются процессами циркулярного усиления отклонений, что образует ранее не существовавшие структуры.¹²³ И "нет" как раз придает такого рода начальному запалу необходимую для привлечения внимания ценность. При всей сложности опосредовании существует достаточно связей между коммуникацией и структурообразованием; или, во всяком случае, то, что никогда не коммуницируется, никогда не сможет и воздействовать на структурообразование. Если же, однако, коммуникация - при наличии данных структур - актуализирует отклоняющуюся вариацию, то последняя может уплотняться (*или не уплотняться*) в новую структуру. Варьирование как таковое - *и именно благодаря определенности вариации* - всегда порождает *две* возможности. Она - и в противном случае она не была бы вариацией - дает селекции свободу действий. Но какие же механизмы заботятся о том, чтобы процесс не останавливался, но чтобы общество заблаговременно настраивалось на одну или на другую возможности? Руководствуясь этой постановкой вопроса, мы также получаем возможность исторической спецификации применительно к процессу отбора, т. е. возможность распознавать зависимость эволюции от ее самое порожденных общественных формаций.

В этом отношении у дарвинистской теории был наготове простой ответ: если варьирование протекает в системе, то селекция - как "естественный отбор" - напротив, осуществляется посредством внешнего мира. Это простое противопоставление сегодня уже вряд ли кто-то серьезно защищает. Биологи отказались от него в пользу гипотез теории игр. Но, прежде всего, это противопоставление уже невозможно интегрировать в развитую системно-теоретическую понятийность. Если принимать теорию операционно-замкнутых, структурно-детерминированных систем, следует исходить из того, что системы

80

могут менять свои структуры посредством своих собственных операций, пусть даже последние и реагируют на события внешнего мира в форме возмущения, ирритации, разочарования, дефицита и т. д. Итак, надо исследовать само общество на предмет поиска механизмов его селекции.

Во всех обществах, включая самые примитивные, первичный селекционный механизм состоит в дифференцировании систем интеракции и систем общества.¹²⁴ Для этого не требуется никаких критериев и не существует также никаких инстанций, которые могли бы провести соответствующие процедуры проверки. Вопрос лишь в том, может ли то, что возникает в отдельных системах интеракций и получает свою убедительность исходя из этих интерактивных ситуаций, утверждаться и в рамках всего общества, а если да, то в каких формах.

В интеракции среди присутствующих лиц едва ли можно проигнорировать явно высказанные отклоняющиеся мнения. (Такт, юмор и тому подобное являются здесь весьма полезными, однако весьма поздно развившимися изобретениями цивилизации). Поскольку коммуникация некоторого лица интерпретируется как действие, приходится считаться с ее возможным повторением или с соответствующим подсоединяющимся поведением внутри системы или вне ее. Соответственно, либо возникают конфликты, требующие больших затрат ресурсов, и поскольку система интеракции слишком мала, чтобы уметь толерантно переносить конфликты, последних избежать не удастся. Или же система ухватывается за такую возможность и следует в фарватере предложенного курса. Внутри систем интеракции, таким образом, вероятность структурной трансформации коммуникативными событиями является весьма вероятной - практически настолько, что здесь не может иметь место никакой эволюции, ибо селекция не может получить независимую институционализацию и попадает на удочку практически каждой вариации. Интеракция способна экспериментировать со всеми возможными ненормальностями, ведь она может сохранять уверенность в

том, что общество и без нее продолжит свое существование.

81

Однако общество воплощено не только в интеракциях. Оно, вместе с тем, неизменно оказывается и общественным внешним миром интеракций.¹²⁵ Эта внутриобщественная дифференция препятствует тому, что все, что приходит на ум, нравится и не нравится в интеракции, воздействует на структуры системы общества. Всякий смысл - а значит, в частности и то, что может явиться лицом или ролью, - конституируется *транс-инте-ракционно*, принимая во внимание в том числе и случай приложения этого смысла за пределами соответствующей текущей интеракции. Это учитывается уже в интеракции, и в сравнении с тем, что может произойти в интеракции, лишь самая незначительная часть инноваций может пройти через данный фильтр и найти распространение во всем обществе.

В ранних сегментарных обществах то, что может произойти где-то в обществе или оказаться приемлемым для последнего, еще остается довольно наглядным. Если же общество приобретает большую сложность, оно теряет эту удобную возможность самооценки. В отличие от простых обществ, теперь уже только "субкультуры" способны приносить отклонения, а также - субсистемы, которые затем и сами образуют границы. И для того, чтобы инновация вызвала общественный резонанс, она должна преодолеть эти границы.¹²⁶ В отличие от обычных диффузионистских теорий, здесь речь идет о некотором преодолевающем границы *особенном* приложении поначалу скорее мимолетного - или способного лишь к ограниченной экспансии - импульса (скажем, об использовании - уже развитой и применявшейся в больших объемах для религиозных целей - техники обработки камня). Радикальное изменение характера эволюции наступает, однако, лишь благодаря изобретению и распространению письменности. Поскольку теперь всякая коммуникация уже не обязательно осуществляется в системе интеракции, а письменность, со своей стороны, придает отрицанию новые возможности, то лишь соответствующие усилители в области селекции могут гарантировать продолжение эволюции.

Прежде всего, религии удается уловить это давление [меняющегося характера эволюции]. Она смогла предложить крите-

82

рии, в соответствии с которыми можно было бы судить о том, создаст ли запуск вариаций проблемы с потусторонними силами или же нет; и также можно предположить, что мирская сфера высвобождалась для экспериментов (к примеру, с новыми производственными техниками) лишь постольку, поскольку сохранялась в неприкосновенности область сакрального. Правда, в этом случае нужно было уметь познавать, к чему расположены духи и божества, а что им не нравится. Возникают значимые религиозные инновации. Архаический произвол сакральных сил ограничивается и дисциплинируется - примерно в том же смысле, в каком земледелие и градообразование дисциплинируют общество. Божества Месопотамии действуют в соответствии с установленным распорядком, они признают - в том числе и по отношению к себе самим - структуры господства и порядки образования семьи. Посредством религии общество само ставит себя под давление необходимости приспособления и развивает освященные религией критерии селекции, посредством которых оно способно улавливать и сортировать "дикие" вариации. Возможно, для выполнения этой функции было достаточно и одного единственного бога, которому приписывается способность наблюдать все сущее и судить о нем, - так что, ориентация на его критерии не могла оказаться ошибочной.

Этой потребности в новом порядке селекции мы обязаны еще и сегодня практикующимся мировым религиям. Они (каждая по отдельности) являются религиями для каждого и для всех людей. Они усиливают моральные требования к богу и к людям - так, как будто бы теперь стало особенно важно жестко удерживать единство селекционной связи некоторой культуры и фиксировать ее с помощью "канонических" текстов.¹²⁷ Мораль предоставляет игровое пространство для интерпретаций и для правовой казуистики. Сама религия предлагает формы

более явной радикальности и тем самым способна дистанцироваться как по отношению к господствующей бюрократии, так - и по отношению к различным социальным слоям. Здесь можно вспомнить об отношении буддизма к системе каст или об учении св. Августина о двух царствах. Проблематическая для

83

всякого смысла комбинация очевидности и длительности смещается в сферу трансцендентного. С помощью своих текстов религия перевоплощается в (практикуемую главным образом в устной форме) традицию, а благодаря ритуализациям (прежде всего, в Индии) или же ее популярным версиям она становится доступной широким слоям. И именно в силу того, что зафиксированное письменно передается в устной традиции, текст служит основанием того (неизменного или лишь незаметно варьирующегося) жестко заданного порядка, очевидность которого скрывает то, что могли бы существовать и другие возможности.

Пока такой маневр доминирует и сосредотачивает в себе всю силу убеждения, появляются и другие способы гетерогенного, но функционально-эквивалентного укрепления средств селекции. Оно состоит в развитии функционально-специфических, символически-генерализованных средств коммуникации. Соответственно, селекция осуществляет проверку того, можно ли в отношении осуществимости какого-либо действия и вытекающих перспектив сослаться на истину; а также того, возможно ли профинансировать данную инновацию и достаточно ли власти для ее внедрения вопреки эвентуальному сопротивлению.

Выше мы уже сказали обо всем, что необходимо знать о генерализованных средствах коммуникации, так что здесь можно ограничиться несколькими указаниями. Символически генерализованные средства коммуникации могут обеспечивать принятие коммуникаций с высоким содержанием взаимных ожиданий даже и при наличии скорее невероятных условий, благодаря тому, что эти средства кондиционируют мотивы принятия коммуникации и благодаря этому кондиционированию делают эти коммуникации ожидаемыми. В основе этого лежит процесс разложения и перекомбинирования, т. е. чрезвычайное усиление комбинационных возможностей, которое потом может найти себе формы, оказывающиеся все же обязательными. Хороший пример такого средства - деньги. Но к ним же относится и власть, которая защищена угрозой применения несопоставимого ни с чем насилия и имеет ту же структуру. Сходная - доходящая до границ возможного - тематическая откры-

84

тость порождается посредством методологизации научной истины, хотя, впрочем, и искусство славится своей способностью свободно формировать облик в "мягкой, простой стихии" представления, чего невозможно обнаружить в природе, служащей ему первообразом¹²⁸. В своей базовой структуре эти медиа суть гигантское количество свободно-сцепленных элементов, своей массой влекущие на дно саму традицию. Это и дает шанс на то, чтобы могли быть сформулированы более современные критерии отбора, уже не требующие отсылки к *совершенству, покою и стабильности*. Так, "прибыль" превращается в селекционный критерий для использования денег, хотя сама прибыль является нестабильной и как раз зависит от использования нестабильной, постоянно изменяющейся ситуации на рынке. Теряет значение всякая опора на что-то совершенное - безразлично, выражается ли оно качеством труда или товаров, состоит ли оно в стиле жизни или доходе купца, соответствующем его общественному статусу, или, наконец, воплощено ли оно в естественном влечении людей, обуздывать и использовать которое призван их разум: остаются лишь расчеты рентабельности, привязанные к их конкретным формам. Эти расчеты, например, предполагают наличие - допускающих разграничение - единиц имущества, которые сами из себя не могут обеспечить стабильность даже обозримой системы хозяйства. Параллельно этому любовь как страсть провозглашает суверенитет своего собственного царства, вытесняя - соотносимые с известными объектами и качествами - понятия любви, в том числе любви божественной и любви добродетельной, и в качестве возмещения

делая ставку на опыт ее мимолетности¹²⁹. Политическая теория семнадцатого столетия делает упор на реализации открывающихся возможностей (тогда это еще называлось "coups d'état"¹³⁰) и рассматривает необходимость концентрации власти преимущественно с этой точки зрения. Наконец, и наука смягчает свое (первоначально необходимое ей для того, чтобы утвердиться в противовес религии) положение о том, что достоверность вытекает из природы объектов и самого познания, и полагает, что истину можно найти лишь на свободном рынке

85

индуктивных выводов, попыток фальсификации и конструкций.

Такая бросающаяся в глаза параллельность развития этих семантических нововведений указывает на связь с функциональной дифференциацией. В данном контексте нас интересует только то, что таким способом селекция расцепляется с перспективами стабилизации, т. е. между функциями селекции и функциями стабилизации проводится еще одна разделяющая граница.

Становится очевидным, что процесс этого безудержного социального (и как потом окажется - также и религиозного) отво-рения и замыкания игрового пространства селекционных возможностей отвечает на проблему, которую поставили безмерно возросшие способности селекции. Если в сфере релевантности этих медиа возникают отклонения, то они не сталкиваются с особыми трудностями, препятствующими их формированию и утверждению в мире, - конечно, в том случае, если они удовлетворяют особым условиям этого медиума. Итак, как только изобретается нечто новое, скажем, печатный станок, тут же деньги демонстрируют готовность осуществить калькуляцию предпринимательской программы по ее доходам и издержкам, - программы, которая и осуществляет реализацию этого изобретения, насколько оно экономически возможно. Лишь в силу своего количества, а никак не с помощью вмешательства в процесс печати, деньги способны оказывать сопротивление. Или другой пример: как только возникает новая проблема исследования, тут же подспевают удостоверенные техники, которые одни решают о том, в какой степени этим результатам исследования может быть придана форма истинных или ложных предложений. И, наконец: при чтении романов узнают о том, что есть любовь. Потом остается лишь подобрать лицо, в отношении которого это чувство может получить свою выкристаллизовавшуюся форму.

Пока религия сохраняла надежду на единство критериев селекции и была готова иногда расплачиваться за это своей стагнацией, выстраивание общественной сложности, ориентированное на символически генерализированные средства коммуникации, оказывалось все в большей зависимости от того,

86

какие из медиа годятся для этого больше других. Приходится, следовательно, считаться с весьма существенными нарушениями баланса. Во всяком случае, нельзя исходить из того, что система общества во всех своих областях развивается настолько равномерно, что всякий возможный смысл рано или поздно получит раскрытие и что все потребности и интересы мало-помалу будут удовлетворены на каком-то более высоком уровне. Подобные иллюзии о тотально-восходящем развитии "человечества" были распространены еще в восемнадцатом столетии (а если сюда же причислить "коммунизм" - то и в веке девятнадцатом). В настоящее время с этими представлениям приходится расстаться. Надо считаться с тем, что определенные функциональные области решают свои проблемы селекции быстрее, чем другие, стремительнее приспособляются к темпу современного общества и оказываются более способными к аккумуляции новых достижений.¹³¹ Результат предстает в виде доминирования техники, денег или особых видов рациональности, не являющихся общеудовлетворительными.

При всей семантической различности, с одной стороны, религии, а с другой - символически генерализированных медиа, видимо, они имеют между собой и нечто общее. В обеих областях селекция утверждается на уровне *наблюдения второго порядка*. Религия наблюдает бога как наблюдателя людей; символически генерализированные медиа коммуникации управляют наблюдением других

наблюдателей - скажем, на рынках системы экономики или в области научных утверждений. Необходимые сегодня селекционирующие инстанции дистанцируются от непосредственности процесса варьирования - словно наблюдатель, который наблюдает, что наблюдают другие наблюдатели. Но если именно в этом и заключена та техника, которая и реагирует на возрастающую сложность, то надо ожидать, что последняя - при ее успешном практиковании - приведет к разложению непосредственного доверия к реальности. Но как же тогда результат селекции принимает стабильную форму?

87

ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛ. V:

¹¹⁵ Таковым, по меньшей мере, являлся интерес Генри Адамса: "Он, подобно девяти из десяти человек, ощущал инстинктивную веру в эволюцию, но естественный отбор волновал его ничуть не больше, чем искусственная селекция ...". См.: *Education of Henry Adams*. Boston. 1918, p. 225.

¹¹⁶ Очевидно, что речь здесь идет лишь о теоретической абстракции.

¹¹⁷ Эту формулировку см. в работе: *Parsons T. Societies: Evolutionary and Comparative Perspectives*. Engelwood Cliffs N. J. 1966, p. 42.

¹¹⁸ В связи с этим при введении понятия символически генерализированных средств коммуникации мы уже обратили внимание на то, что, как правило, это имеет место в случае исторически-контингентных акцептаций того или иного предложенного смысла, а не в случае его отклонения.

¹¹⁹ И все же эта возможность смогла стать более вероятной благодаря тому, что масс-медиа сообщают преимущественно об отклонениях и тем самым создают предпосылку для того, чтобы отклонения воспринимались как нечто нормальное. Это и смогло обеспечить их институционализацию.

¹²⁰ Факт возникновения множества селекционно-нейтральных мутаций (что часто рассматривается биологами как отклонение от паттерна дарвинистской теории), сегодня является бесспорным и в биологии. Ср.: *King J. L. / Jukes T.H. Non-Darwinian Evolution*. Science 164 (1969), p. 788 - 798.

¹²¹ Выше в этом смысле мы говорили о "forward unduction" .

¹²² Ср. со сноской 96.

¹²³ К авторам, которые ассоциировали этот процесс со второй кибернетикой позитивной обратной связи, относится и Магорох Мария-ма. Он ведь отчетливо заявляет: "Незначительное начальное отклонение, само по себе обладающее высокой степенью вероятности, может развиться в значимое отклонение невысокой вероятности (или, если быть более точным, в значительное отклонение, весьма невероятное в структуре вероятностной односторонней каузальности". См.: *Jantsch E. / Waddington C. C. (Ed.) Toward Cultural Symbiosis*. In: *Evolution and Consciosness: Human Systems in Transition*. Reading Mass. 1976, p. 198-213.

¹²⁴ Для сравнения, клетки можно рассматривать как внешний мир для (в некоторых обстоятельствах мутирующих) генов; и в этой связи так-

88

же признается, что эволюция получает направление лишь благодаря регулированию этого отношения. Ср.: *Mayr E. Selektion und gerichtete Evolution*. In: *Naturwissenschaften* 52 (1965), S. 173-180.

¹²⁵ Более основательное изложение этой формы дифференциации смотрите в восьмой главе четвертой книги: *Луман Н. Общество общества. Кн. 4: Дифференциации*. [М. Логос, 2006].

¹²⁶ См. пример из усвоения металлообработки: *Rendrew C. The Emergence of Civilization: The Cyclades and the Aegean in the Third Millenium B.C*. London 1972, p. 28, 36. "Инновации имели место во всякое время и во всяком обществе. Новые идеи осеняли людей скорее случайно, скорее подобно мутациям в органическом мире. Они не допускают своего индивидуального предсказания. Ведь ключевую роль играет реакция на эти нововведения. Если инновация отвергается, не происходит эффективных изменений. В случае же их усвоения, они могут получать и дальнейшую модификацию. ... Изменения или инновации в сфере человеческой деятельности (в одной только подсистеме культуры) иной раз оказывают воздействие, способствующее изменениям в других сферах (в других подсистемах). Эффект мультипликации проявляется тогда, когда эти спровоцированные изменения в одной или нескольких подсистемах оказывают обратное воздействие на первичные изменения в подсистеме, о которой шла речь вначале". Ответ на напрашивающийся вопрос о том, какие же факторы суживают развитие в определенном направлении, можно найти в конкретном анализе отдельных фактов.

¹²⁷ См.: *Assman J. Das kulturelle Gedachtnis: Schrift, Erinnerung und politische Identitat in friihen Hochkulturen*. Munchen 1992.

¹²⁸ Гегель Г. Ф. В. Лекции об эстетике, т. 1.

¹²⁹ Более конкретно см.: *Luhmann N. Liebe als Passion: zur Kodierung von Intimitat*. Frankfurt 1982.

¹³⁰ См.: *Naude G. Considerations politiques sur les coups d'Etat* (1639). In: *Science des Princes, ou Considerations sur les coups d'Etat*. 3 Vol., Paris 1712.

¹³¹ См. различие между кумулятивной и некумулятивной сферами общественной трансформации: *Wolf E-R. The Study of Evolution*. In: *Eisenstadt S. N. (Ed.) Readings in Social*

Evolution and Development. Oxford 1979, p. 179-191. Как кумулятивная идентифицируется сфера, определяющаяся развитием технологии.

VI. РЕ-СТАБИЛИЗАЦИЯ СИСТЕМ

Пока процесс селекции ориентируется на устойчивые состояния, лишь изредка переживающие возмущения, нет большого смысла говорить о третьей эволюционной функции. Сама селекция заботится о стабильности, и если ей этого не удастся (чего и следовало бы ожидать в мире, определяемом разложением и грехом), именно тогда и следует осуществить повторную и, по возможности, наилучшую селекцию. Еще нововременное государство описывалось исходя из этой задачи, и для этого описания требовалось понятие "мир" ("Frieden").¹³² Ведь там, где гарантирован мир, каждый получал возможность заботиться о спасении своей души и своем земном благосостоянии. И в эволюционно теоретической литературе селекция и стабилизация зачастую сводятся в одно единственное понятие. Говорят о "селективной ретенции" или же о "стабилизирующей селекции"¹³³. Это казалось убедительным до тех пор, пока в биологии и, к примеру, в экономической теории селекция не стала пониматься как *естественный отбор* посредством окружающего мира, а ее результат - как "наилучшая приспособленность". Стабильность стали описывать как "равновесие", использующее гомеостатические механизмы, компенсирующие возмущающие воздействия и возвращающие к этому равновесному состоянию. Это, правда, предполагало, что существовала устойчивая точка равновесия, не смещающаяся благодаря периодически возникающим отклонениям. Эта ситуация - при условии, что внешний мир не изменяет сам себя - не требовала дальнейшей заботы о стабилизации уже *после* произошедших структурных изменений. Но такое понимание вряд ли сегодня еще кто-то разделяет.¹³⁴ Способными эволюционировать оказываются как раз динамические системы, умеющие отдаляться от равновесного состояния и репродуцировать себя. Причем

90

особенно необходимыми такие предпосылки выглядят в свете (в том числе нашего) понимания селекции как исключительно внутреннего процесса. Ведь разве что-то может обосновывать допущение, будто успешно отбираться должны лишь перспективы стабильности. И, прежде всего, что гарантирует это в обществе, которое описывает себя само, обращаясь к дифференции прошлых и будущих состояний, и вынуждено ежедневно приумножать опыт чрезвычайно стремительных структурных изменений? И разве именно современное общество не ориентирует свои селекции исключительно на то, что кажется пригодным лишь в данный момент и является чем-то преходящим?¹³⁵

У живых существ функция рестабилизации выполняется благодаря образованию популяций. Популяции понимаются здесь как репродуктивная изоляция некоторого генофонда, который - в ограниченном объеме - способен вбирать в себя вариации и вовлекать их в свое воспроизводство. Каждая популяция способна внутри самой себя производить свое потомство. Змеи и кошки не могут порождать "змеекошек". Утверждение -известное нам как тезис Ламарка - об унаследовании приобретенных признаков считается опровергнутым. И именно на этом основывается закрытый характер популяции (в строгом системно-теоретическом смысле), которая, в свою очередь, обуславливает ее высокую *экологическую независимость* (= стабильность). Лишь очень незначительное число экологических факторов еще осуществляют вмешательство, а именно такие, которые способны препятствовать репродуктивности.

Если основу более адекватного понимания функции рестабилизации искать в современной теории общественной эволюции, результат окажется весьма скудным. В одних случаях ограничиваются обычной континуальностью фактов и состояний, обходясь без глубокого осознания проблемы¹³⁶, в других - до сих пор ориентируются на унаследованное от XIX века различие *дух/материя* и объясняют стабильность культурной трансмиссией и культурным наследованием.¹³⁷ Также и здесь вновь можно отметить отсутствие достаточно разработанной

системно-теоретической понятийности; ведь стабильность легче

91

всего определить как раз применительно к системам.

Мы исходим из того, что процесс селекции приводит к образованию структур. Поэтому дальнейшая проблема может состоять лишь в отношении структур к тем системам, аутопойети-ческие операции которых осуществляются, лишь будучи зависимыми от определенных структур. Далее следует задуматься о том, что проблема рестаблизации может вызываться как позитивными, так и негативными селекциями, т. е. - реагирует исключительно на селекцию. В случае позитивных - структуро-роизменяющих - селекции это обнаруживается с легкостью. Нововведенные структуры должны быть подогнаны под систему и быть совместимыми с отношениями в ее внешнем мире, причем изначально (селекцией) еще не может быть предопределено то, будет ли она успешной и каким образом. В 1789 году волнения в Париже наблюдались как "революция" и описывались при помощи понятия, специально модифицированного для этой цели. Последствия этих событий нельзя было ни сдержат, ни проконтролировать; их, пожалуй, можно лучше всего описывать как столетнее фиаско всех последующих революций, значение которых, однако, впоследствии вылилось в переход политической системы Франции к представительной демократии. Кодификации права, высвобождение и самоутверждение экономики, секуляризация в области религии, удаление аристократии из сферы общественной жизни - все это явилось компенсаторным развитием, которое может пониматься в качестве рестаблизации революционных нововведений.

Однако и там, где революции подверглись негативной селекции, т. е. были, как, например, в Пруссии, отклонены, - требовалась рестаблизация, скажем, в виде культурно-государственных программ для школ и университетов. Сформулируем в общем виде: вариации могут исчезнуть незаметно, селекции же, как правило, фиксируются в памяти системы, и в дальнейшем нужно как-то ориентироваться на знание того, что что-то возможное не получает воплощения. Так, консервативные тенденции могут описываться как консервативные идеологии и на этом основании подвергаются критике.¹³⁸ Но эта (негативная)

92

селекция еще не предопределяет, что - и каким образом - система будет приспосабливаться к самой себе и к своему внешнему миру (скажем: ожиданиям индивидов). И совершенно не исключено, что инновативное воздействие отклоненного нововведения в долгосрочной перспективе проявится гораздо сильнее, нежели инновативное воздействие осуществленного нововведения, - во благо или во вред системе.

В каждом случае понятие ре-стаблизации обозначает последовательности встраивания структурных изменений в систему, операции которой осуществляются под воздействием структурной детерминации. При этом оно включает в себя понимание, что - хотя это происходит в том числе посредством вариаций и селекции - рестаблизация непременно осуществляется посредством собственных операций системы. В любом случае позитивная или негативная селекция приводит к возрастанию сложности системы и, соответственно, последняя вынуждена реагировать не нее рестаблизацией.

И хотя подобные проблемы структурной совместимости (или "структурных противоречий") составляют повседневное меню социологов, кажется удивительным, что они не исследуются надлежащим образом именно в контексте эволюционной теории.¹³⁹ Смягчению проблем структурной совместимости способствует, прежде всего, само системообразование. Оно производит формы, т. е. границы, на внутренней стороне которых редуцированная сложность способна оказываться в высшей степени индифферентной по отношению к внешней стороне границы. Несовместимости могут затем экстернализоваться - скажем, приписываться индивидуальным лицам, богу или божественному промыслу. На месте этой функции часто обнаруживаются весьма специфические институциональные и даже организационные изобретения. Так, банки служат для

эволюционной рестабиллизации денежной экономики, которая элиминировала древнюю максиму взаимности услуг. И нововременное "государство" служит рестабиллизации заблаговременно подготовленных процессов политической централизации. Как мы подробно покажем в следующей книге о дифференциации, эта

93

уловка от-дифференциации может воспроизводиться в уже отдифференцированных системах, так что эволюция - ради уменьшения обременения структурными несовместимостями - осуществляет системообразование, нагруженное все большим числом предпосылок (а следовательно - и все более невероятное). Первоначально это происходит в относительно прозрачной (обеспечивающей легитимацию этого процесса) форме дифференциации *город/деревня* и стратификации. Однако в условиях нынешнего господства функциональной дифференциации эта проблема принимает самые радикальные формы, так что на долю целостной системы общества остается возможность лишь регистрировать это развитие.

Да и функция эволюционной ре-стабилизации (подобно процессу образования популяций живых существ), следовательно, проявляется в исторически-специфичной форме. Эта функция (пусть и при наличии остаточных и весьма существенных проблем) задействует системную дифференциацию и развивает различные решения, соответствующие той или иной господствующей форме дифференциации. В то время как кумулятивное отложение все новых и новых структур и воспроизводящееся системообразование в системах приводят к образованию все новых и новых форм¹⁴⁰, благодаря смене форм системной дифференциации, - т. е. посредством эволюционного перехода от сегментарной дифференциации к дифференциации на центр/ периферию, стратификации и, наконец, к функциональной дифференциации, - возникает новое игровое пространство для разложения и перекомбинирования подобных форм с шансами на появление новых структур с более приемлемой сложностью. Это можно проследить на примере параллельно протекающих изменений формы религии (*religio* как связывание).

Экстернализации, конечно, никогда не станут окончательными решениями проблем. Проблемы - в измененной форме - вновь возвращаются в отношения между системой и внешним миром. Это хорошо видно на примере как экологических проблем современного общества, так и внутриобщественных проблем, скажем, в дискуссиях о ставшей весьма сомнительной

94

"экстернализации издержек" в денежном хозяйстве. Поэтому имеет смысл еще более внимательно вникнуть в то, как протекает процесс рестабиллизации при встраивании новых структур в констелляцию структур наличных.

И здесь система получает пользу от уже редуцированной сложности. Структурные противоречия явно проявляются в некоторых областях: скажем, в позднем Средневековье они проявлялись в возрастающей денежной зависимости аристократии, а в эпоху государства всеобщего благоденствия - в том, что политика попадает в зависимость от успешно функционирующей экономики и одновременно способна достичь собственного успеха лишь благодаря тому, что вытягивает из хозяйства все больше и больше ресурсов. Соответственно, "инфляция" является следствием экстернализации политических конфликтов¹⁴¹, но вместе с тем представляет собой проблему, длительный мониторинг которой и ее беспрестанная разработка требуют развития специфических навыков и инструментария. Поэтому контроль новаций осуществляется как бы будучи выведенным на монитор инфляции, относительно быстро показывающий пределы вводимых нововведений. Да и высоко генерализированные механизмы распределения проблем - и этим особо славится денежное хозяйство - в свою очередь дают возможность обнаружить специфические техники обращения как с этими проблемами, так и с болезнями цивилизации иного рода. Отношения остаются необозримыми. При введении новых структур (достаточно вспомнить

хотя бы о введении автоматической переработки данных во все более широких сферах общества) невозможно предвидеть, что произойдет в дальнейшем. И если что-то все-таки происходит, как правило, уже поздно отменять нововведение. Да и в вытекающие проблемы можно вложить новые инвестиции. Автомобильное движение требует закона о материальной ответственности и ее страхования, наличия спасательных служб, учреждения специализирующейся на ДТП медицины, улучшенных и ухудшенных ("для замедления движения") дорог. В целом общество переориентирует усилия по своей стабилизации на реактивные методы. Общество

95

стало слишком сложностным и слишком непрозрачным, чтобы суметь реализовать установку на свою стабильность.

Не является случайностью, что отдифференциации критериев селекции, уже не обещающих никакой стабильности, полностью соответствует переход к функциональной дифференциации общественной системы. Граница между селекцией и стабилизацией стала гораздо отчетливее, чем ранее. Мультифункциональность семейных хозяйств и мораль ушли в прошлое и были заменены функциональными спецификациями. Стабильность функциональных систем и - отдифференцировавшихся внутри них на основе разделения труда - организаций, профессий и ролей совместима с вариациями и селекциями разного типа. Эта стабильность основывается на том, что некая функция, если она однажды отдифференцировалась, может быть реализована на некотором продвинутом уровне лишь в каком-то предопределенном для нее направлении. Сама функция является исходным основанием для ограничения функциональных эквивалентов, и поэтому для самой функции нет никакого функционального эквивалента (как нет его ни у какой-либо более общей проблемы). Исследование, к примеру, теперь может осуществляться только "научно". Любители исчезают. Если организации в политике или в хозяйстве формируют исследовательские институты, то осуществляемые там операции, тем не менее, принадлежат системе науки - или речь вообще не идет об исследовательских учреждениях, а, допустим, о скрытой рекламе или же об отстойниках для заслуженных политиков. Соответственно, порядок в таких системах учреждается как *самосубститутив-ный* в том смысле, что его структуры могут заменяться другими структурами с той же самой функцией и той же самой типикой. Т. е. теории замещаются лишь другими теориями, правовые акты - лишь другими правовыми актами, политическая программа наследует другой политической программе. Коренящийся здесь принцип стабильности принимает форму требования некоторого эрзац-решения. Тот, кто желает ликвидировать атомные электростанции, неизбежно сталкивается с вопросом: как же потом производить электрический ток другим способом?

96

С переориентацией функции рестабильзации на функциональные системы стабильность сама становится динамическими принципом и косвенным образом превращается в главный импульс варьирования.¹⁴² При условии функциональной эквивалентности и нетто-превосходства более новых форм функциональные системы всегда готовы к изменениям. И хотя сами они и не внедряют в мир инноваций, они обладают высоким потенциалом реакции инновациями на инновации. Еще в большей степени это верно в том случае, если в рамках функциональных системы образуются организации, оказывающиеся способными своими решениями менять себя самих и практику своих решений.¹⁴³ Уже в достаточно четко выраженном страти-фикационистском средневековом укладе такие корпорации как церковь, монастыри, города, цеха, университеты брали на себя инновативную функцию - прежде всего потому, что благодаря своей корпоративной стабильности они могли долгое время обеспечивать общность жизни их членов вне сословного порядка. Уже здесь общество экспериментирует с формами динамической стабильности, которые не были предусмотрены в его прежней форме дифференциации.¹⁴⁴

Маргинальное (по отношению к сословному порядку) положение этих

корпораций означало, однако, и то, что их инновационный потенциал оставался ограниченным их собственными рамками, а затем - с переходом к Новому времени - оценивался, скорее, как косный и неподвижный. Порядок сословий *и* корпораций постепенно уступал место порядку организаций *внутри* функциональных систем; и лишь это позволило самим первичным социальным подсистемам обрести кондиционированную динамическую стабильность.

В ходе этого эволюционного шага функциональные системы в способах осуществления своей селекции переориентировались на *принципиально нестабильные критерии*. Отбор уже не может определяться качеством отобранного, но обосновывается исключительно благодаря критериям селекции. Так, чтобы дать возможность политике приспосабливаться к условиям ситуации и при этом отбрасывать стабильные моральные или

97

естественно-правовые нормы, заводят речь о *государственной необходимости*. Установка хозяйства на *прибыль* делает возможным непрерывное приспособление производства к условиям рынка. Компенсация [за нестабильность] возможна теперь лишь в математической теории равновесия. Идея о том, что любовь есть *страсть*, обуславливает автономное или, во всяком случае, конечное и временное развитие интимных отношений. Компенсация [такой нестабильности любви] выражается в допущении, что любовь ведет к браку, что, к сожалению, не может быть принято уже состоящими в браке. Обозначая предметно-формальное и вместе с тем временное единство, со второй половины XVIII столетия говорят о *стиле*, - причем как о таком единстве, которое в себе самом уже содержит исходные основания для возможных отклонений, допустимых лишь в случае их успеха как произведения искусства. Право теперь обнаруживает принцип своей действительности в *позитивности* законодательства (Setzung) с тем следствием, что другие решения могут сделать действительными другие законы. Аналогичная дестабилизация критериев в раннее Новое время проявляется, наконец, и в религии, тем самым лишая последнюю возможность прислуживать другим системам в качестве стабилизирующего средства. Медиум религии состоит в отношении ее граничных идентичностей: бога и души. Ориентируясь на библейские тексты как на основание веры в истину откровения, христианской религии удается сформулировать моральную казуистику (и т. п.) и отполировать ее с помощью церковного организационного порядка, института исповеди. Но начиная с теологических контrovers позднего Средневековья со свойственной ему все более выраженной индивидуализацией души (индивидуальность как самореферентность) возможности образовывать в этом медиуме формы становятся все более проблематичными. Конкретно это означает следующее: условия спасения души становятся проблемой, удовлетворительно разрешить которую тексты традиции ужу не могут. Для этого уже не представляются достаточными ни гарантии, предоставляемые церковью и ее управлением душевного спасения, ни иезуитская практика жиз-

98

неруководства, ни обращение к вере (sola fides), ни та уверенность, которую надеялись обрести в самостоятельной заботе о душе и ее спасении. Поэтому критерии селекции - состоящие в программах для программирования кодированных функциональных систем. - настраиваются на нестабильность, что требует введения новых "неоскверняемых уровней", семантически - в форме ценностной понятийности XIX столетия, а структурно - в форме аутопойетической автономии функциональных систем.

Такого рода имманентное, но открытое к альтернативам обеспечение стабильности не нуждается в какой бы то ни было уверенности в мире (Weltgewissheit). Оно не нуждается и в том, чтобы ссылаться на какое-либо описание общества. Отдифференциации подвергаются лишь функционально-направленные кластеры альтернатив, причем чрезмерно абстрактные формулы проблем оказываются неэффективными в силу своей недостаточной информативности для оценки степени изменений в процессе непрерывных

рестабиллизаций. В эволюционно-тео-ретической связи здесь удивляет то обстоятельство, что функциональные системы стабилизируются в их отношении на варьирование - так, что механизм стабилизации одновременно функционирует как мотор эволюционных вариаций.¹⁴⁵ Это ускоряет общественную эволюцию в доселе невиданных масштабах. Стабилизация и варьирование - словно в результате короткого замыкания - совпадают друг с другом. Лишь благодаря этому критерии селекции, которые отказываются от всякой связи с - обязательной для общества в целом - моралью и от ориентиров на стабилизацию, в свою очередь, могут подвергнуться отбору; и лишь поэтому всерьез предлагаемая семантика смогла приветственно отнестись и концептуализировать как неде-виантное Новацию, Критику, Разнообразие - одним словом, вариацию как таковую. Даже антагонисты общества, и именно они, извлекают выгоду из того, что общество в ходе этого исторически-неповторимого поворота вселяет мужество в себя само. Результатом становится необычно высокая - принимающая зримые формы даже на протяжении жизни отдельных людей - ча-

99

стота изменений в структурах системы общества. "Мы нуждаемся в ежегодном дополнении к десяти заповедям" - сожалел Э. Росс.¹⁴⁶ Именно этому соответствует эволюционно теоретическое допущение, что степень дифференциации между варьированием, селекцией и рестабиллизацией коррелирует с темпом эволюционных изменений.

В соответствии со всем этим должно быть по-новому сформулировано и понятие системной стабильности. Признание структурных противоречий и понятие динамической стабильности уже стали первыми шагами в этом направлении. Однако следует с сомнениями отнестись к тому, может ли вообще стабильность описываться с помощью двузначной логики, так что стабильное/нестабильное относились бы друг к другу *какА/не-А*. Самореференциальные системы, напротив, выстраиваются именно так, что внутри себя они высвобождают опции, тотчас же обнаруживающие свои альтернативы, а посему их единство должно описываться в виде парадокса. И лишь в силу этого изменения могут получать внешний источник. Текучая вода *в самой себе* содержит возможность замерзания или парообразования; лишь поэтому изменения внешней температуры могут производить с ней данные действия. Форма коммуникации придает ей возможность реагировать на предложенный смысл его принятием или отклонением; и лишь поэтому внешние изменения - посредством состояний сознания психических систем -могут воздействовать на общество. Это все не требует от нас диалектической теории, которая бы допускала, что в силу логической нестабильности ее самопорожденных внутренних противоречий система сама работает над их синтезом. Напротив, эволюция ведет к образованию систем, в которых всякая внутренняя операция реализует нечто определенное за счет чего-то другого и тем самым делает возможным "пересечение" внутренних границ тех или иных используемых различий, если для этого предоставляются возможности или возникают побуждения.

Это уже нельзя игнорировать в описании современного, функционально дифференцированного общества, поскольку здесь

100

затрагиваются не только внешние связи, но и внутренние отношения системы общества. Возможно, Магоро Марияма был прав, выдвигая гипотезу о нестационарной ситуации совершенно нового рода. И хотя и раньше имели место как незаметные изменения, так и - если позволяли обстоятельства - взрывные переломы, они всегда являли собой переход от одного стационарного состояния к другому. Общества поэтому всегда способны описывать себя в качестве стационарных и принимать соответствующую эпистемологию константного порядка. Лишь переход к современному обществу повлек за собой "метапере-ход", т. е. переход от некоторого стационарного к некоторому нестационарному состоянию; и подходящая для этого эпистемология еще только разрабатывается.¹⁴⁷ Объяснение этому могло бы предложить различие различных форм системного

дифференцирования в связи с теорией эволюционной дифференциации эволюционных функций.

Правда, это дает лишь довольно одностороннее описание. Другая сторона касается консерватизма именно этого общества. Методика планирования реактивных изменений - о свободно выбираемых, целеориентированных планированиях мы пока ничего не будем говорить - не поспевает [за общественным развитием]. В теории решений сегодня довольствуются требованием "ограниченной рациональности". Такая методика становится тормозом, раскрепощением невежества, а сложность определяется - и практикуется - как *отсутствующая информация*. В той мере, в какой канализирование рестабиллизаций сосредоточивается в руках организаций (т. е. обеспечивается протекание решений и не допускаются "ретроспективные сожаления о принятых решениях"¹⁴⁸), нововведениям оказывается сопротивление. Смысл выявляется ретроспективно - после того, как действие уже совершено, а решение - принято.¹⁴⁹ Однако, к счастью или к несчастью, общество эволюционирует не на уровне организаций.

Этот результат оказывается необычным, уникальным случаем в эволюционной теории. Эволюция, правда, никогда не исчерпывает всех - содержащихся в ее базовом субстрате - воз-

101

можностей. Это относится и к протеинам, и к фотосинтезу, и к смыслу, и к языку. Результатом непременно становится диверсификация структурно-детерминированных систем. Полнота бытия обнаруживается во множестве реализованных возможностей. Общественная эволюция произвела бесчисленные первобытные общества. Высокие культуры насчитывают - в зависимости от того, как считать - от двадцати до тридцати экземпляров. Напротив, функционально-дифференцированное общество существует в одном единственном экземпляре. Значит ли это, что и эволюция приводит к одному единственному результату? Кажется, что приходится отказаться от всех избыточностей и всех гарантий диверсификации. Если это общество исчезнет, то не будет никакого другого - пусть даже из самого этого общества возникнут какие-то новые формы. Мы исследовали возможности *внутриобщественной* эволюции¹⁵⁰, но, очевидно, одно это исследование еще не дает приемлемого ответа на поставленный здесь вопрос. Ответ нужно искать лишь в особенностях самого этого общества, например, в его способностях выдерживать заданный темп, находить замены выходящим из строя компонентам, капитализировать резервы, необходимые для непредвиденных случаев и прежде всего: осуществлять социализацию всех этих требований и вводить системы сознания людей во все указанные тонкости. Ведь абсолютно ясно, что люди, на протяжении долгой истории культуры жившие по-другому, в подобных условиях становятся весьма раздражительными.

ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛ. VI:

¹³² Так же понималось и государство: Giovanni Antonio Palazzo. Discorso del Goverao e della Ragion Vera de Stato. Venetia 1606, p. 12.

¹³³ Campbell D. T. Blind Variation and Selective Retention in Creative Thought as in Other Knowledge Processes. In: Psychological Review 67 (1960), p. 380 - 400. Его же: Variation and Selective Retention in Socio-Cultural Evolution. In: General Systems 14 (1969). S. 69 - 65;

102

Schmid M. Theorie sozialen Wandels. Opladen 1982, S. 137.

¹³⁴ И все-таки отказ от нее должен быть обоснован. См.: Hannan M. T. / Freeman J. Organizational Ecology. Cambridge Mass. 1989, p. 21.

¹³⁵ Ср.: Bennis W. G. / Slater Ph. E. The Temporary Society. New York 1968.

¹³⁶ Ср.: Harding Th. G. Adaptation and Stability. In: Sahlin M. D./ Service E. R. (Ed.) Evolution and Culture. Ann Arbor Mich. 1960, p. 45-68.

¹³⁷ Более подробно об этом см.: а. а. О. Keller (1991), S. 287. Более современные интерпретации см.: Boyd R. / Richerson R J. Culture and the Evolutionary Process. Chicago 1987.

¹³⁸ Об этом различии (хотя и не на эволюционно-теоретической основе) писал в своей докторской диссертации Карл Мангейм. Mannheim K. Konservatismus: ein Beitrag zur Soziologie des Wissens, hrsg. von David Kettler, Volker Meja und Nico Stehr. Frankfurt 1984.

¹³⁹ Если же искать здесь историко-научное объяснение, то оно могло бы состоять в том, что спор об эволюционной теории долгое время велся между ложно расположившимися фронтами,

скажем в понятиях *структура versus процесс, статика versus динамика, структурный функционализм versus теория общественного изменения*; это объяснение могло бы корениться и в том, что учение о структурных противоречиях рассматривалось теоретиками классового общества как "консервативная" попытка избежания единственно существенной для социологии темы классовой борьбы или хотя бы ее ослабления. Сегодня это едва ли еще вызывает интерес.

¹⁴⁰ Об эволюции как о "progressive binding" см.: Levins R. *Evolution in Changing Environments: Some Theoretical Explorations*. Princeton 1968, p. 108.

¹⁴¹ Последние дискуссии на эту тему см.: Baumgartner T. / Burns T. R. *Inflation as the Institutionalized Struggle over Income Distribution*. *Acta Sociologica* 23 (1980), p. 177-186.

¹⁴² Подчеркивая функциональную дифференциацию, мы уточняем распространенный - в том числе в биологии - тезис о том, что разнообразие увеличивает шансы и частоту вариаций.

¹⁴³ К этой форме системообразования мы вернемся в следующей книге.

¹⁴⁴ Об университетах в этом контексте см.: Stichweh R. *Der frühmoderne Staat und die europäische Universität: Zur Interaktion von Politik und Erziehungssystem im Prozess ihrer Ausdifferenzierung*. (16.-

103

18. Jahrhundert), Frankfurt 1991; о монастырях см.: Kieser A. *From Ascetism to Administration of Wealth: Medieval Monasteries and the Pitfalls of Rationalization*. In: *Organization Studies* 8 (1987), p. 103-123; о цехах см.: Kieser A. *Organizational, Institutional, and Societal Evolution: Medieval Craft Guilds and the Genesis of Formal Organizations*. In: *Administrative Science Quarterly* 34 (1989), p. 540-564.

¹⁴⁵ Сходные идеи см.: Fullan M. / Lounsbury J. J. *Education and Adaptive Capacity*. In: *Sociology of Education* 45 (1972), p. 271 - 287.

¹⁴⁶ Ross A. *Sin and Society: An Analysis of Latter-Day Iniquity*, p. 40.

¹⁴⁷ Этот подход см.: Magoroh Maruyama. *Toward Cultural Symbiosis*. In: Jantsch E. / Waddington C. (Ed.) *Evolution and Consciousness: Human Systems in Transition*. Reading Mass. 1976, S. 198-213.

¹⁴⁸ К этому мы вернемся в четвертой книге [ОО, кн. 4: "Дифференциации"].

¹⁴⁹ Weick K.E. *Sensemaking in Organizations*. Thousand Oaks Cal. 1995.

¹⁵⁰ Ср. с гл. XI.

VII. ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ ВАРЬИРОВАНИЯ, СЕЛЕКЦИИ И РЕСТАБИЛИЗАЦИИ

Мы попытались показать, что общественная эволюция требует и реализует эволюционные функции, т. е. различные способы ее воплощения. При этом в ходе эволюции и возрастающей дифференциации эволюционных функций смещается на новый уровень и проблема их демаркации. В бесписьменных, сегментарных обществах разведение варьирования и селекции было затруднено, ведь лишь интеракция среди присутствующих лиц служила этим обществам системной формой коммуникации, а сегментарная форма дифференциации заботилась о том, чтобы во внутриобщественном внешнем мире повсеместно существовали одинаковые отношения. В обществах высоких культур письменность (а также дифференциация на базе неравенства) облегчает этот первичный процесс разделения. Но именно это и затрудняет различение селекции и рестабилизации. Селекции понимаются как ответ на возмущение и как восстановление ситуации спокойствия, некоторого стабильного общественного состояния. Если уже и между селекцией и рестабилизацией проводится разграничительная линия и это делает возможным переход к некоторой первично функциональной дифференциации, то проблема вновь смещается на новый уровень. Ведь теперь, как мы видели, затруднено различение между рестабилизацией и варьированием. Формы общественной дифференциации, очевидно, корреспондируют с узловыми проблемами демаркации эволюционных функций.

Итак, с одной стороны, возникновение отчетливых форм внутриобщественной системной дифференциации является результатом эволюции. Формы дифференциации сами являются эволюционными достижениями. С другой стороны, они оказывают обратное воздействие - тем, что всякий раз вызывают специфические трудности в проведении демаркации эволюцион-

105

ных механизмов. Эти формы дифференциации различаются, как мы еще подробно покажем, по степени структурной сложности, которую они делают возможной, а также по тем семаантикам, которыми они реагируют на связанные с

этим проблемы. Это воздействует на возможности, которые институционально разделяют эволюционные механизмы. Общества высоких культур, опирающиеся на дифференциации центр/периферия, уже обладают возможностями, к примеру, формулировать и применять соответствующие критерии. Но они должны уметь защищать встроенные в них неравенства, предотвращать волнения и поэтому нуждаются в стабилизационной семантике, на которую ориентируются селекции. Лишь в режиме функциональной дифференциации возникают критерии селекции, воздействующие дестабилизирующе. Впоследствии, однако, дифференция стабильности и вариации схлопывается, ведь отныне стабильность должна первичным образом базироваться на гибкости, изменчивости и зависимости от решения. Вместе с этими смещениями в переходе от одной формы дифференциации к той или иной другой ее форме изменяется и частота структурных изменений, а следовательно - и темп эволюции. Кажется, что само время течет быстрее.

Уже эти соображения показывают, что разделение и (зависящее от случайности) новое связывание эволюционных функций не могут опираться на законы природы или на необходимости какого-то диалектического процесса.¹⁵¹ Не существует никакого вечного миропорядка, в котором предусматривалось бы именно такое развитие событий. Эволюция обязана эволюции.¹⁵² Она делает возможным себя саму благодаря тому, что выстраивает условия для дифференциации ее механизмов. То, как началась мировая история, мы объясняем "большим взрывом" или аналогичными мифами. Во всех более поздних случаях реализации эволюции уже непременно предполагаются дифференции система/внешний мир и тем самым - тот механизм умножения, который обуславливает появление лишь систем, способных ориентироваться в ситуации перемешанных феноменов, которые могут конструироваться ими в виде беспорядка/порядка, случайности/необходимости, ожидаемого/раздражаемого, одним

106

словом, в виде варьирования, вызывающего селективное давление. Теория самореференциальной эволюции уже не полагает "причины" свершающегося в каком-то Начале (*arche*, *principium*). Этот традиционный способ объяснения она меняет на дифференциально-теоретический, а именно - на спецификацию дифференции эволюционных функций и на, по возможности, максимально точную локализацию особых условий их расхождения в эмпирической реальности эволюционирующих систем. Таким образом эволюционная теория порождает и практически бесконечную программу исторических исследований.

Если эволюция не является процессом и если она не предполагает циркулярное отношение своих функций, ее теория отвлекается прежде всего от времени. Но столь же несомненно и то, что эволюция протекает во времени. Это означает не только то, что - благодаря отнесениям к более или менее длительным временным отрезкам - структурное изменение получает датировку. Это изменение имеет место не только во времени, но и использует исторические ситуации, которые вытекали из самой эволюции, возможно, являлись уникальными или же выказывали известную типичность и делали вероятным многократное возникновение эволюционных достижений - зрения, передачи наследственности и т. д. С одной стороны, такие ситуации предоставляли известные шансы, а с другой - служили ограничениями; они делали возможными селекции, воспроизводство которых, однако, требовало определенных условий. Мы еще вернемся к этому в разборе понятий *preadaptive advances*, *эволюционных достижений* и *истории*. В данный момент следует зафиксировать лишь то, что в основе теории эволюции (пусть даже в своих датировках она задействует временные измерения) не лежит линейная концепция времени, что, напротив, время, в котором возникают структурные инновации, принимает форму некоторой исторически уникальной современности, предоставляющей в распоряжение некоторую комбинацию возможностей и их ограничений; причем именно как комбина-

107

цию, ведь не существует возможностей без ограничений, так же как не может

быть варьирования и селекции без стабильности. Другими словами, эволюция возможна лишь в эмпирической конкретности, хотя эволюционная теория и не способна каузально объяснить то, что потом предстает в виде измененного, а тем самым - как нечто новое.

Это же понимание может быть достигнуто и в теории систем. В силу системных оснований всякой эволюции, ввиду неразложимой связи элементарных операций, структурообразований и операционной замкнутости системы, ограничивающей себя от внешнего, дифференциация эволюционных функций не может означать каузальной демаркации. Здесь имеется ввиду, что функции варьирования, селекции и рестабиллизации не могут координироваться и взаимосогласовываться эволюционирующими системами; ведь это бы означало, что изначально варьированию подвергается лишь ровно столько материала, сколько может быть отобрано в качестве вклада в "сохранение системы". Отказ от такого типа целесообразной координации означает следующее: то, приводит ли варьирование к позитивным или негативным селекциям, является случайностью; случайностью является и то, могут ли стабилизироваться (и как именно?) в системе данные селекции, пользующиеся собственными критериями. Понятие "случайности" указывает и на то, что восприимчивость эволюционирующих систем в этих внутренних границах к внешнему миру не может контролироваться. Здесь могут оказывать свое воздействие случайно оказавшиеся в распоряжении систем, мимолетные внешнемировые условия, в то время как системы способны - не планируя этого - воспользоваться шансами, позволяющими коммуникативно-убедительно осуществлять структурные изменения, которые в других исторических ситуациях были бы невозможными. Так, введение письменности дает новые возможности уже существующей дифференции между полномочными и неполномочными в обхождении со священными вещами ролями и влечет за собой новые проблемы: скажем, проблему укрепления считающейся священной традиции. Так, факт разрушения политичес-

108

кого единства еврейского народа мог иметь различное значение для развития основанного на Талмуде иудаизма и его обращения с проблемами интерпретации священных текстов, а следовательно, в связи с этим фактом было невозможно ожидать и никакой дискриминирующей *политической* поддержки и стабилизации теологических контrovers, как то имело место в случае ислама и христианства. Так, региональная и политическая сегментация Европы (а следовательно, разрушение идеи универсальной империи, противостоящей Церкви, как это имело место в XI-XII столетиях) порождает множество дифференциальных прогрессивных шагов в отдельных регионах, игравших роль прогрессивных экспериментов, благодаря или вопреки которым другие регионы могли определять свой путь в направлении функциональной дифференциации. Так, во Франции уже очень рано утверждается национальное государство, однако литература по теории искусства возникает лишь после учреждения Королевской Академии Живописи и Скульптуры в 1648, причем в обоих случаях (применительно как к литературе, так к созданию Академии) использовались итальянские образцы. Эти соображения подрывают и - классическое для теории - различие между эндогенным и экзогенным характером эволюции, которое, в свою очередь, не подтверждалось и с системно-теоретической точки зрения. Это различие должно быть заменено более сложностной теорией, в особенности - гипотезой о том, что при дифференциации эволюционных функций эволюционирующая система способна вбирать в себя больше внешних влияний, активнее реагировать на исторические ситуации и поэтому быстрее (но всегда - исключительно внутренним образом) эволюционировать.

Если верно то, что эволюция осуществляется через обособление ее функций (через реализацию их форм), то, несомненно, из этого можно заключить, что такая - обеспечивающая-нормальное функционирование - случайность, если можно так сказать, получает в ходе эволюции некоторую более высокую степень организации. Все более вероятным становится появление невероятного,

случайного, поскольку высокоструктурные

109

структуры эволюционирующих систем предлагают больше возможностей отклонения, как и больше возможностей для подкрепления этих отклонений.¹⁵³ Из этого, конечно же, не следует, что в ходе эволюции все системы или все типы систем начинают меняться с возрастающей скоростью. Здесь возмущались бы уже ящерицы. Речь, следовательно, может идти лишь о том, что в прогрессирующей эволюции возникают и морфогенетические трансформации, протекающие быстрее и одновременно образующие формы, сами способные выдержать более высокий темп изменений во внешнем мире и в самой системе.

По меньшей мере в этом месте теория эволюции зависит от творческого союза с системной теорией. Теория систем в этом случае заявила бы: чем выше (достигнутая благодаря эволюции) системная сложность, тем вероятнее становятся и инновации. Необходимость формы *варьирование/селекция/рестабилизация* корреспондирует с необходимостью формы система/внешний мир. Обе необходимости локализуют в себе случайность так, чтобы определенность вариации ничего бы не означала для определенности селекции, а определенность внешнего мира ничего бы не сообщала для определенности системы. Другими словами, эволюционирующие системы являются структурно-детерминированными и в более высоких формах своей организации представлены системами, способными учреждать внутренние репрезентации для внешним образом индуцированных случайностей. Мы говорили о "раздражениях". Более высокому темпу эволюции соответствуют, следовательно, не количественное нарастание взаимоналожений, амальгамирований и раздифференциаций у границ системы, а напротив - операционное замыкание и самоорганизация при усиливающейся раздражимости.

Тот тезис, что стабилизация систем является предпосылкой варьирования, или более коротко: тезис об эволюции эволюции оказывается связующим звеном в известных контрверсах между ламаркизмом и дарвинизмом. Во всяком случае, эволюция базируется на тех или иных самопорожденных исходных ситуациях, можно было бы даже сказать: на некотором - сум-

110

мированном в современность - прошлом, которое ограничивает то, что в том или ином случае является возможным. Это относится и к популяциям, выжившим в ходе органической эволюции. Достижение Ламарка состояло в обосновании концепции о вызываемой внешнемировыми изменениями трансформации структурных признаков, вопреки прежнему представлению о фиксированных сущностных признаках тех или иных родов и видов.¹⁵⁴ Важнейшим структурным признаком всех живых существ, заменившим собой жесткие родовидовые признаки, Ламарк считает "раздражимость".¹⁵⁵ Этот признак обозначает одновременно и отношение системы к внешнему миру. В нем не может происходить никаких новых изменений. Спор велся лишь о почти не учитываемом Ламарком второстепенном пункте, касавшемся наследуемости приобретенных качеств, который благодаря позднее появившейся генетике, по всей видимости,¹⁵⁶ был разрешен не в пользу Ламарка. Однако в теории социокультурной эволюции никогда не могли отказаться от "ламаркизма", ибо здесь возможность структурных изменений посредством взаимодействия памяти и научения являлась неоспоримой.¹⁵⁷ Органическая и социокультурная эволюция, безусловно, различаются по тому типу, как они реализуют функции варьирования, селекции и рестабилизации. Однако применительно к общей теории эволюции непрерывное циркулярное осетевление этих функций, а тем самым и аутопойезис самой эволюции является решающим исходным основанием, которое сохраняет свой вес и в том случае, когда исходят из того, что генетическая оснащенность отдельного организма уже не может быть изменена посредством его жизнедеятельности.

Этот промежуточный итог кодифицирует вклад наших прошлых исследований и возвращает его на уровень общей теории эволюции. Но одновременно этот обзор рождает и новые вопросы, к которым мы теперь и должны обратиться. Первый

вопрос затрагивает отношение континуальности и дисконтинуальности или, говоря иначе, отношение постепенности и скачкообразности эволюционных изменений. Очевидно, что имеют место оба типа [этих трансформаций]. Очевидно, что не имело

111

бы большого смысла требовать здесь научных контрверзов и передавать на откуп профессорам решения в пользу того или другого вида изменений. Речь идет о более широком различии, которое вызывало исходный парадокс вероятности невероятного и получило вид исследовательской программы. Эту тему мы обозначим понятием *эволюционных достижений*, которому и посвящен следующий раздел.

Другой вопрос, к которому мы обратимся далее, касается единства или множественности общественной эволюции. Поскольку общество является лишь одной системой, может существовать исключительно лишь одна общественная эволюция. Это, однако, не исключает того, что в системе общества могут разворачиваться дальнейшие эволюции, которые обращены к обществу как к уже организованному внутриобщественному внешнему миру, а значит - вытекают из эволюции самого общества. Сильно сомневаясь относительно отдельных деталей, на этот вопрос мы даем положительный ответ.

ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛ. VII:

¹⁵¹ Отношение эволюционной теории к диалектике и тем самым - к гегелевской теории истории требует более тщательного исследования. Здесь мы только заметим, что понятие формы маркирует различие и тем самым - указывает на необходимый характер связи между обеими сторонами различия. Поэтому за варьированием с необходимостью следует селекция, а селекция с необходимостью требует рестабиллизации. Однако это не означает, что и соответствующий процесс является *необходимым*. И также это не означает, что движение внутри этого процесса побуждается лишь различиями, которые конституируются как "противоречия". Эти предпосылки являются допустимыми лишь в том случае, если постулируется некая сущность вроде "Духа", который с какой-то более высокой (более поздней) позиции может нечто просто наличествующее привести в форму некоторой "недостаточности", чтобы в конечном счете, ориентируясь на себя самого, этот недостаток исправить.

¹⁵² Теперь это широко признается, ср.: Jantsch E. The Self-Organizing

112

Universe: Scientific and Human Implications of the Emerging Paradigm of Evolution. Oxford 1980, p. 217. От этого следует отличать самореференцию на уровне теории, которая означает, что понимание эволюции принуждает *теорию* эволюции к тому, чтобы постигать и себя саму в качестве результата эволюции. Об этом "автологическом" моменте эволюционной теории см.: Lofgren L. Knowledge of Evolution and Evolution of Knowledge. In: Jantsch E. (Ed.). The Evolutionary Vision: Towards a Unifying Paradigm of Physical, Biological and Sociocultural Evolution. Boulder Cal. 1981, p. 129 -151. Правда, разум судит о таких циркулярностях с неумолимой жесткостью, поскольку здесь он вынужден защищать свою собственную историческую привилегию самообоснования. См.: Baumgartner H.-M. Über Widerspenstigkeit der Vernunft, sich aus der Geschichte erklären zu lassen: Zur Kritik des Selbstverständnisses der evolutionären Erkenntnistheorie. In: Poser H. (Hrsg.) Wandel des Vernunft. München 1981, S. 49-64. Ero же: Die innere Unmöglichkeit einer evolutionären Erklärung der menschlichen Vernunft. In: Spaemann R / Koslowski P. / Low R. (Hrsg.) Evolutionstheorie und menschliches Selbstverständnis. Weinheim 1984, S. 55-71.

¹⁵³ "Гипотеза о том, что живые системы развились указанным способом требует дополнения: способность развиваться через мутации и генетические рекомбинации, ведомая естественным отбором, должна была сама постепенно развиваться из способности меняться только в процессе частых и нерегулярных химических реакций". Stebbins a. a. O. (1969), p. 117.

¹⁵⁴ Ср.: Jean-Baptiste Pierre Antoine de Monet de Lamarck. Philosophic zoologique. Paris, 1809.

¹⁵⁵ VI. I, p. 82. -

¹⁵⁶ Выражение "по всей видимости" я добавляю потому, что нельзя быть полностью уверенным, сказала ли здесь генетика свое последнее слово.

¹⁵⁷ Об см.: Revue internationale de systemique, 7/5 (1993).

VIII. ЭВОЛЮЦИОННЫЕ ДОСТИЖЕНИЯ

Если теперь мы хотим описать результат эволюции в целом, будет достаточно сформулировать *условия возможности возрастания сложности*. Но ведь это - всего лишь малопригодная общая формула. Поэтому-то следует более тщательно исследовать то, *что* именно - и *как* - делает возможной более высокую сложность. При этом подходе постановка проблемы смещается с уровня, на котором система описывалась как единство (где она "является" сложностной), на уровень системных

структур. И на этом уровне требуется понятие, которое могло обозначить результат эволюции, понятие для той или иной структурной композиции, которая бы явно превосходила ее функциональные эквиваленты. В качестве примера можно указать на глаз, на деньги, на подвижный большой палец руки или на телекоммуникацию. Консолидированные преимущества такого рода, которые лучше, чем что либо другое совместимы со сложностными отношениями, мы и будем называть *эволюционными достижениями*.¹⁵⁸

То, что существуют хорошие и менее хорошие решения проблемы, тесно связано с проблемой сложности. С чисто функциональной точки зрения, решения могут являться "эквивалентными". В понятии *эволюционных достижений* заложено, таким образом, два различных уровня оценки, и ни один из них не обладает абсолютной значимостью.¹⁵⁹ Решение проблемы должно быть адекватным. Письменность, к примеру, должна быть пригодной не только для целей записи, но и для коммуникации. Соответственно специфике проблемопостановки данное достижение может оказаться пригодным или непригодным (так, применительно к письменности, последняя годится для всякой коммуникации, является легко читаемой, фонетически независимой, не требует обременительной интерпретации).

114

Наряду с этим уровнем оценки появляется и еще один - уровень эволюционных преимуществ. Здесь речь и идет об отношении к сложности системы, которая вбирает в себя и практикует это эволюционное достижение. С этой точки зрения, данные достижения редуцируют сложность, чтобы на базе такого ограничения уметь организовывать более высокую сложность. Так, дорожная сеть редуцирует возможности движения, чтобы сделать возможными более легкие и более быстрые передвижения, тем самым, увеличивая шансы передвижения, применительно к которым теперь можно осуществлять конкретный выбор. Возрастание сложности осуществляется через ее редукцию: эволюционные достижения предполагают такой выбор редукций, при котором они оказываются совместимыми с более высокой сложностью, да и вообще зачастую только и делают ее возможной. Эта формула является настолько общей, что содержит в себе многочисленные возможности своего применения: скажем, более высокую сложность постигаемого системой внешнего мира или более высокую сложность самой системы и более высокую независимость (меньшую интеграцию) или большее разнообразие возможностей воздействия.¹⁶⁰ Однако возрастание сложности, прежде всего, означает возрастание комбинационных возможностей, причем, как правило - при связывании различных общественных функций. Это может способствовать стремительной стабилизации подобных достижений в том случае, если последние предстают в явной форме и оказываются полезными. В любом случае, под сложностью подразумевается ее исторически-относительный уровень. Так, дорожная сеть - вернемся к нашему примеру - предлагает больше сложности в той мере, в какой будут улучшаться и возможности движения, а дальнейшее транспортное сообщение будет интегрировано во всеобщую сеть общественной сложности. Здесь возникают стратегически-центральные эволюционные достижения, которые делают возможной высокую сложность в довольно многочисленных общественных сферах. Примеры: сельское хозяйство, письменность, печатный пресс, телекоммуникация.

115

Ни у какого эволюционного достижения, включая даже и возникновение сельского хозяйства, нет однозначных причин. Имели место совершенно различные исходные ситуации, развивавшиеся "эквивалентно" и благоприятствовавшие открытию данных форм. Это предполагает, что в эволюции наличествуют лишь ограниченные возможности реализовать преимущества сложности.¹⁶¹ Это, очевидно, вытекает из своеобразной комбинации отказа от сложности и ее обретения, связи между редукцией сложности и ее выстраиванием. Это придает эволюции определенное направление - в сторону возрастания сложности при том, что одновременно вполне могут выжить (т. е. не разрушаться, сталкиваясь с неразрешимыми проблемами) и общества, которым неизвестны те или иные эволюционные достижения.

Такое сложное понятие эволюционного достижения учитывает критику, которой подвергалась чисто функционалистская концепция эволюции. Речь уже идет не только о состоянии приспособленности, словно "оказывающей особое воздействие" на процесс постепенного обнаружения и утверждения все более удачных решений проблем. В отношении к функции ведь всегда заключено множество возможных решений. Соответственно, именно сложность окружающего мира в большей степени ограничивает то, какие из этих решений несут в себе большие преимущества, чем другие. И в рамках уже достигнутой сложности решается вопрос о том, какую форму принимают проблемы, для которых ищутся и взвешиваются альтернативные решения. В форме эволюционных достижений фиксируются подходящие структуры и по мере того, как реализуются зависимые от этого приращения сложности, данные достижения принимают необратимую форму. От них уже нельзя отказаться, не вызвав катастрофических последствий.

Эволюционные достижения возникают, следовательно, не потому, что они годятся для решения определенных проблем. Напротив, эти проблемы возникают вместе с достижениями. Лишь в том случае, если уже существуют магические практики, подыскивается то, к чему их можно применить. Лишь пос-

116

ле образования городских учреждений, для избавления от власти монарха приходится - как следствие - политизировать практику замещения власти и создавать для этого такие условия, которые позднее могут воспеваться как "демократия". Так что это понятие не включает в себе никаких представлений о каком бы то ни было поиске все более удачных решений проблем. Напротив, оно объясняет, что общественная эволюция может стоять на месте, довольствуясь лишь ограниченно-полезными или вообще бесполезными достижениями, если только она удовлетворяется возникшим уровнем притязаний или, как в случае с магией, выполняет функции, которые вообще не являются очевидными.¹⁶²

Целый ряд известных фактов может получить лучшее объяснение в этой перспективе, нежели в рамках телеологических (или - выстроенных по их образцу - функционалистских) теорий. Нет смысла оспаривать, что ведется целеориентированный поиск решений проблем. Но именно широкоформатные эволюционные достижения как раз и не возникают на основе их целесообразности.¹⁶³ Часто обнаруживается, что эволюционные достижения разворачиваются в ложных или побочных (ситуативных, открывающих меньшую сложность) перспективах.¹⁶⁴ На вышеупомянутом¹⁶⁵ примере мы показали возникновение китайской письменности из сложных образцов истолкования предсказательных практик. Или: деньги в виде чеканенной монеты, после того как они давно уже использовались в других формах (скажем, в виде денег-записей), получили свое развитие в контексте домашнего хозяйства - в семейных или дворцовых экономиках. При этом специальные метки на металле поначалу задумывались лишь как знак собственности, а вовсе не как официальная политическая или религиозная гарантия ценности. Но после того, как эти протомонеты стали обращаться и за пределами домашнего хозяйства, к которому они собственно также и принадлежали (поскольку помимо того, что они могли использоваться в домашнем хозяйстве, существовала еще и потребность в разменных деньгах), в течении нескольких десятилетий возникли другие формы чеканки,

117

взавшие на себя и другие функции, прежде всего - функцию гарантировать ценность. И здесь также поражает внезапность прорыва¹⁶⁶, который затем охватил все типы хозяйства и даже революционировал политические формы (переход к "тирании"). Другой пример - изобретение двустороннего договора, который предполагает знакомство с взаимностью отношений, однако заменяет институты обязательного отдаривания правовым институтом взаимного договора как основанием для возникновения обязательств, которые, в случае их невыполнения, могут быть обжалованы и должны выполняться даже по отношению к чужим

лицам. Договор оказывается пригодным для регулирования регионального дорожного права и делает возможным (в римском гражданском праве и затем, в свою очередь, в развитии европейского права XI-XII веков) обособление функции защиты права с помощью уголовного и гражданского права. При этом, вытекающий из договора иск поначалу подавался лишь в редких, строго типизированных случаях; это изобретение юридически зависело от подачи таких исков и начиная с позднего Средневековья получило быстрое распространение.

Часто также можно наблюдать, что подходящие формулировки - а тем самым и легитимации - появляются лишь после того, как соответствующие практики уже укоренились и стали вполне обычными. Внедрение инновации облегчается благодаря тому, что она поначалу вводится как безымянная. Так, о понятии "общественного мнения" начинают говорить лишь со второй половины восемнадцатого столетия, а его общеевропейское закрепление состоялось лишь после Французской революции. Однако само это нововведение потребовало применения печатного прессы для печатания политических памфлетов или же - как это было в Англии XVII века - для распространения петиций, направляемых в Парламент. Ведь уже благодаря этому становилось абсолютно явным не только сам факт обращения к адресату, но и исключение возможности тайного рассмотрения посланий.

Эволюционные достижения цементировали результаты эволюции. От них уже нельзя было отказаться. Приобретаются

118

новые возможности обращения со сложностью и на них переориентируются другие общественные учреждения. Ликвидация этих возможностей была бы сопряжена с широчайшими деструктивными эффектами и поэтому практически была исключена. Нововведения на этом уровне должны уметь занимать место функциональных эквивалентов и, как правило, это происходит не в форме полного замещения, а скорее в форме дополнения и специализации - так, например, наряду с деньгами в виде монет впоследствии появились и банкноты, чье место впоследствии заняли *государственно-обеспеченные* деньги и банковские счета.

Важные усовершенствования специфически-аранжирован-ной сложности в системах имеют своим источником необходимость ориентироваться на изменения во внешнем мире. В случае алфавита таковыми, по-видимому, явились усилия по совершенствованию мнемотехники в экономических целях, а потом и в целях запоминания устных текстов, возможно, под давлением конкуренции среди многочисленных певцов и поэтов, что положило начало записыванию всего культурного наследия. Это надо учитывать именно в том случае, когда специфические ограничения раскрывают возможности сложности, ведь в момент обновления никак невозможно предвидеть, что на этой основе можно будет предпринять, - так что должны наличествовать и какие-то *другие* причины, способные раскрыться позднее. Поэтому, как правило, в подобных случаях обнаруживается многофункциональная пригодность эмерджент-ных структур, хотя все эти функции и не обязательно реализовываются одновременно. ⁷ Эволюция получает выгоду от возможности последовательной реализации мультифункциональ-ности и от ее использования для функциональной спецификации. В более позднем контексте уже известной структуре достаточно всего лишь "кооптироваться". ¹⁶⁸

Уже в эволюции живых систем подобное перескакивание идентичных признаков от одной к другой связи приспособления является далеко не редким, скорее даже весьма распространенным процессом. То же самое относится и к общественной

119

эволюции. И здесь представляется прямо-таки совершенно нормальным случаем, когда на эмерджентный характер эволюционных достижений оказывает благоприятное влияние - а то и вообще, только и делает его возможным - предшествующее развитие, "preadaptive advances". ¹⁶⁹ Примерами здесь служат все

великие достижения *медиа коммуникаций*. Во многих конкретных деталях воспроизводится один и тот же процесс. Гильдии и цеха, столь важные для приспособления домашнего хозяйства к городской или даже к региональной политике первоначально возникали как религиозные братства и только позднее приняли на себя эту опосредующую функцию.¹⁷⁰ До тех пор, пока образование семьи осуществлялось в стратификационной-тской системе, семантика *любви как страсти* первоначально развивалась лишь для внебрачных отношений. Лишь возможность свободного выбора партнера - в Европе, правда, этому благоприятствовало уже более позднее представление о новом образовании семьи в каждом поколении, а также императив экономической независимости (= божественной избранности) и более зрелый возраст вступления в брак - смогло этому представлению о сексуальной природе любви придать окончательную функцию основы брака. Таким образом могла возникать более благоприятная упорядоченность сложности и лишь потом обнаруживалось то, для чего пригодна данная упорядоченность, если речь заходила об использовании более сложнос-тного функционального контекста. С помощью этой теории можно конкретизировать более слабую формулировку: "всякий раз тут и там эволюционное достижение вознаграждается значительным количественным ростом".¹⁷¹ Нераспознанному внедрению инноваций многократно способствует определенная интерпретация или даже изобретение традиции.¹⁷² Возможно, самым знаменитым примером здесь служит протестантская реформация. Другим - является критика и ликвидация феодальной юрисдикции во Франции под предлогом "злоупотребления" правом, составляющим королевский "суверенитет". Нововведение избавляется тем самым от необходимости своих легитимации и утверждения именно как нововведения. Оно выступа-

120

ет в облачении своего имманентного прошлого.

Так, эволюционные достижения могут апробироваться и внедряться сначала как бы без оглядок на их эффективность. И это соответствует тем эволюционным предпосылкам, что координация варьирования, селекции и стабилизации должна испытывать воздействие случайностного фактора. Если достаточно отчетливо представлять себе эмерджентный контекст эволюционных достижений, могут быть выявлены и прочие ее условия. К последним относится "закон ограниченных возможностей".¹⁷³ Лишь в том случае, если область полезных достижений может получить четкие ограничения, более подходящие решения возможно отличить от менее подходящих. Для теории это означает то, что развитие эволюционных достижений можно ожидать исключительно в контексте проблем, вытекающих из наличной структуры, а не просто на основании шансов лучшего взаимопонимания или одних лишь более совершенных редукций комплексности. Данные тем самым ограничения в известных объемах компенсируются возможностями "эквиви-нальных" развития.¹⁷⁴ Одно и то же достижение может развиваться на базе различных исходных ситуаций. Ибо, если решение проблемы бедно альтернативами или совместимо с различными ситуациями, т. е. применимо в качестве генерализированной установки, то уже не будут невероятными многократное обнаружение этого решения и его способность пережить разрушение несущей его системы.

Благодаря этому совмещению ограниченности возможных решений проблемы и эквивиальности эволюционные достижения приобретают способность диффузии в области эволюции общества. Они способны преодолеть контекст их возникновения и копироваться где-нибудь вовне. Этот феномен диффузии неправомерно противопоставляют теории эволюции. Диффузия предполагает эволюцию и относится лишь к эволюционным достижениям, которые затем, со своей стороны, правда, могут оказаться значимыми и для дифференциации эволюционных функций (здесь можно вспомнить о письменности). При этом нельзя не заметить, что эволюционные достижения

121

зачастую получают свою окончательную форму и выдающееся значение лишь

благодаря диффузии. В ходе последней они опробываются, оттачиваются и генерализируются. Так, в Греции важные политические представления о "homonoia" и демократии, очевидно, образовывались в процессе колонизации, т. е. в ходе копирования образцов городского устройства.¹⁷⁵ Еще более очевидным образом это положение дело раскрывается в ходе возникновения фонетического письма в процессе постоянного копирования на другие языки и приспособления к ним. Поэтому нисколько не исключено, что и открытие первоначальных форм, и чисто историческая литература, и, скажем, поиски первоначальных, автохтонных государственных образований - все это может оказаться малоинформативным, ведь эволюционные достижения получали свою форму лишь в процессе диффузии, в ходе которого эта форма ложилась в основу дальнейшей эволюции.

Необходимая предпосылка всего этого состоит в том, что система общества уже является достаточно сложностной, чтобы уметь предвидеть *прерывание взаимозависимостей* между различными решениями проблемы и тем самым делать возможными *смещения во времени*. Так, могут оказаться востребованными именно исторически-ситуативные условия, нужда в которых затем отпадает вместе с ними. В этом процессе эволюционные достижения выступают как некие относительные фиксаторы, которые утверждают себя относительно - считающихся постоянными - структурно-зависимых проблем.

Понятие *эволюционных достижений* еще ничего не говорит нам об относительном весе соответствующих институций. Ведь к ним относятся как сельское хозяйство, так и авторучка, освободившаяся от сопровождающей ее баночки с чернилами; изобретение гончарного круга и продление семейного сознания благодаря изобретению фигур дедушек, компьютер и чистилище для перекрытия временной дистанции до Страшного суда, печатный станок, но также (уже внедренная ранее) пагинация, сделавшая возможным предметный регистр и более легкий отсылочный аппарат в книгах. Руководствуясь лишь одним поня-

122

тием, нельзя получить полного обзора. Мы, однако, вольны поставить вопрос о том, существует ли нечто вроде "эпохальных" достижений и если да - что их характеризует.

Обращаясь к результатам предшествующей книги о *медиа коммуникации* и дополняя их выводами книги следующей, посвященной дифференциации общества, мы покажем, что действительно существуют структуры, изменение которых приводит к чрезвычайно значимым, "катастрофическим" воздействиям на сложностность системы общества. Речь идет о *медиа распространения коммуникации* (расширяемых за счет письменности, затем печатного станка, а теперь и средствами телекоммуникации и электронной переработки данных) и о *формах дифференциации системы* (сегментации, дифференциации на центр и периферию, стратификации и функциональной дифференциации). Из исследований этих достижений самих по себе еще не вытекает никакой структуры эпох мировой истории. Можно, правда, распознать необратимость в последовательности событий (изобретению письменности не может предшествовать изобретение печатного станка, невозможен и прямой переход от сегментарного к функционально-дифференциальному укладу), однако одни только различия еще не навязывают никакого определенного типа процесса. Могут совершенно свободно возникать такие эволюционные достижения, которые вызывают драматические изменения формы - как, например, в том случае, когда в общество, которому уже известны ранговые различия, вводится представление о единстве происхождения тех или иных семей и тем самым начинается процесс обособления аристократии вместе со всеми преимуществами централизованной взаимозависимости. Таким же способом могут потом возникать - если позволительна такая парадоксальная формулировка - прежде невозможные возможности, использование которых постепенно возводит общество на ступень более высокой сложностности.

Итак, если эволюционные достижения внедряются в такие фундаментальные структуры - будь это медиа распространения коммуникации, будь это структуры системной дифферен-

123

циации - и делают возможным переход от одной структуры к другой, то у

наблюдателя возникает впечатление наличия определенных общественных формаций, жестко отличающихся друг от друга. В очень большом приближении наблюдатель может впоследствии различать бесписьменные общества и культуры грамотности или же отличать отчетливо стратифицированные общества от современных обществ, основанных на оперативной замкнутости функциональных систем. Поскольку же существует две сферы таких различий, медиа коммуникации и формы дифференциации, то даже и в этом случае невозможно провести никаких однозначных разграничений эпох. Можно сказать, современное общество начинается в XV столетии вместе с переходом от позднесредневековых тотально заорганизованных крупных мастерских рукописной книги к изготовлению текстов с помощью печатного прессы. Или можно утверждать, что современное общество начинается в восемнадцатом веке вместе с наблюдением крушения стратификационистского порядка и новообразования операционно-замкнутых функциональных систем. Факты не дают здесь никаких однозначных критериев исторических эпох. Если мы хотим постичь, как современное общество само себя исторически отграничивает, его следует пронаблюдать на уровне второго порядка. Нужно будет описать, как оно само себя описывает.

ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛ. VIII:

¹⁵⁸ В литературе обнаруживается множество выражений с аналогичными значениями. Так, ориентируясь на терминологию в палеонтологии и биологии, Салинс и Сервис (См.: Sahlins / Service (1960), p. 25, 69.) говорят об "адаптивных достижениях" или о "доминантных типах". Парсонс ведет речь об "эволюционных универсалиях". Parsons T. Evolutional Universals in Society. In: American Sociological Review 29 (1964), p. 339 - 357). Также см.: Coleman J. S. Social Inventions, Social Forces 49 (1970), p. 163 - 173. В этой работе мы находим "социальные изобретения". Во всех этих аналогиях речь идет о преимуществах, основывающихся на ограничениях.

124

¹⁵⁹ Это и отличает эволюционные теории от теорий прогресса.

¹⁶⁰ Последняя двойная возможность, в ее отношении к внешнему миру, служит определением для понятия "доминантного типа". Huxly J. S. Evolution: The Modern Synthesis. 2nd ed. London 1963.

¹⁶¹ Этот взгляд восходит к пониманию Александра Голденвейзера. Goldenweiser A. A. The Principle of Limited Possibilities in the Government of Culture. In: Journal of American Folk-Lore 26 (1913), p. 259-290.

¹⁶² Об этом см. главу: The Survival of the Mediocre, in Hallpike a. a. O., p. 81.

¹⁶³ Даже простые технические изобретения требуют дальнейших усовершенствований. То, что коммерческий успех железной дороги был гарантирован лишь ее дальнейшим использованием для перевозок пассажиров, а коммерческий успех телефонной связи был обеспечен лишь в ходе его усовершенствования и превращения в средство взаимной коммуникации с возможностью говорить и слушать при помощи одного и того же аппарата, осознали лишь спустя некоторое время после реализации данных изобретений.

¹⁶⁴ Альфред Ромер иллюстрирует этот процесс (получивший название *принципа Ромера*) на примере протоптерусов - рыб, которые при изменении уровня воды пытались вернуться в воду, преодолевая отрезки суши, и постепенно приобрели свойства обитать на поверхности. Romer A. S. The Vertebrate Story. Chicago 1959, p. 93.

¹⁶⁵ Луман Н. Общество общества. Кн. 2: Медиа коммуникации. М. Логос, 2005, гл. 4.

¹⁶⁶ Heichelheim F. Die Ausbreitung der Munzengeldwirtschaft und der Wirtschaftsstil im archaischen Griechenland. In: Schmollers Jahrbuch 55 (1931), S. 229-254. Здесь говорится о "мгновенном" распространении монет, после того как свершился переход к чеканке разменных денег с гарантированной ценностью. Также см.: Hutter M. Communication in Economic Evolution: The Case of Money. In: England R.W. (Ed.). Evolutionary Concepts in Contemporary Economics. Ann Arbor 1994, p. 111-136.

¹⁶⁷ Cp.: Mayr E. The Emergence of Evolutionary Novelties. In: Sol Tax (Ed.) Evolution after Darwin. VI. I. Chicago 1960, p. 349 - 380.

¹⁶⁸ Эту формулировку см.: Could S. J. Darwinism and the Expansion of Evolutionary Theory. In: Science 216 (1982), p. 380-387.

¹⁶⁹ Эту формулировку см.: MacAdams R. The Evolution of Urban Society:

125

Early Mesopotamia and Prehispanic Mexico. London 1966, p. 41. О происхождении этого понятия см.: Сийпо L. L'Adaptation. Paris 1925.

¹⁷⁰ См.: Haldane J. B. S. The Causes of Evolution. New York 1932, p. 152.

¹⁷¹ Применительно к Китаю и сравнительно с Англией (ведь к ран-несредневековой Европе это в общем тоже относится) см.: Morse H. B. The Gilds of China: With an Account of the Gold Merchant of Co-Hong of Canton. London 1909.

¹⁷² См.: Hobsbawn E. / Ranger T. (Ed.) The Invention of Tradition. Cambridge 1983.

¹⁷³ Goldenweiser; Sorokin P. A. Social and Cultural Dynamics Bd. IV, New York 1941, p. 76. В биологической теории эволюции идут аналогичные дискуссии, посвященные вопросу о том, насколько широко уже утвердившийся фенотип ограничивает возможности дальнейших

вариаций (закон гомологической вариации).

¹⁷⁴ На более раннем биологическом фундаменте понятие *эквивинальности* ср.: Bertalanffy L. v. Zu einer allgemeiner Systemlehre. In: Biologia Generalis 19 (1949), S. 114-129. Его же: Problems of Life. New York 1960, p. 142. Та же самая мысль возникла уже у Эмиля Бутру: Boutroux E. De la contingence des lois de nature. 8 ed. Paris 1915, p. 13. Ashby W. R. The Effect of Experience on a Determinate Dynamic System. In: Behavioral Science I (1956), p. 35-42. Также и Т. Парсонс встраивает это понятие, нагруженное у него двояким -эволюционным и структурным - смыслом, в свое понятие эволюционных универсалий: "Под эволюционной универсалией я подразумеваю любое организационное развитие, достаточно важное для дальнейшей эволюции, - так что, возникнув хотя бы однажды, оно "оказывается востребованным" различными системами, оперирующими в различных условиях (1967, p. 491).

¹⁷⁵ Ср.: Meier Chr. Die Entstehung des Politischen bei den Griechen. Frankfurt 1980, S. 57.

См. Луман Н. Общество общества. Кн. 2. Медиа коммуникации. М. Логос, 2005.

126

IX. ТЕХНИКА

Если понятие эволюционных достижений жестко связывается с проверкой на прочность в условиях возрастающей сложност-ности, оно охватывает область, близкую к области фактов, как правило, обозначаемых с помощью понятия *техники*. Эволюционные достижения предполагают известное освобождение от предопределенных условий - "amour passion", например, высвобождается из сферы семейных интересов. То же самое относится и к технике. Можно даже зайти настолько далеко, чтобы постигать технику (*technology*, технизируемость) как форму умножения эволюционных достижений, как формирование того, в чем больше всего нуждаются. То, что романтическая любовь может таким образом сопоставляться с техникой, даже попадая вместе с ней на уровень, характеризующийся особыми - но общими для обеих - признаками, поначалу поражает, хотя различия между ними, конечно, не следует отрицать; ведь можно принять во внимание различия, возникающие благодаря дополнительным различениям, в особенности благодаря различению различных коммуникативных медиа.

Охарактеризовав технику как эволюционное достижение, мы отклоняем представления, утверждающие, что-де "мир", "общество", "цивилизация" сами приобрели свойства техники.¹⁷⁶ Это трудно себе представить, ведь подобный расклад означал бы, что ничто не может вырваться за пределы технических опосредования. Конечно же, не может быть оспорено, что развитие техники оказывает воздействие на то, что дается в опыте как мир, общество, цивилизация; но тотализирующие концепции не обнаруживают в этом отношении ни понятийного, ни эмпирического подтверждения. В качестве моста нам здесь служит понятие эволюционного достижения.

Сегодня уже просматривается согласие о том, что эволюция

127

технических достижений не может получить объяснения просто как результат применения науки.¹⁷⁷ С одной стороны, в игру вступают многие другие, прежде всего экономические факторы, а с другой - наука зачастую, и даже почти всегда, совершенно не в состоянии сказать, как могут решаться специфически технические проблемы. Часто имеет место прямо противоположный случай: предметные области научного исследования становятся таковыми именно благодаря развитию технологий (производство стали требует металлургии; компьютер - информатики). Это не означает недооценки роли научно разработанного знания. Вклад науки состоит в "уникальной комбинации возможностей и ограничений".¹⁷⁸ Он, кроме того, состоит в пре-дуготовлении предметной компетенции, которая заостряет взгляд на проблемы возможных альтернатив. Но не в этом скрыт рецепт развития технологии, здесь лишь выражена возможность усиления вероятностей.

То, что технические усовершенствования оказываются предпочтительными в общественной эволюции, видимо, связано, прежде всего, с тем, что они - хотя речь идет об объектах-артефактах - *облегчают консенсус*. То, что функционирует, то функционирует. То, что подтверждает себя на практике, то и подтверждается. Применительно к этому нет нужды достигать дальнейшего взаимопонимания.

Техника - если она сама координирует соответствующие процессы - делает излишним неизменно трудоемкую и чреватую конфликтами координацию человеческой деятельности. Что бы из себя ни представляли случайные причины технических изобретений: эволюция вмешивается и влечет структурное развитие общества в заданном таким образом направлении. То, что с этим может быть связан определенный риск, и то, что об этом риске можно выносить различные суждения, является поздним, - а кто-нибудь, пожалуй, скажет и слишком поздним - пониманием, нейтрализация же этого риска требует привлечения лишь дополнительной техники.¹⁷⁹ Благодаря техническим сцеплениям проблемы консенсуса расщепляются на проблемы целей и проблемы средств (или издержек). Соответственно, можно развивать реляциональ-

128

ные стратегии рационализации, т. е. проверять, стоит ли цель потраченных усилий. Вслед эволюции техники структурируется ориентирующаяся на нее рациональность, а рационализация как раз и является формой разрешения остающихся открытыми и как бы маргинальных проблем консенсуса.

Но что есть техника? Обзор истории этого понятия¹⁸⁰ показывает, прежде всего, то, что проблема (и тем самым - понятие) техники всегда определяется через противоположное понятие, на долю которого выпадает задача охватить сферу, от которой отдифференцируются технические процессы; и как всегда, в тех случаях, когда обозначения определяются противоположными понятиями, это указывает нам на присутствие некоторого наблюдателя, об интересах которого можно задаться вопросом. С особенной очевидностью это относится, например, к определению техники как замещению органов (как, вслед за Каппом¹⁸¹, утверждал Гелен). В прежнем, религиозном и космологическом, мировоззрении техника понималась как отличная от природы. Ведь в греческом понимании техника выражала признаки порчи естественного порядка, как он существует сам по себе, опоры на человеческое мастерство в противовес становлению -самой по себе и из самой себя - природы. Благодаря концепциям прогресса это понимание проблемы могло лишаться религиозной составляющей. Начиная с этой эпохи техника понимается как нечто "артефактное".¹⁸² В христианском мышлении понятие *природы* было преобразовано в противоположную по-нятийность. Природа понималась как отличная от божественной милости - при сохранении возможности мыслить Бога как единство этого различия. Тем самым высвобождалось понятие техники с возможностью развивать последнюю - теперь уже именно как имитацию закономерности природы, которую следует все глубже и глубже познавать.

Этому соответствует усиливающаяся с эпохи позднего средневековья переориентация с вопроса *что* на вопрос *как*, которая благодаря книгопечатанию, которое и само восхвалялось как техническое *достижение*, получила универсальное распространение. Прекрасный мир уже не представляется лишь пред-

129

метом религиозного восхищения, обремененным проблемами практической самоориентации. Формы явления этого мира вызвали вопрос о том, как они возникли, и о том, каким образом можно было бы и самостоятельно воспроизвести соответствующий генезис. В эпоху раннего Ренессанса эта переориентация концептуализировалась поначалу в интересах новообретения античного знания и античных умений. Но как только эти способы производства становились известными, на этой основе уже можно было варьировать цели и прилагать усилия ради производства новых, до сих пор невиданных феноменов. Наука Нового времени формулирует свое понимание природы, обращаясь к методам и эксперименту; однако и учение об искусстве управления исходит теперь из вопроса, как можно завоевать власть и удержаться на властных позициях. Близкая к техническим понятиям семантика со-ставления и пред-ставле-ния (Хайдеггер) благоприятствует гипотезе о внеположенном субъекте, который, находясь вне техники, использует достигнутые технические возможности, но сам при этом не функционирует по образу и подобию техноструктуры.

Так, в раннее Новое время техника понималась как применение знаний о природе в целях человека, и буквально - как действие, параллельное акту божественного творения, или же - как копирование архетипов, которые были предусмотрены этим актом. Это делало возможным требование обозначать под "технологией" соответствующую науку.¹⁸³ Лишь эта тесная связь природы и техники потребовала ставшего ныне обычным противопоставления техники и человечности. Для субъективистской философии, для романтики, для феноменологии Гуссерля и даже для Хабермаса это противопоставление еще имело решающее значение, и именно из него вытекает одна из версий интерпретации техники - как необходимого зла. Это предостережение гласит: человек-де не должен позволять технике определять его самопонимание; он-де должен поднять мятеж против вытекающей из нее зависимости - как против господства как такового; он-де должен спасти свою человечность и свое самоопределение, "эмансипироваться", высвободиться из обус-

130

ловленного техникой и господством состояния отчуждения. Еще и сегодня слышны самые разнообразные причитания о недостаточности контроля над техникой (причем примечательным образом остается незамеченным контроль со стороны рынка или же он воспринимается как незначительный)¹⁸⁴, но в основание этих жалоб, раздающихся как справа, так и слева, не заложено никакого ясного представления об этой проблеме. Ставшие с недавних пор обычными усилия по оценке последствий технического развития лишь сдвигают проблему в сферу будущего, не решая ее.

Да и уже ставшие классическими усилия гуманитарных и социальных наук в их исследовании "техники"¹⁸⁵ не могут освободиться от данных стереотипов.¹⁸⁶ Они исходят либо из понятия культуры, либо из понятия действия. И тем самым ограничивают феномен техники (или экстернализируют его) сферой вещеподобных субстратов. Сведение понятия *техники* к использованию энергии (и энергии в новом смысле *труда*¹⁸⁷) усилило присущий этому понятию потенциал разложимости, но не привнесло никакого изменения в ее понятийное противопоставление с требованиями гуманности. Ведь как раз современные технологии коммуникации покоятся на четком отделении технических сетей от информации и тем самым - от культурной семантики, которая коммуницируется с помощью этих сетей. Исследования "искусственного интеллекта" обращены к манипуляции "символами", но не к образованию смысла.

Между тем, множатся признаки, указывающие на то, что и это противопоставление техники и природы или техники и человечности (техника и разум, техника и "жизненный мир") уже исчерпало себя. Если сама естественная наука разложила (независимое от наблюдения) понятие природы, а в экологическом контексте техника и природа нераздельно смешиваются друг с другом непрогнозируемым образом, то уже нет смысла упорядочивать феномены сообразно различию техника/природа.¹⁸⁸ Техника вновь превращается в природу, во вторую природу, -ведь уже почти никто не способен понять, как она функционирует, а это понимание уже не может являться предпосылкой

131

повседневной коммуникации. Как (и почему?) организмы, произведенные на основе генных технологий, надо отличать от других? Лишь для того, чтобы суметь выступить против этого в коммуникации? К чудесам, предложенным в XIX веке Соединенными Штатами Америки, Генри Адаме относит "Ниагарский водопад, Йеллоустонские гейзеры и всю железнодорожную сеть".¹⁸⁹

Да и в других отношениях технические артефакты, с одной стороны, являют собой нечто особое, что отличает специфику современного общества, с другой стороны, однако, они представляют достижения, которые не могут быть объяснены исходя из них самих. Многочисленные детальные исследования технологического развития в XIX и XX столетиях показывают, что выявленные формы, окончательно утвердившие себя, никак не следуют - имманентной технике - логике ее совершенствования, а могут быть объяснены лишь ответами со

стороны социального поля окружения, лишь смыслом ее использования и ее полезностью. "° Вместе с тем это означает, что не техника -словно некая анонимная власть - господствует над обществом, но что само общество - способом, не поддающимся предварительному рациональному планированию - делает себя зависимым от техники как раз тем, что решается ее применить. Поскольку же жизнь и выживание человечества более чем очевидно зависят от техники (причем как в позитивном, так и негативном, деструктивном смысле), представляется неправдоподобной локализация собственно человеческого на другой стороне различия, определяющего понятие техники. К изменению в осознании этой проблемы подводят, прежде всего, чрезвычайно рискованные высокие технологии, а также и границы возможных прогнозов относительно псевдобезопасных технических процессов. Такие процессы требуют технологий обеспечения безопасности, которые лишь в ограниченном и недостаточном объеме могут реализоваться соответствующей маши-нерией. Следовательно, требуется более широкое определение понятие техники, которое не опирается исключительно на расчет и рациональность - признаки, свойственные ее более узко-

132

му пониманию. Это понятие в частности включает в себя формализацию самых общих действий, техники регулирования, кондициональные программирования, техники калькуляции и тому подобное. Именно ориентированная на деньги техника калькуляции делает непредсказуемым развитие хозяйства, причем - даже самое ближайшее его будущее. Исследование, нацеленное на достижение нового знания, становится непрогнозируемым в своих результатах именно тогда, когда оно стремится воплотить себя в виде техники. Отныне проблема, видимо, все больше сводится к вопросу о том, могут ли - и как? - при усиливающейся потребности в технике все еще и снова и снова гарантироваться ее типические признаки. Или же техника - как форма эволюционных достижений - наталкивается на непреодолимые границы?¹⁹⁰

В поисках понятия, которое бы подходило к этой ситуации и интересам, можно было бы поразмышлять над постижением техники как функционирующей симплификации. Речь при этом может идти о технике запуска каузальных связей или же о технике переработки информации. В каузальных техниках речь идет не о том, чтобы распознавать и в конечном счете научиться предвидеть следствия каким-то образом наступающих причин; причины сами должны быть лишены своего случайност-ного характера ("de-randomisiert"), т. е. воспроизводиться при практически любом состоянии мира.¹⁹¹ Применительно к технике переработки информации в предельном случае следует думать об исчислениях или, во всяком случае, о кондициональ-ных программах, которые являются настолько избыточными, что появление предвидимой информации позволяет познать, что должно будет произойти вслед за этим. Во всяком случае, речь идет о процессе эффективной изоляции; об исключении мира-прочего; о невнимании к бесспорным реалиям - будь это какие-то другие причины и следствия, будь это другие информации; речь, таким образом, ведется об ограничениях, не выводимых из реальности мира.¹⁹² Функционирование можно фиксировать тогда, когда вынесенный за скобки мир удастся отделить от [некоторой суммы] воздействий на желательный резуль-

133

? ссылка

тат. За это отвечает - определяющее форму "техники" - различие между подконтрольными и неподконтрольными ситуациями. В самой абстрактной формулировке речь здесь идет об удачной редукции сложности. Итак, происходить может все что угодно: техника же предоставляет нам желательные результаты. Мы, правда, знаем - и выше уже об этом говорили,¹⁹⁴ - что никакие редукции не могут уловить сложность саму по себе, никакие модели не способны ее репрезентировать. Даже если это и функционирует, непременно

следует считаться с тем, что нечто все-таки выпадет. "Удавшаяся" редукция в конечном счете, следовательно, оказывается безвредным игнорированием. Но и в таком *понятии* техники не может оспариваться, что ее *задействование* подчинено бесчисленным социальным и культурным условиям. Современная социология техники многократно это доказала.

Несколько иное, однако совместимое с вышеизложенным, описание техники использует различие жесткого и свободного сцепления, которое мы выше положили в основу понятия *медиума*. Сегодня (в отличие от более ранних представлений о "законах природы") уже стало очевидным, что стабильность организмов - как и экологических "равновесий" - требует избегания строгих сцеплений или, другими словами, запаса прочности для поглощения возмущающих воздействий.¹⁹⁵ В технике же, напротив, должно выполняться условие жесткого сцепления. Итак, мы наблюдаем то, как старая проблема отношения природы и техники получает новую формулировку, причем преимущество (и пожалуй, также мотив) этой новой редакции состоит в том, что она дает возможность прояснить проблему технической интервенции в природные системы (или связи систем). Если использовать несколько заостренную формулировку, приходит на ум, что умножение знания о природе может приводить лишь к умножению незнания о воздействиях таких технических интервенций; что также относится и к воздействиям современной медицины.

Если нацеливаться на жесткое (в отличие от свободного) сцепление, поначалу не играет большой роли то, на какой мате-

134

риальной базе функционирует техника, если она функционирует. Речь может идти о физических, химических, биологических, нейрофизиологических процессах, а также о процессах сознания - в той мере, в какой их механизм не предполагает непрерывного принятия промежуточных решений. Можно вспомнить здесь о связи печатного пресса и техники чтения, для которой характерно незаметно осуществляющееся и чрезвычайно стремительное взаимосцепление восприятия и мини-моторики движения глаза. Чтение как раз и является хорошим примером того, к каким заблуждениям ведут различия материя/дух или техника/человек. Проблема же состоит в том, как в автоматизированный процесс могут снова вводиться альтернативы и тем самым необходимости принимать решения: как, к примеру, можно заставить читающего заметить, что он вообще ничего не понимает из того, что читает. Техника, задуманная и реализованная как в наибольшей степени защищенная от возмущающих воздействий, именно в этом и выказывает свою проблему - проблему того, как могут возникать новые возмущения, способные привлечь внимание к проблемам, важным в контексте функционирования техники. И всегда, когда в технизированные процессы встраиваются необходимости принятия решений, жесткие сцепления прерываются свободными сцеплениями.

Итак, техника делает возможным (всегда с оговоркой, что она при этом функционирует) сцепление абсолютно гетерогенных элементов. Сигнал, вызываемый физическими причинами, может вызвать и коммуникацию. Коммуникация может спровоцировать мозг на включение света. И все это происходит (почти) гарантированно повторяющимся образом. Следовательно, воздействие техники ортогонально операционной замкнутости аутопойетических систем. Это может объяснить, что общественная эволюция снова и снова обращается к технике, чтобы гарантировать сцепления между системой общества и ее внешним миром, к которому соответственно могут примыкать внутренние процессы переработки информации и социальная технизация. Здесь нет никакого противоречия с теоремами теории аутопойетических систем, ведь техника может наблюдать-

135

ся и конструироваться лишь в тех случаях, если некоторая система определяет, какие из бесчисленных элементов должны быть сцеплены.¹⁹⁶ Техника, в связи с этим, является хорошей иллюстрацией нашего исходного тезиса о том, что

операционная замкнутость ни в коем случае не означает причинного обособления [замкнутых операций], но, скорее всего, предоставляет возможность - благодаря возможности распоряжаться собственными элементами - внутрисистемной реализации сцеплений с внешним миром. И здесь, вместе с тем, кроется и возможность управлять собственной восприимчивостью к внешнемировым источникам возмущающих воздействий - с тем риском, что важное останется незамеченным.

В отличие от традиционного - ориентированного на навыки, деятельность, решения - понятия техники, наше понятие техники не столь сильно упирает на приобретение новых возможностей, а концепция технической рациональности вовсе не сводится к выбору между альтернативами; речь, напротив, идет об изоляции такой области выбора. Мир - это не только альтернативы, которые можно принимать и отклонять. Мир - это, прежде всего, дикое пространство того, что происходит одновременно и уже поэтому совершенно неконтролируемо, а именно - другие одновременно актуализирующиеся реальные причины и следствия, другие источники информации. Одновременность - есть хаос. И потому упорядочение этого хаоса непременно требует введения временных и пространственных дистанций.¹⁹⁷ И еще до образования технических форм, которые могут интегрироваться в этот сконструированный в пространственно-временном измерении (преобразованный из хаоса) мир, важно выстроить системы, которые дистанцируются от всех остальных реальностей, которые они могут перерабатывать как внешний мир.

Это понятие техники на первый взгляд представляется слишком широким. К примеру, и страстная любовь легко может постигаться как функционирующее (но тогда как раз подвергающееся опасности хаоса) упрощение. На подобную тематизацию любви постоянно указывают, достаточно вспомнить о теме Дон-

136

Жуана. Нужно лишь очистить это понятие техники от всякой противоречащей ему гуманистической понятности, поскольку такое изменение понятия как раз и предлагает возможность выявить новые связи.¹⁹⁸ С формой техники связаны самые разные преимущества. Сюда относятся: расширение сферы возможных опций; возможность сравнения и повторения одного и того же в различных ситуациях. С нею связаны: способность накапливать опыт, учиться и совершенствоваться, т. е. возможность приводить первоначальное открытие к форме, не допускающей дальнейшего усовершенствования; далее, идентификация ошибок - будь это ошибки замысла или ошибки операций. С техникой, кроме того, связаны: ограниченность ввода (Input) самым необходимым, т. е. способность планировать и рационализировать распределение ресурсов, и наконец, прежде всего: известная степень внутрисистемного контроля над внешними - прозрачными для системы - отношениями путем преобразования риска отдифференциации в риск техники. Итак, генерализации и спецификации именно благодаря технизациям комбинируются специфическим образом, а именно, путем использования генерализаций в самых разных ситуациях и зачастую - в чрезвычайно различных целевых связях при высокой точности спецификации условий функционирования, возможностей ремонта, необходимой замены деталей. Широта развития той или иной техники - вспомним хотя бы о компьютерах или лазерной технике - может потом определяться как генерализацией, так и диверсификацией, наличными спецификациями и гарантиями функционирования.

Мы не будем утверждать, что техника эволюционирует. Развитие той или иной техники ориентировано на мнимые усовершенствования и оказывается гораздо более стремительным, чем это типично для эволюции. Вспомним хотя бы о современном использовании организмов, изменяемых генной техникой. Эволюция в строгом смысле возникает лишь тогда, когда технические достижения вплетаются в естественный или общественный внешний мир и при этом невозможно предсказать, что случится в дальнейшем.

137

Значение техники для общественной эволюции может возводиться к

специфическому отношению избыточности и вариативности, которое, в свою очередь, оказывает воздействие на общественную коммуникацию.¹⁹⁹ Создаются артефактные избыточности (это функционирует или не функционирует) с примыкающей к ней вариативностью. Становятся возможны новые цели, новые ценности, новые калькуляции, новые ошибки. Постепенно коммуникация все больше соотнобразуется с этим специфическим типом усиления избыточности и вариативности и вдохновляется соответствующими успехами. Однако суждения о рациональности остаются связанными с данной формой роста и не могут на основе таких частичных данных экстраполироваться на общеобщественную рациональность. Это снова и снова провоцирует критику техники, но эта критика, однако, в свою очередь, оказывается беспомощной, если общество имеет веские (к примеру, военные или экономические) основания для того, чтобы останавливать свой выбор на исследованиях соответствующих технических возможностей.

На протяжении обоих последних столетий развитие техники получило колоссальное ускорение, основной вехой которого стало использование компьютеров. Концепции машин девятнадцатого столетия были ориентированы на экономию энергии и получение выигрыша во времени. В основе их лежала расширенная схема действия. Она покоилась на представлении о человеческом теле как источнике работы и на возможности ускорить транспортировку вещей и тел. Во второй половине XIX столетия это привело к развитию крупной промышленности, основанной на машиностроении. Компьютер, как ставший ясным лишь в самое последнее время, радикально изменил эту концепцию. Технику тел и вещей он смещает в сферу знаков, смысл которых состоит в обеспечении доступности других знаков.²⁰⁰ Проблема времени лежит уже не в необходимости транспортировки тел и вещей, но в потребности последовательного распределения приказов, требующихся для того, чтобы заставить работать в компьютере невидимую машину и сделать видимыми результаты этой работы. Соответственно, на уровне универ-

сального объединения машин также реализуется одновременность, которая, однако, благодаря запросам пользователей разлагается на места и мгновения. Однозначность машинных переключений (Schaltvorgänge) обратно трансформируется в многозначность (смыслообразность) их применения. Тем самым старые проблемы экономии энергии и получения выигрыша во времени еще не теряют всего своего значения, но уже не играют решающую роль ни в дальнейшем развитии техники, ни в ее воздействии на общество.

Как в зависимости, так и вне всякой зависимости от компьютеров проявляются тенденции использования - достигаемых благодаря технике - упрощений в выстраивании высоко сложных технических систем, которые хотя и являются сконструированными, однако в случае сбоя демонстрируют трудные для разрешения проблемы их анализа и интерпретации. Поскольку техника функционирует непрерывно, следствия того или иного сбоя проявляются зачастую в совершенно иных местах и могут умножаться лавинообразно. В этом случае, контроль технических процессов не может ограничиваться исправлением брака; поэтому-то и становится все тяжелее организовать этот контроль в форме иерархического надзора.²⁰¹ Для предотвращения вреда, требуется больше интеллекта - в особенности, такого, который может быть быстро задействован в случае неожиданных инцидентов. Эти проблемы не решаются ни созданием сложных систем правил, ни запросами с более высоких позиций. В системы должны изначально закладываться возможности выдерживать ошибки или, если речь идет об опасностях, встраиваться избыточные предохранительные средства.

Такое универсальное распространение и конкретные проявления техники лучше всего объясняют столь расхожие ныне речи об "инновациях".²⁰² Наблюдение функционирующей техники является важным источником идей о том, что и как можно было бы сделать по-другому. Это объясняет, к примеру, очень часто констатируемое воздействие практиков и пользователей на техническое развитие. Даже организации, если

речь заходит об инновациях, рассматриваются как функционирующие технологии. Консолидированное прошлое присутствует в виде просматривающейся современности и побуждает к размышлениям о том, какой ход изменений позволял бы достичь лучших результатов. Благодаря понятию инновации эта возможность трансформируется в более высокие общеобщественные запросы. При этом, с ретроспективной точки зрения, наличные процессы рассматриваются как реализованные технологии, которые еще выказывают известные дефекты или возможности их усовершенствования. Если отвлечься от технологических воплощений, понятие инновации теряет свою опору и принимает форму идеологии, подразумевающей преимущество Нового перед Старым.

Между тем общество привыкло к технике. Что еще не означает, как часто приходится читать ²⁰³, что общество само превратилось в своего рода тавтологию. Этот тезис может быть легко опровергнут эмпирически и противоречит всякому повседневному опыту. Возрастает лишь зависимость от функционирующей техники, вследствие чего ее полный отказ (в особенности, в энергоснабжении) мог бы привести к полному разрушению знакомого нам общества. Развитие техники, другими словами, образует бесчисленные *неестественные самопонятности*. Мы принимаем за должное, что вода потечет, как только мы откроем кран. Отсюда, в свою очередь, возникают своеобразные зависимости. "Чем больше опций мы себе открываем, тем в меньшей степени институциональная (здесь нужно добавить: техническая) основа, посредством которой мы их реализуем, может сама открываться в качестве опции". ²⁰⁴ Более точно этот факт можно было бы описать с помощью понятия *структурного сцепления*. Это значит, что во всех протекающих в современности операциях общественная коммуникация должна предполагать наличие техники и может на нее полагаться, - ведь в горизонтах тех проблем, с которыми сталкиваются операции, уже нельзя распоряжаться другими возможностями. И в этом случае потребность во времени, необходимом для замещения техники явлениями регрессивного развития, оказалась бы не-

померной, причем фактические последствия в этом случае явились бы настолько серьезными и неизмеримыми в их конкретной оценке, что переход общества на другие рельсы здесь практически исключается.

Эта зависимость от техники имеет своим следствием и то, что структурное сцепление физического мира и общества уже не может охватываться в понятии природы, допускавшим существование фундированной в природе *analogia entis*. В этой связи место понятия природы замещают парные понятия энергия/работа, энергия/экономия. Техника потребляет энергию и совершает работу, таким образом связывая физические реалии с обществом. Как всегда, также и это структурное сцепление служит для канализации возбуждающих воздействий. Техника сама определяет и изменяет границы преобразования энергии в работу. Растет и риск, на который при этом приходится идти, так что будущее зависит от техник, которыми сегодня пока еще невозможно распоряжаться.

Едва ли можно переоценить социальные следствия этой -вызванной техникой и укрепленной через организованное принятие решений - переориентации на риск. Эволюционные достижения техники вводятся в общество, которое не подготовлено к ним ни структурно, ни семантически. Во всех обществах, правда, будущее еще не определено в той или иной современности. В более ранних обществах эта неопределенность все-таки еще могла усваиваться в современности как опасность угрожающая извне. Это вело к наделению социальной солидарности позитивным значением. ²⁰⁵ Если же, напротив, речь идет о риске, ²⁰⁶ который общество обуздывает принятием решений, считающихся рациональными, ибо они являются необходимыми для того, чтобы можно было воспользоваться открывающимися возможностями или избежать худшего, - то такой риск предполагает прямо противоположные следствия. Ведь в этом случае возникают конфликты между принимающими решение и теми, кого они касаются, между

исчисленными - прежде всего, в организациях - калькуляциями риска и теми, кто исключен из этого процесса, кого задевают те или иные его следствия.

141

Ведь то, что для принимающего решения является риском, для тех кого, это затрагивает, оказывается извне исходящей опасностью, которая, однако, в самом обществе, и именно в этом решении, и имеет свой источник происхождения и ему приписывается.

До тех пор, пока есть потребность в солидарности, ориентиром служат абсолютные критерии, социальная обусловленность которых не тематизируется. Эти критерии наполнены религиозным, моральным или родовым (этническим) содержаниями. Однако их воздействие выражается в социальной дискриминации, но такой, которая придает значение различению конформного и отклоняющегося, причем последнее может требовать исключения и изгнания "неверующих": варваров, язычников, "saraceni" или позднее также - "неразумных". По отношению к ним не следует ни выражать солидарность, ни следовать сообразно моральным обязательствам. Переориентация на перспективы риска радикально изменяет эту форму дискриминации. Теперь расходящиеся перспективы сосредоточены внутри общества. Ориентируясь на будущее, они раскалывают общество на те или иные позиции, попеременно заменяемые теми, кто решения принимает, и теми, кого они затрагивают. И то, что для одних является рациональным, для других является убедительной причиной протестовать и сопротивляться. И сегодня существуют заново образующиеся солидарности, но они все больше принимают черты фундаментализма. Они возникают через осознание собственной религиозной или этнической ина-ковости; но и это имеет место в рамках мирового общества, от которого они попадают в зависимость во всем, что касается коммуникации, обеспечения ресурсами и, кстати, техники. Кроме того, технические осетевления в массовом производстве, транспорт и обеспечение энергией и информацией подрывают традиционные, региональные границы общества. Наряду и в связи с функциональной дифференциацией, разлагающей пространственные границы, также и техническое развитие относится к важнейшим условиям неизбежного образования "global system" в форме мирового общества.²⁰⁷ В нашем контексте это

142

означает, что в ходе преодоления технических проблем все в меньшей степени можно рассчитывать на этническую, национальную солидарность или общие интересы. С политической точки зрения, возникают абсолютно новые потенциалы угроз и санкций, состоящие в том, что регионы лишаются преимуществ технического обеспечения ресурсами и наоборот: отказываются содействовать экологически контролируемому или менее рискованному техническому развитию.

В сочувствующих описаниях говорится о плюрализме или постмодерном разнообразии дискурса. Но таким образом в них тематизируется лишь социальное измерение. И все-таки не следует упускать из виду, что корни этой проблемы лежат во временном измерении и, особенно, в различных формах освоения современностью неопределенностей будущего. Техника делает возможными и требует решений, в которых рассчитывается неопределенное будущее, но не следует ожидать, что ради этого могла бы возникнуть солидарность или хотя бы общие ценностные установки.

В эволюционно-теоретическом контексте этому пониманию техники соответствует отказ от концепции адаптации. Техника вовсе не способствует никакому все более совершенному приспособлению общества к ее внешнему миру самому по себе. Благодаря умножению возможных опций она служит развертыванию собственной динамики общественной системы. Поэтому это понятие остается полностью открытым в отношении вопроса о том, как дело пойдет дальше. Уже можно распознать предостерегающие предзнаменования в области рискованных высших технологий. Тем более остается под вопросом то, можно ли будет и дальше снова и снова находить техники, которые - ввиду абсолютной энергетической зависимости всякой техники - смогут гарантировать достаточное обеспечение энергией.²⁰⁸ Нельзя исключить, что в ходе ее дальнейшей

эволюции техника вступит в состояние хаоса.

Поэтому понятия *техники*, своей другой стороной указывающие на природу, дух или на человека, уже ни к чему не приводят. Единственно интересный вопрос, напротив, состоит в том,

143

являются ли достижения техники необратимыми по своей логике эволюции и может ли каждый ее отказ компенсироваться лишь благодаря новым техникам; а также в том, следует ли постигать технику как запас возможностей, к которому при надобности всякий раз можно снова обратиться. В нынешних экономических условиях многое говорит в пользу необратимости - при наличии дефицита ресурсов и необозримо высоких издержках регрессивного развития (в сравнении с лучше калькулируемыми шансами и издержками нового развития). Но это все экономические аргументы, о которых сегодня никто не может сказать, сохраняют ли они свое значение в будущей эволюции общественной системы или будут отвергнуты в силу необходимости, если иссякнет обеспечивающая технику энергия.²⁰⁹

В эпоху паровых машин проблемой являлся не пар, а машина. Эта ситуация, видимо, меняется, ведь условия механического функционирования техники, а вместе с ними - и производство энергии, становятся все более проблематичными. Требуемая теперь космология уже просматривалась в законе о возрастании энтропии. Применительно к теории общества и к ее понятию эволюции проблемой является воспроизводство невероятных структур.

ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛ. IX:

¹⁷⁶ См. Berger W. Am Punkt der Vollendung: Technikphilosophie nach Martin Heidegger und Gotthard Guenter. In: Kotzmann E. (Hrsg.), Guenther G. Technik, Logik, Technologic. Munchen 1994, S. 33-54; Jonas H. Das Prinzip Verantwortung: Versuch einer Ethik fur die technologische Zivilisation. Frankfurt 1979. Ханс Йонас говорит о "технологической цивилизации" и все-таки усматривает в обозначенном таким образом обществе свободное пространство для этически мотивированного контрдвижения.

¹⁷⁷ Ср.: Bijker W. E.I Hughes T. P./ Pinch T. J. (Ed.) The Social Construction of Technological Systems: New Directions in the Sociology and History of Technology, Cambridge Mass. 1987. О связях на уровне организации (и личности) см.: Etzkowitz H. Academic-

144

Industrial Relations: A Sociological Paradigm for Economic Development. In: Leydesdorff / Peter van den Besselaar (Ed.) Evolutionary Economics and Chaos Theory: New Directions in Technology Studies. London 1994, p. 139-51.

¹⁷⁸ Rosenberg N. Perspectives on Technology. Cambridge Engl. 1975, p. 5.

¹⁷⁹ См.: Wagner G. Vertrauen in Technik. In: Zeitschrift fur Soziologie 23 (1994), S. 145-157.

¹⁸⁰ Такой обзор см.: Rapp F. Analytische Technikphilosophie, Freiburg 1978, S. 30.

¹⁸¹ Kapp E. Grundlinien einer Philosophie der Technik (1877). Dusseldorf 1978.

¹⁸² Это в особенности относится к нововременной традиции (но не только к ней) - и соответственно, избавляет нас от дальнейших поисков теоретически разрабатываемой понятийности. "В центре (современной литературы о технике-ЯЯ.) оказывается ... понятие артефактов, которые (какое? - Н.Л.) как орудие труда, машина или автомат являются средствами достижения не-технических целей" - читаем у Вольфганга Крона. Krohn W. Die Verschiedenheit der Technik und die Einheit der Techniksoziologie. In: Weingart P. (Hrsg.) Technik als soziales Prozess. Frankfurt 1989, S. 15-43.

¹⁸³ Ср.: Seibicke W. Technik: Versuch einer Geschichte der Wortfamilie um *Techne* in Deutschland vom 16. Jahrhundert bis etwa 1830. Dusseldorf 1968, S. 99. Современное употребление слова *технология* пришло из английского языка и более не имеет ничего общего с указанной традицией. Поэтому стерлись и ясные понятийные контуры понятия *технология*. Но, быть может, "технология" здесь указывает на применение техники к приобретению и расходованию энергии.

¹⁸⁴ См.: Mai M. Technikblindheit des Rechts - Technikignoranz der Juristen? In: Zeitschrift fur Rechtssoziologie 13, (1992), S. 257-270.

¹⁸⁵ См.: Freyer H. Theorie der gegenwartigen Zeitalters. Stuttgart 1955. Ero же: Gedanken zur Industriegesellschaft. Mainz 1970. Junger F. G. Die Perfektion der Technik. Frankfurt 1953. Gehlen A. Die Seele im technischen Zeitalter. Hamburg 1957. Schelski H. Der Mensch in der wissenschaftlichen Zivilisation. Koln-Opladen 1961. Heidegger M. Die Technik und die Kehre. Pfullingen 1962.

¹⁸⁶ Общий обзор см.: Joerges B. Soziologie und die Maschinerie -

145

Vorschlaege zu einer "realistischen" Techniksoziologie. In: Weingart P. (Hrsg.), Technik als sozialer Prozess. Frankfurt 1989. S. 44-89.

¹⁸⁷ См.: Breger H. Die Natur als arbeitende Maschine: Zur Entstehung der Energiebegriffs in der Physik 1840-1850. Frankfurt 1982. В дополнение должно быть учтено и отношение энергии и экономики, которые, кстати, имели основополагающее значение для фрейдской теории

психической энергии.

¹⁹⁸ Разумеется, не может быть оспорено, что это различие, как и прежде, имеет смысл в сфере повседневности. Крестьянин, который захотел бы посадить на своих полях картофель в мундире, совершил бы категориальную ошибку.

¹⁸⁹ The Education of Henry Adams: An Autobiography. Boston 1918, p. 339.

¹⁹⁰ См.: GrasA. Grandeur et Dependence: Sociologie des macro-systemes technique. Paris 1993.

¹⁹¹ Один из способов тематизации этой постановки вопроса принимает сегодня предостерегающее название "хаоса". Согласно этому, технические процессы или также математические вычисления зависят от неэлиминируемых неопределенностей, которые в долгосрочной перспективе порождают отклонения от желательного развития.

¹⁹² Очевидно и то, как сильно техническое развитие зависит от развития рынка, т. е. от внешнего мира, в котором все нужное, может быть куплено и, тем самым, стать доступным (даже при отсутствии на складе).

¹⁹³ Ср.: Luhmann N. Technology, Environment and Social Risk: a Systems Perspective. In: Industrial Crisis Quarterly 4 (1990), p. 223 - 231.

¹⁹⁴ См.: Луман Н. Общество общества. Кн. 1: Общество как социальная система. [М. Логос, 2005,] гл. 9.

¹⁹⁵ См.: Glassman R. B. Persistence and Loose Coupling in Living Systems. In: Behavioral Science 18 (1973), p. 83-98. То же самое относится и к социальным системам и даже к организациям. Ср.: Weick K. E. Der Prozess des Organisierens. Frankfurt 1985. Его же: Management of Organizational Change Among Loosely Coupled Elements. In: Goodman P. S. et al. (Ed.) Change in Organizations: New Perspectives on Theory, Research, and Practice. San Francisco 1982. p. 375-408. Ранняя кибернетика (Эшби) говорила в этом случае об ультрастабильности.

146

¹⁹⁶ См. также и противоположные теоретико-сетевые и социально-конструктивистские начала: Law J. Technology and Heterogeneous Engineering: The Case of Portuguese Expansion. In: Bijker et al., p. 111-134: "'Природа' раскрывает свою устойчивость (obduracy) способом, существенным только для определенной сети, если она регистрируется теми, кто выстроил эту систему".

¹⁹⁷ В смысле пространственно-временного дистанцирования - понятия, охотно используемого Гидденсом, правда, лишь для лишь для характеристики современности. Giddens A. The Consequences of Modernity. Stanford Cal. 1990, p. 14, 17.

¹⁹⁸ Напомним еще раз: вытекающие аналогии можно, конечно же, вновь разложить, используя дополнительные различия (в данном случае - средства коммуникации).

¹⁹⁹ То, что это не является необходимостью, мы должны признать, если сравним богатство идей греческих интеллектуалов, математиков и философов и меру их - чрезвычайно селективной - реализации (в архитектуре, строительстве театров и Евпалиносского туннеля, военных машин, формы расчета которых до конца не известны и поныне).

²⁰⁰ Как правило, говорят не о знаках, а о символах. Но в сущности, если сохранять их традиционное значение, не годится ни то, ни другое понятие.

²⁰¹ "Непогрешимый контроль - читаем мы у Карла Бейка - требует больше наблюдений, чем обычно предоставляют новые технологии". Weick K. E. Technology as Equivocal: Sensemaking in New Technologies and Organizations. In: Goodman P. S. / Sproul L. S. San Francisco 1990, p. 1-44.

²⁰² Некоторые исследователи используют, к примеру, понятия *инновации* и *технологических изменений* как тождественные по своему смыслу. Clark N. / Juma C. Long-Run Economics: An Evolutionary Approach to Economic Growth. New York 1987.

²⁰³ О таком ключевом представлении как "технологическая цивилизация" см., например: Klagenfurt K. Technologische Zivilisation und transklassische Logik: Eine Einführung in die Technikphilosophie Gotthard Gunthers. Frankfurt 1995; Kotzmann E. (Hrsg.) Ginter G. Technik, Logik, Technologie. München 1994, S. 33.

²⁰⁴ См.: Offe. C. Die Utopie der Null-Option: Modernität und Modernisierung als politische Güterkriterien. In: Berger J. (Hrsg.)

147

Die Moderne - Kontinuität und Zäsuren. Sonderband 4 der Sozialen Welt. Göttingen 1986, S. 97-117.

²⁰⁵ Хотя это явление не обозначалось данным понятием, вошедшим в моду лишь в XIX столетии. Об этом см.: Orsi G. et al. (Hrsg.) Solidarität. In: Rechtsphilosophische Hefte IV. Frankfurt 1995. В рамках староевропейской семантики скорее утверждали бы *ophilia/ amicitia*.

²⁰⁶ Более подробно о различии опасность/риск см.: Luhmann N. Risiko und Gefahr. In: Luhmann N. Soziologische Aufklärung Bd. 5. Opladen 1990. S. 131-169. Его же: Soziologie des Risikos. Berlin 1991, S. 9. Также ср.: Japp K. P. Soziologische Risikotheorie: Funktionale Differenzierung, Politisierung und Reflexion. Weinheim 1996, S. 61.

²⁰⁷ Ср. (еще в смысле больших региональных комплексов): Thompson J. D. Technology, Polity, and Societal Development. In: Administrative Science Quarterly 19 (1974), p. 6-21.

²⁰⁸ Этот вопрос обсуждался уже в XIX столетии. См.: Stanley Jevons W. The Coal Question: An Inquiry Concerning the Progress of the Nation, and the Probable Exhaustion of our Coal-mines (1865), New York 1965, p. 158.

²⁰⁹ Предпосылки и границы анализа хозяйства выявляются в работе: Gordon R. L. An Economic Analysis of World Energy Problems. Cambridge Mass. 1981.

Х. ЭВОЛЮЦИЯ ИДЕЙ

До сих пор мы вели речь об общественной эволюции в единственном числе, не принимая во внимание тот факт, что в более ранние эпохи существовало множество обществ, которые эволюционировали параллельно, наподобие видов и популяций и как бы являя собой *variety pool* для общественной эволюции. От эволюции обществ нужно отличать вопрос о том, могут ли в рамках системы общества иметь место и другие эволюции, т. е. какие-то иные случаи реализации незапланированных структурных изменений, свершающихся вследствие дифференции варьирования, селекции и рестабилизации. Если такие эволюции могут иметь место, следовало бы - ведь в обществе они не могли бы сохранять независимость от последнего - признать наличие ко-эволюции и настроить теорию общеобщественной эволюции на вытекающее из этого усложнение.²¹⁰

Различение средств распространения коммуникации и форм дифференциаций систем требует расщепить этот вопрос на два различных подвопроса. Темой этой главы является рассмотрение того, стимулирует ли обособление письменной коммуникации самостоятельную эволюцию письменно фиксированной, транслируемой в традиции и именно благодаря этому варьирующейся семантики.²¹¹ Эту эволюцию мы будем обозначать как "эволюцию идей".²¹² В следующей же главе мы исследуем вопрос о том, может ли иметь место самостоятельная эволюция и на уровне общественных подсистем. Применительно к обоим этим вопросам современный уровень знаний представляется более чем скудным.

Отщепление особой эволюции идей восходит, в конечном счете, - безотносительно к конкретным историческим условиям ее возможности - к различию между операцией и наблюдением. Поскольку все наблюдения способны осуществляться

149

исключительно в форме фактических операций (в нашем случае - коммуникаций), на этом уровне происходит замыкание операций системы общества с возможностью образования эволюционно-дивергентных структур. Последние приводятся в движение благодаря дальнейшему операционному замыканию в рамках операционно-закрытой системы общества. Более подробно мы рассмотрим это уже с точки зрения дифференциации систем в следующей книге ["Дифференциации"]. Коммуникация, со своей стороны, возможна лишь как наблюдающая операция. Она зависит от того, понят ли смысл дифференции сообщения и информации и тем самым - подготавливается ли дальнейшая коммуникация. Наблюдения здесь являют собой *абсолютно реальные* события, т. е. операции. Они могут реализоваться лишь в операционно-закрытых системах - как способные к подсоединению. В каком-то ином виде они вообще не могут иметь места. Значение их реальности состоит поэтому не в реальности наблюдаемых объектов (как того требовала всякая, ориентированная на познание традиция), которые допускают истинное или ложное, адекватное или неадекватное наблюдение и описание. Эта реальность, напротив, заключена *исключительно в реальности самих операций наблюдения*, т. е. в тестирование сопротивления, которое локализовано не в некотором предметном окружающем мире, *но исключительно в рекурсивном осетевлении самих операций системы*. Можно было бы даже сказать - в успешной отработке ирритации, которые как таковые еще не содержат в себе никакой информации о внешнем мире.

Подобно наблюдениям, являющимся операциями особого типа и в этом обнаруживающим свою реальность, так же и семантики представляют собой структуры особого типа. Поэтому вслед за различением между операцией и наблюдением, должно различать и соответствующие структуры: структуры системного дифференцирования и семантические структуры, которые идентифицируют, фиксируют, воскрешают в памяти или предают забвению достойный сохранения смысл. В качестве наблюдений операции, конденсирующие и подтверждающие се-

150

мантики, слепы к своему собственному оперированию. Ведь они не способны наблюдать самих себя, не попадая в ловушку парадокса единства дифферентного.²¹³ С другой стороны, тот факт, что операции порождают дифференции, может наблюдаться и описываться некоторым наблюдателем; и то же самое относится к тем дифференциям, которые были порождены другими операциями наблюдения.²¹⁴ Отношение операции и наблюдения является, следовательно, удвоенно-циркулярным, причем оба эти круга остаются разделенными благодаря латенциям. С одной стороны, наблюдения являются операциями, которые воспроизводятся аутопойетически оперирующими системами, однако не способны наблюдать себя самих. И с другой стороны, *все* операции могут наблюдаться направленными на них наблюдениями, ведь в противном случае мы бы о них ничего не знали.

Этот удвоенный круг оказывает воздействие на морфогенез, эволюционное выстраивание, диверсификацию и упрощение структур. На уровне операций возникают дифференциации систем, которые продолжают внутреннюю дифференциацию системы общества и обогащают ее сложностью. На семантическом уровне возникают структуры, которые направляют наблюдения и описание результатов этой эволюции. Это означает: снабжают их различиями. Семантика нуждается в латенциях. Ее собственное самописание должно отличать то, что оно описывает, при этом не имея возможности вовлекать в это описание единство различенного. Как следствие, эволюция дифференциации систем и описание ее результатов оказываются дивергентными. Структурные разрывы, которые порождает эволюция новых форм дифференциации систем, в ходе самого этого разлома не могут наблюдаться и описываться, поскольку одновременно с ними нельзя постичь, каким образом новое себя отличает. Семантика предоставляет структурной инновации некоторое шадящее время: до тех пор, пока та не укрепитя настолько, чтобы иметь возможность утверждать себя в качестве - ее самой установленного - порядка. Существуют и другие многочисленные временные диспропорции между сис-

151

темно-структурной и семантической эволюцией, например, такого рода: в семантике изобретенные идеи сначала разучиваются и тестируются и лишь впоследствии задействуются в структурном контексте отдифференциаций.²¹⁵ Этот ход в наших рассуждениях подводит к вопросу о том, можно ли говорить об эволюции также и в области семантических структур и что это были за общественно-исторические условия, которые высвободили собственную динамику эволюции идей.

Если исходить из того, что в контексте аутопойетической системы общества коммуникация служит для репродукции коммуникаций, то следует считаться и с такими ситуациями, в которых прежние способы запуска этих процессов уже не являются достаточными. Структуры воспроизводятся как традиция, однако актуальные условия дают возможность распознать, что определяемые традицией описания структур уже не являются адекватными. Возникает опыт расхождения: потенциал данного в современности воспроизводства уже не может выдерживать то, что требует такого воспроизводства.²¹⁶ Временные разломы приводят и к предметной дифференциации. Такие импульсы дают возможность увидеть различия между социальной структурой и семантикой. Семантика оказывается под давлением необходимости приспособливаться, но она делает возможной и заблаговременную фиксацию идей, которым лишь позднее будут вменены социальные функции.²¹⁷

Это может происходить лишь в тех случаях, если общество обладает достаточным потенциалом памяти, если, следовательно, в обществе в достаточной степени распространена письменность. В эволюции идей изобретение и распространение письменности маркируют исходный пункт ее *самостоятельной* эволюции, а книгопечатание является вехой, указывающей на наиболее глубокие семантические преобразования. До введения письменности смысл всегда

институировался настолько конкретно, что не существовало специфической формы стабильности (т. е. как раз письменной фиксации), в которой могла взять свое начало особая форма варьирования. Семантические структуры меняются путем адаптации способа их употребле-

152

ния к ситуациями и путем забывания. С появлением идей, отныне фиксированных письменно, последние могут оказывать лишь возмущающее воздействие на институты, ритуалы и интерпретации ситуаций, ориентированные на бесписьменную коммуникацию.²¹⁸ После изобретения письменности первичный характер оральной традиции (прежде всего, в обучении) сохранялся еще на протяжении тысячелетий, однако сама письменность предъявляет столь новые требования к экспликации (постигаемых лишь исходя из самого текста) комплекса идей, что требует обособления новых слов, новых понятий, идей об идеях (а значит - "философии"). Вопреки первичности орального типа традирования и невозможности действительного представления (прежде всего, понятийно!) писания и чтения в качестве коммуникацией, это изобретение подрывает самовластие устной речи. Эти воздействия можно проследить в мире религиозных идей.²¹⁹ Поначалу все-таки обнаруживаются существенные ограничения в употреблении письменности - в том числе среди высших слоев и в городах. В одних случаях они состоят в ограничениях, накладываемых специальными ролями²²⁰, в других - в ограничении уже вышедшими из повседневности учеными языками (санскрит, средневековая латынь), казавшимися единственно-адекватными для соответствующих выражений и тем самым сплавлявшимися в единство с формой самих идей. Впоследствии в некоторых обществах возникают культурные элиты, конфронтирующие с господствующим (чаще всего религиозно регулируемым) порядком распределения статусов.²²¹ Лишь по мере устранения этих социально-структурных ограничений использования письменности идеи усиливают свои притязания на убедительность, в силу чего интенсифицируется коэволюция письменного комплекса и дифференциаций систем. Обозначившиеся, но существенно заторможенные указанными ограничениями, эти возможности неожиданно резко высвобождаются благодаря печатному прессу. В первую очередь, востребованным оказывается дополнительный потенциал контроля и накопления. Теперь объемы уже наличествующего знания можно охватить в самых широких масштабах. Оказывает-

153

ся достаточным всего нескольких десятилетий, чтобы передать в печать все древние мнемонические средства, общие места, цитаты, обороты речи и т.д., т. е. все то, что передавалось в традиции как топка²²², - и все это для того, чтобы сразу же осознать, что книгопечатание делает всех их бессмысленными и излишними. Но это же означает, что мораль, которая именно здесь и обнаруживала свои укорененность и условие возможности риторических оборотов, должна теперь попытаться сформулировать себя по-новому - на основе определенных принципов. По мере роста публикаций в теологии растут сомнения в древней технике вопросов и ответов, т. е. в необходимом наличии - опирающегося на авторитет - способа разрешения противоречий во мнениях.²²³ Возрастают и возможности сравнения. Можно положить различные книги рядом друг с другом и читать чуть ли ни одновременно. В силу этого возникает новая необозримость и потребность в методическом обращении с нею.²²⁴ На рубеже XVII века начинает свою карьеру и слово "система" - сначала как название для книг и для провозглашаемого намерения сочинить книгу с упорядоченным членением материала.²²⁵ А если возрастает потенциал контроля, то, как всегда, растет и власть прошлого над современностью; ведь "contraroturale" означает сравнение текстов, зафиксированных в прошлом, с современной информацией. Но именно это и делает возможным распознавать новое и наслаждаться им. Различение старого и противопоставляемого ему нового (moderai/ antiqui) вычленилось из контекста хвалебных речей, послуживших им колыбелью²²⁵, и соотносило себя с историей, а следовательно - темпорализировалось.²²⁷

Именно письменная - достижимая для анонимного читателя в виде печатной книги - фиксация суммы идей, с одной стороны, получает значимость традиции и власть (по умолчанию) известного самого по себе; но с другой стороны, она служит стимулом для выражения и других установок применительно к той же ситуации и к той же проблеме. Так, в печатных текстах можно открывать и актуализировать латентные потенциалы иных мнений. И особенно в случаях, когда обострившиеся

154

(прежде всего, политически обострившиеся) ситуации требуют инструментального использования подобных инноваций.²²⁸ Так, к примеру, политическая критика злоупотреблений парламентской неприкосновенностью в лондонском Парламенте стала достаточным основанием для введения в дискуссию слова "неконституционный" с его необозримыми следствиями для необходимого в этом случае различения нелегального и неконституционного, для разделения властей, гражданских прав, юрисдикции конституционного суда (правового надзора) и многого другого.²²⁹ Однако при этом приходилось задействовать уже введенное на другом основании и отклоняющееся от словоупотребления римского права понимание "конституции".

Предлагаемые здесь наметки прежде всего имеют своей целью еще раз²³⁰ указать на эти вехи, значение которых состояло в введении письма и печатного пресса. Для теории эволюции идей (в отличие от более детализованных исследований вопросов истории идей) они имеют значение именно в силу того, что эти изобретения касались разделенности эволюционных функций и тем самым - условия возможности самостоятельной эволюции идей. Однако еще требует прояснения вопрос о том, может ли вообще применительно к эволюции идей реализоваться такое разделение варьирования, селекции и рестабиллизации, как и о том, какие формы принимают в этом случае отдельные эволюционные механизмы.

Варьирование обнаруживает точку своего воздействия в письменной фиксации материала и в тех свободах, которые можно найти в том, что ни написание, ни прочтение не подвергаются никакому плотному надзору со стороны системы интеракции. Письменность делает возможным предметно-отнесенную, почти безличную критику. Кроме того, процесс письма - как и чтения - имеет в своем распоряжении больше времени, чем его имелось в условиях интеракционного давления. В отношении к тексту в типическом случае возникает переизбыток активности, который чаще разряжается в критическую, нежели в чисто рецептивную коммуникацию. Эта чрезвычайно высокая вероятность девиации, правда, быстро истощается, поскольку

155

ку лишь незначительное число читателей реагирует на это письменно, не говоря уже о печатных публикациях.²³¹ И тем в большей степени ожидание критической установки прилагается именно к тем, кто к этому специально призван. Носителями Просвещения были *gens de lettres*.

Далее следует обратить внимание на то, что в письменной коммуникации меняются условия структурного сцепления процессов сознания и процессов коммуникации. Поскольку лишь благодаря сознанию внешний мир способен оказывать раздражающие воздействия, то такое изменение оказывается чрезвычайно значимым. Оно проявляется селективно, - ведь большинство систем сознания отключаются от себя самих: они останавливают познание, утомляются и стопорятся. И здесь остаются лишь специалисты, которые, умело преобразовывая тексты в тексты (словно в виде приложения к коммуникативному процессу), при этом должны потрудиться и предпринять как содержательные, так и стилистические усилия, чтобы все-таки еще как-то дать распознать свою индивидуальность.²³²

Как правило, об этих проблемах говорят в рамках схемы "текст и интерпретация". В особенности со времени возникновения в XVIII веке новых - уже не "грамматических" в старом смысле - филологии отношение текста и интерпретации становится предметом детальной вторичной рефлексии.

Относящиеся к этому научные притязания маркируются как "герменевтика". Мы здесь не можем на этом останавливаться так же подробно, как этого требует данный предмет. И все же для проблемы варьирования в области эволюции идей важно, что возникает взаимное согласие в том, чтобы привести текст и его интерпретацию к обоюдной стабилизации. Начиная с Гадамера, также выдвигают предположение, что здесь решающее значение имеет имманентная циркулярность, а не внешний субъект. Как и во всех других случаях, эволюционное варьирование, следовательно, и здесь в значительной степени проявляет предварительную заботу о стабильности девиантных вариантов. Чтобы вообще стать предметом рассмотрения и удовлетворять постулату единства текста и интерпретации, они должны пока-

156

зять себя интерпретациями текста. Вместе с тем здесь может распознаваться и фигура герменевтического круга - в том, что тем самым еще не решено окончательно, какие идеи утвердятся и утвердятся ли они вообще. В этом можно увидеть и аргумент в пользу того, что и здесь победила дифференциация эволюционных функций - варьирования, селекции и рестабиллизация.

Если варьирование многообразия идей в значительной степени протекает эндогенно - благодаря производству текстов из текстов, то эволюционная селекция зависит от критерия *убедительности* или, в более сильной формулировке, от критерия *очевидности*.²³³ Представляется убедительным и даже прямо-таки очевидным, что в связи с эволюцией идей важны убедительность и очевидность. Но все-таки - и именно под воздействием этой замечательной автологичности - предварительно приходится спросить: а почему это так?

Убедительность приобретается благодаря использованию привычных схем или скриптов в смысле нынешней когнитивной психологии.²³⁴ Речь идет об описаниях чего-то одного как нечто другого, но также и о каузальных приписываниях, которые определенные следствия соотносят с определенными причинами и благодаря этому провоцируют моральные суждения, императивы действия и оценки. Схемы представляют собой формы, в которые коммуникация сворачивает суждения и конденсирует память. Поскольку, однако, схемы еще не детерминируют свое применение в коммуникациях, - ведь они, во всяком случае, могут применяться и не схематически, - это понятие еще не объясняет то, как в различных исторических ситуациях формировалась и перерабатывалась убедительность.

До эпохи массмедиа, которые ныне берут эту проблему на себя, в мыслительных формах скептицизма и риторики уже были развиты понятийно зрелые проекты, которые одновременно служили аргументами очевидности онтологического мироопи-сания. Скепсис считался ведущим в тупик, терпящим фиаско из-за своей собственной автологичности. Риторика являлась единственным описанием коммуникации, допускавшим саморефлексию.²³⁵ Она могла представлять себя в качестве ритори-

157

ки и подвергаться практическим испытаниям в данном обществе. Поэтому несколько не случайно, что после введения книгопечатания игра с парадоксами, скепсис и риторика переживали период нового расцвета. Этот расцвет начинается в XIV в., продолжается в течении XVII столетий и заканчивается лишь вместе с начинающимся самоузнаванием современного общества в XVIII веке. Но что заступило на место этой игры?

Что-то невидимо прямых семантических приемников - и это как раз характеризует радикальность структурного разлома. Вместо этого поступает множество весьма ненадежных предложений: философия случайности, релятивизм, историзм, идеологическое использование различий, а в недавнее время и такие отчаянные проекты, как "постмодерн" и "конструктивизм", которые, кажется, доказывают лишь то, что и так не выходит, и по-другому - тоже. Эти соображения, однако, можно заменить различием между парадоксом и процессом его развертывания, т. е. проанализировать исторические (=

общественно-исторические) условия убедительности и очевидности.

Когнитивные схемы требуют согласования с неписаными реалиями внутреннего и внешнего окружающих миров системы общества. Так, в обществах аристократии не получится оспорить, что благородные "живут лучше", в силу чего и сами они - "лучше" крестьян. Это очевидно для любого ребенка. Барьеры технического и профессионального мастерства, различия в порядках вещей, неба вверху, земли внизу, - все это воздействует как рамки, которые тестируют на убедительность и отсекают экстравагантности. Убедительными представляются идеи, если они непосредственно ясны и не требуют дальнейшего обоснования в коммуникативном процессе. Сегодня это относится, к примеру, к тем или иным текущим "ценностям". Об очевидности можно говорить в том случае, если нечто является ясным и исключает всякие альтернативы. Важно, чтобы пунктуальные подтверждения такого рода ни в коем случае не принуждали к принятию более сложностной коммуникации. Новый промышленно-обусловленный пауперизм в начале девятнадцатого столетия могли признавать в качестве - являю-

158

щегося следствием прогресса - закона природы или же бороться с ним как с последствием произвола властей, однако никто не оспаривал сам этот факт. То же самое относится и к сегодняшней дискуссии об экологических проблемах.

Сообразно более быстрому течению времени и все большему накоплению структурных изменений, становится достаточно *лишь* ситуативных очевидностей. Процесс против Галилея или побуждения к войне за независимость Америки, лиссабонское землетрясение, явившееся для Вольтера желанным поводом обратиться к вопросу теодицеи - всякая опора на в данный момент очевидные обстоятельства теперь оказывается достаточной для селекции. На этой основе, правда, очевидность не могла взять на себя функцию рестабиллизации.

В результате такого тестирования на убедительность селекции в эволюции идей явно оказывались зависимыми от внешнего мира и, соответственно, подчинялись условиям, которые они не могли контролировать ни письменно, ни аргументативно. По той же самой причине эволюция идей приводит непременно лишь к историческим семантикам. Она остается - как мы далее, пусть и несколько фрагментарно, покажем в пятой книге ["Самоописания"] - зависимой от социальной структуры, задаваемой той или иной доминантной формой системной дифференциации. Убедительности задают своего рода индекс реальности, а тот, кто ему противится, уменьшает свои шансы. Новации должны вводиться вместе с убедительностями, а не вопреки им. И все-таки книгопечатание увеличивает сложностность возможного столь стремительно и широко, что инновации, со своей стороны, могут подвергаться селекции свои убедительности. Кроме того, возрастает степень самоудовлетворения. Достаточно привести какую-либо цитату, как тотчас возникает впечатление, будто об убедительности уже позаботился кто-то другой.

Особенно в XVII и XVIII столетиях литературу, стремящуюся все-таки предложить что-то новое, при столкновении с этой проблемой словно лихорадит. Новая мораль, формулируемая афористично и фрагментарно, отчетливо ориентируется на са-

159

лонные предпочтения. То же самое относится и к мании создавать "portraits" и "caracteres".²³⁶ "Common sense" на некоторое время становится критерием знания²³⁷, а "очевидность" становится модным словечком, в особенности среди физиократов. Соответственно, предлагается ввести в качестве критерия и смехотворность, позволяющую рассортировывать убедительную и неубедительную коммуникации.²³⁸ Все это, как легко можно догадаться, выражает тайные стремления вернуться к старым гарантиям, предоставляемой устной коммуникацией. Лишь параллельное развитие новой науки и романтика окончательно прекращают эту дискуссию. "Фрагмент" получает у романтиков совершенно новый и принципиально значимый смысл, а именно смысл протеста против тотализирующих мировидений. И именно романтика впоследствии берет

на себя заботу об убедительности неубедительного. И так право распоряжаться убедительностями передается письменности, книгопечатанию и, наконец, массмедиа. Устная коммуникация - а вместе с ней и высший слой - теряет свою функцию контролирующей инстанции.

Убедительности, или даже очевидности, в изменении семантических структур можно теперь достичь лишь в том случае, если окажется достаточно ясным то, на какие изменения реагирует изменение понятийности. Для инноваций требуется осознание не только временных, но и предметных дифференций.²³⁹ Лишь при выполнении этой предпосылки дисконтинуальности могут быть маркированы. В ходе стремительных и коренных структурных изменений, как это случилось, например, в переходе от стратификационной к функциональной дифференциации, достаточные для этого самонаблюдение и самоописание весьма осложняются, а то и вообще становятся невозможными. Соответственно, не осуществляется и маркирование дисконтинуальностей. Вместо этого, продолжают и дальше использоваться старые имена, к примеру - понятие "государства", зачастую с такими дополнениями, как "конституционное государство" или "современное государство", которые оставляют в неприкосновенности саму субстанцию. Таким образом смысл

160

обогащается настолько, что это понятие, в конечном счете, теряет определенность. Эволюция идей не может успевать за темпом структурной эволюции и вместо этого, скорее, укрепляет противоречия, а вместе с тем и неопределенности в референциях понятий.

Стабильность идей, прежде всего, получает выражение благодаря нормированию соответствующих ожиданий коммуникации и поведения. С помощью нормирований можно утверждать, что нечто является правильным даже тогда, когда в каком-то отдельном случае это не соответствует действительности или опровергается. Бог и Дьявол, очевидно, были согласны друг с другом, что ориентироваться в мире по-другому люди были неспособны.²⁴⁰ Даже то, чего требует природа, выражается нормативно, т. е. не может быть поколеблено отдельными случаями девиантности. Статистика, которая то же самое может осуществлять другим путем и благодаря этому делает возможным отказ от нормативного понятия природы, появляется лишь в семнадцатом столетии в обществе, в котором возрастает необходимость работы с искусственно произведенными убедительностями.

Как и в общеобщественной эволюции, так и в эволюции идей основания селекции и представления о стабильности поначалу едва различены. Заинтересованность в непротиворечивости высказываний формируется уже вместе с распространением письменности, что, однако, оказывает свое воздействие в обоих направлениях: стабилизируя и, в случае противоречий, приводя к дестабилизации.²⁴¹ Реагирующие на эту ситуацию представители скептического течения, которое и само обязано письменности, могли лишь неодобрительно покачивать головой,²⁴² не будучи способными что-либо изменить. Лишь после изобретения книгопечатания и его распространения в XVII столетии все приводится в движение. Об изобретении статистики мы уже упоминали. Она отчетливо показывает, что и в ненадежном знании могут существовать формы достоверности, т.о. подрывая старое противопоставление догмы и скепсиса.²⁴³ Впоследствии и во всех других - религиозно-индифферентных - сфе-

161

рах понятия *догма*, *догматика*, *догматизм*, *догматицизм* (порядок которых соответствует здесь усилению интенсивности их отклонения) все больше обогащаются негативными коннотациями.²⁴⁴ Параллельно этому релятивируется и как раз только что вновь обретенное упорядочивающее понятие *системы*, которому придается смысл некоторой чисто субъективной проекции.²⁴⁵ Вместе с Шефтсбери теперь можно сказать: "Самый гениальный способ одурачивания дает система".²⁴⁶ В особенности те идеи, которые своей селекцией обязаны лишь ситуативно-даным убедительностям, попадают в зависимость от

новообразованных форм стабилизации в подвижных системах. Они переживают благоволение мгновения - или же нет. Во всяком случае, они уже не могут в ходе их отбора надеяться на какой-то стабильный миропорядок. Но тогда то, что важно для данного мгновения, приходится непрерывно опробовать на предмет его значения для нововведений. Как и общеобщественная эволюция, так и эволюция идей в тенденции должна коллапсировать, если, конечно, варьирование, селекция и стабилизация не начинают разделяться, но именно поэтому дифференция стабилизации и варьирования оказывается неустойчивой.

В конце восемнадцатого столетия прежняя форма эволюции идей - с зависимым от письменности варьированием, селекцией на основе убедительности и очевидности и нормативной или догматически-беспорной стабильностью, - видимо, достигла своей завершающей стадии. Французская революция подает повсеместно воспринимаемый сигнал; и хотя она лишь незначительно изменяет общественные структуры, ее воздействия на мир идей следующей эпохи едва ли можно переоценить.²⁴⁷ В Кенигсберге и Берлине предпринимается еще одна попытка вновь удостоверить мир идей с помощью понятия науки. Фактически же лидерство переходит к рефлексивным усилиям функциональных систем.²⁴⁸ Экономика и политика, наука и право теперь - как и в исторической ретроспективе - побуждают к написанию своих собственных историй идей. То, в какой степени последние в рамках функциональных систем следуют самостоятельной эволюции идей, требует особых исследований.

162

Во всяком случае, на общеобщественном уровне едва ли еще можно говорить о соответствующей всеобщей эволюции идей.

Остаются возможными всеобщие высказывания о тенденциях. Возможно, вслед за Бернардом Барбером, надо говорить о тенденциях к большей абстрактности, более выраженной систематизации и более широком охвате комплексов идей.²⁴⁹ Кроме того, явственно можно распознать, что приобретшие ныне убедительность идеи и понятия должны быть сориентированными с большим беспорядком в общественном внешнем мире функциональных систем системы общества. В поисках устойчивого и необходимого вскрываются все новые контингентности - вплоть до случайности самих законов природы. Во многих областях, прежде всего в искусстве и литературе, сомневающийся самом в себе индивидуализм считается прямо-таки симптомом, если не сущностью модерна; соответствующие идеи выражают в своих формулировках дружественность к индивидам (среди прочего: недогматичность, поиск консенсуса, готовность учиться). Проблемы референции и проблемы кодов (т. е. различение самореференция/инореференция и такие различия как истинное/неистинное, хорошее/дурное, правовое/неправовое) уже не могут быть приведены к согласию - что стало очевидным вместе с крахом логического позитивизма, а затем и аналитической философии в их попытках интеграции группы таких понятий как референция, смысл и истина. Этому могло бы соответствовать и допущение, что точки конвергенции, которые сводят идеи воедино, во все более сложно-стных обществах отодвигаются все далее и далее²⁵⁰ - или же, в порядке альтернативы, подчиняются общественной дифференциации, т. е. должны, в свою очередь, содифференцироваться. Если двигаться по двум путям одновременно, то можно добиться большей - по сравнению с более ранней литературой - универсальности (прежде всего, при вовлечении также и истории) и одновременно большей точности.

С недавнего времени те течения, посредством которых эволюция идей реагирует на саму себя, получили ничего не выражающей титул постмодерна (у Тойнби, а потом у Лиотара).

163

Отсюда может вытекать отказ от всеохватывающих притязаний на единство и переход к радикальным дифференциалистским концепциям. Эта установка могла бы найти себе подтверждение в том, что конец диалектики нельзя было задержать даже через негативную диалектику, провозглашавшую завершение прогресса в

качестве его принципа.²⁵¹ За свойственной прогрессу логикой предложений все новых улучшений и его рефлексующим и дезавуирующим лидерством может однажды воспоследовать логика ухудшающихся предложений. Прошлое будет лишено покрова своего исторического положения, а значит и своего статуса преодолённости, своего временного облика и начнет применяться в игровой форме: как, например, в музыке Стравинского или Шнитке, в социальной философии идеализирующего античность антилиберализма (Карл Шмитт, Лео Стросс, Аласдэр Макинтайр)²⁵² или, в самое последнее время, в так называемом гражданском обществе с особым почтением к женщинам. На этот коллапс всех нововременных этик (Канта, Бентама, Шелера) философы реагируют обращением к Аристотелю. В этом можно было бы усмотреть моду, высшая точка которой, возможно, уже лежит в прошлом. Но не исключено и то, что в постоянном деконструировании и реконструировании форм разовьется чувство границ комбинаторных возможностей, тотальности конструирования связей. И именно это вновь указало бы на эволюцию. Ведь кто взялся бы утверждать, как и что должно происходить?

В противоположность более ранней концепции, различающей эволюцию популяций (применимую как к людям, так и к животным) и культурную эволюцию (лишь человеческих артефактов), мы избегаем искушения различать фазы и эпохи также и внутри эволюции идей; во всяком случае, отказываемся здесь от смысла самопорожденной исторической периодизации культурных эпох или исторических типов. Если потом и можно ретроспективно реконструировать исторические фазы, то это зависит исключительно от социально-структурной эволюции, а если точнее - от доминирования определенных типов дифференцирования. Мы еще увидим²⁵³, что этим типам диф-

164

ференциации могут быть соупорядочены определенные семантические формы. Но это еще не позволяет нам сделать вывод, будто некая самостоятельная культурная эволюция, параллельная эволюции социокультурной, порождает собственную последовательность типов. Ведь эволюция идей в своем селекционном механизме зависит от "убедительности". Эту убедительность она может позаимствовать исключительно из наблюдения общества. Из логики своих собственных установлений она может черпать критический или инновативный потенциал и тем самым вести к "до-адаптивным трансформациям" Или же она еще может следовать своим собственным традициям, хотя последние уже давно устарели: как, скажем, неизменно холимое в "буржуазном обществе" и связанное с надеждой на возвышение представление о том, что мы-де все еще живем в стратифицированном обществе с линейными переходами между "низом" и "верхом". Именно эти временные сдвиги существенны для достаточно реалистичной теории "социокультурной" эволюции. Но это вовсе не значит, что семантика уже исходя из себя самой - исходя из "истории духа" или из каузальной связи идей - была бы достаточно сильна для того, чтобы порождать подразделения на эпохи. Она лишь наблюдает то, что производится в процессе общественного аутопойезиса, - но делает это посредством собственных различий, конструктивно и деконструктивно, и поэтому замкнуто: с помощью таких - соотнесенных с тем или иными временем - понятий, как "модерное", или таких подразделений, как Древний мир/Средневековье/Новое время.

ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛ. X:

²¹⁰ Рассмотрение подобных проблем ю-эволюции на основе конкретных социологических исследований см.: Luhmann N. Gesellschaftsstruktur und Semantik. 4. Bde. Frankfurt 1980, 1981, 1989, 1995.

²¹¹ Речь, следовательно, *вовсе не* идет (и на это надо указать со всей ясностью) о всеобщем значении "культуры" для общественной эволюции. Эту позицию мы уже обсудили выше. Речь не идет и о

165

развитии исключительных культурных артефактов, скажем о таких маркерах, которые мы сегодня обозначили бы как *стили*. Специально об этом (с употреблением выражения *эволюция*, но без рассмотрения эволюционно-теоретического аппарата) см.: Conkey M. W. Style and Information in Cultural Evolution: Toward a Predictive Model of the Paleolithic. In: Redman Ch. L. et

al. (Ed.) Social Archeology: Beyond Subsistence and Dating. New York 1978, p. 6-85.

²¹² В 19 столетии скорее сказали бы *культурная эволюция* и отличили бы ее от *эволюции популяций*. См.: Tyler E. B. Primitive Culture, 2 Vol. London 1871.

²¹³ Ср. Foerster H. v. Das Gleichnis vom blinden Fleck: Über das Sehen im Allgemeinen. In: Lischka G. J. (Hrsg.) Der entfesselte Blick: Symposium, Workshops, Ausstellung. Bern 1993, S. 14-47.

²¹⁴ Об этом: Luhmann N. Wie lassen sich latente Strukturen beobachten? In: Watzlawick P. / Krieg P. (Hrsg.) Das Auge des Betrachters -Beitrage zum Konstruktivismus: Festschrift Heinz von Foerster. Munchen 1991, S. 67-74.

²¹⁵ См. предложенный мной пример: Liebe als Passion: Zur Kodierung von Intimitat. Frankfurt 1982.

²¹⁶ См. удачное *case study*: Schiavone A. Nascita della Giurispudenza: Cultura aristocratica e pensiero giuridico nella Roma tardorepubblicana. Bari 1976.

²¹⁷ См. главу о *Seedbed-Societies* (обществах-пассадах): Parsons T. Societies: Evolutionary and Comparative Perspectives. Englewood Cliffs N.J. 1966, p. 95.

²¹⁸ Блестящее изложение этой проблемы можно найти в "сжатом описании" одного из ритуалов погребения и возмущении, привносимом в него благодаря идеям: Geertz Clifford. Dichte Beschreibung: Beitrage zum Verstehen kultureller Systeme. Frankfurt 1983, S. 96. Другим примером служит то затруднительное положение, в которое (в диалоге Платона "Иов") Философ приводит певца-сказителя, еще пытающегося защитить культуру шаманов, основанную на состояниях потрясения, одержимости и отрешенности. Здесь замечательно то, что это совершается именно Философом, скептически противостоящим письменной культуре. См.: Schlaffer H. Poesie und Wissen: Die Entstehung des asthetischen BewuBtseins und der philosophischen Erkenntnis. Frankfurt 1990.

²¹⁹ Важные исследования по теме опубликованы В.Й. Онгом. См.: Ong W.J. The Presence of the World: Some Prolegomena for Cultural and Religious History. New Haven 1967. Его же: Communications Media and The State of Theology. In: Cross Currents 19 (1969), p. 462-480.

¹⁶⁶ Его же: Interfaces of The Word: Studies in the Evolution of Consciousness and Culture. Ithaca 1977; его же: Orality and Literacy: The Technologizing of the Word. London 1982.

²²⁰ Парсонс (Parsons T. Societies a. a. O., p. 51) говорит о "ремесле грамотности". О общественной роли "писца" в Месопотамии см.: Jonler G. The Topography of Memory: The Dead, Tradition and Collective Memory in Mesopotamia. Leiden 1965. Постепенно "писцы" берут в свои руки заботу о социальной памяти и регулируют тем самым отношение воспоминания и забвения.

²²¹ На это в разных аспектах указывал Eisenstadt S. N. Social Division of Labor, Construction of Centers and Institutional Dynamics: A Reassessment of the Structural-Evolutionary Perspective. In: Protozoologie 7 (1995), p. 11-22.

²²² См. Lecnher J. M. The Renaissance Concepts of the Commonplaces. New York 1962.

²²³ Эти сомнения приобрели отчетливые формы еще до изобретения книгопечатания, например, у Вильяма Оккама. В XVI столетии все они сворачиваются в литературную форму парадокса, т. е. неразрешенного единства мнения и его противоположности. Об этой предыстории ренессансной страсти к парадоксам см.: Mallock A. E. The Technique and Function of the Renaissance Paradox. In: Studies in Philology 53 (1956), p. 191-203.

²²⁴ О контексте весьма поразившей современников "Диалектики" Петру са Рамуса см.: Ong W. J. Ramus: Method, and the Decay of Dialogue: From the Art of Discourse to the Art of Reason. Cambridge Mass. 1958. В содержательном плане здесь идет речь о методе сек-венцирования бинарных различий, которые и сегодня еще нуждаются в тщательном исследовании.

²²⁵ Прежде всего см. трактаты - о самых разных предметных областях - Барталамеу са Кеккермана, доступные в полном издании Opera Omnia. Genf 1614.

²²⁶ Ср.: Black R. Ancients and Moderns: Rhetoric and History in Accolti's Dialogue on the Preeminence of Men and His Own Time. In: Journal of the History of Ideas 43 (1982), S. 3-32. Более подробное изложение см.: Gossmann E. Antiqui und Moderni im Mittelalter: Eine geschichtliche Standortbestimmung. Munchen 1974.

²²⁷ Об этом часто обсуждаемом повороте см.: Jones R.F. Ancients and Moderns: A Study of the Rise of the Scientific Movement in Seventeenth-Century England. 1936, 2nd ed. St.Louis, 1961; Herschel Baker, The Wars of Truth: Studies in the Decay in Christian Humanism in the Earlier Seventeenth-Century. Cambridge Mass. 1952.

²²⁸ Этот аргумент характерен для Квентина Скиннера и его школы.

¹⁶⁷ См. его полезную - полезную с методологической точки зрения - работу: Skinner Q. Meaning and Understanding in the History of Ideas. In: History and Ideas 8 (1969), p. 3-53. Его же Motives, Inventions and the Interpretations of Texts. In: New Literary History 3 (1972), p. 393-408. Далее: Farr J. Conceptual Change and Constitutional Innovation. In: Ball T. / Pocock J.G. A. (Ed.) Conceptual Change and the Constitution. Lawrence Cansas 1988, p. 13-34. Его же Understanding Conceptual Change Politically. In: Ball T. et al (Ed.) Political Innovation and Conceptual Change. Cambridge Engl. 1989, p. 24-49.

²²⁹ Ср.: Luhmann N. Verfassung als evolutionare Errungenschaft. In: Rechthistorische Journal 9 (1990), S. 176-220.

²³⁰ См. более подробное изложение в пятой и шестой главах второй книги [Луман Н. Общество общества, Кн. II: Медиа коммуникации. М. Логос 2005].

²³¹ Что касается прочего, то бросается в глаза, как долго этого не замечали и как регулярно, причем именно в первом же столетии после изобретения книгопечатания, книга или ее автор

обращались к читателю и требовали от него высказываться. Даже в восемнадцатом веке, даже в понятии "общественного мнения" еще сохранялось это ожидание: решающее доказательство в пользу радикальности изменения, которое уклоняется от взора и закрывается благодаря континуализации ожиданий, имеющих значение лишь для устной коммуникации в рамках системы интеракций.

²³² Хорошую тестовую возможность предоставляет участие в анонимной системе рецензентов в современных (что значит - в американских) редакциях журналов. Иногда, но редко, рецензент может и отгадать, от кого была прислана статья. И почти всегда здесь могут помочь лишь случайные сведения.

²³³ Понятийно-исторические исследования обращаются лишь к понятию "очевидности" ("Evidenz"), и, пожалуй, почти лишним будет указание на то, что здесь сыграла роль метафизика света и зрения, а значит, и традиционная эпистемология. Ср.: Halbfass W. s.v. Evidenz. In: Historisches Worterbuch der Philosophie Bd. 2, Basel-Stuttgart, 1972. S. 829-834.

²³⁴ Об этом см. шестую главу первой книги [Луман Н. Общество общества, Кн. I: Общество как социальная система. М. Логос 2004].

²³⁵ Здесь, кстати, кроется одна из причин того, почему современный текст-лингвистический деконструктивизм Поля де Мана сам представляет себя в качестве "риторики". Ведь это означает готовность признать ее автологический характер.

²³⁶ С этой также и в наше время обсуждающейся тематикой стиля ср.:

168

Delft L. v. Le moraliste classique: Essai de definition et de typologie. Genf 1982, p. 233; Luhmann N. Ethik als Reflexionstheorie der Moral. In: Luhmann N. Gesellschaftsstruktur und Semantik. Bd. 3. Frankfurt 1989, S. 358-447 (390).

²³⁷ См.: Buffier C. Traite des premieres veritez et de la source de nos jugement. Paris 1724; Reid Th. An Inquiry into the Human Mind и Essays on the Intellectual Powers of Man. In: Philosophical Works. 8th ed. Edinburgh 1895. При всей ее светской многословности см. также работу: Marquis d'Argens. La Philosophie du bon-sens. Ou reflexions philosophiques sur l'incertitude de connoissances Humaines. 3 Vol. Den Haag 1768.

²³⁸ Ср. Jean Baptiste Morvan de Bellegarde. Reflexions sur la ridicule, et les moyens de Peuver. 4 ed. Paris 1699; Anthony, Earl of Shaftesbury. An Essay on the Freedom of Wit and Humor (1709). In: Anthony, Earl of Shaftesbury. Characteristics of Men, Manners, Opinions, Times. 2nd Ed. London 1714, перепечатка: Farnborough 1968, Vol. I, p. 57-150.

²³⁹ На то, что об этом не вспоминают в более поздних линейных исторических описаниях, и на то, что это требует реконструкции, указывают в своих многочисленных конкретных исследованиях Х. де Берг и М. Прангель: Berg H. De / Prangel M. (Hrsg.) Kommunikation und Differenz: Systemtheoretische Ansätze in der Literatur- und Kunstwissenschaft. Opladen 1993.

²⁴⁰ См. Epilogue In: Burke Kenneth. The Rhetoric of Religion: Studies in Logology, 1961. Berkeley Cal. 1970.

²⁴¹ Римское гражданское право, в традиции представленное "Дигестами", *примечательно* в обоих этих аспектах. Оно выстраивается на типизированных прецедентных решениях, которые могут очень хорошо согласовываться друг с другом, однако такое прецедентное решение зачастую заключалось яркими изречениями или универсальными общими местами, которые потом выучивались и традировались далее в (функционирующей устно) системе средневекового образования. Это вызывало озабоченность непротиворечивостью совершенно нового вида, которой занимаются легисты и декретисты, и которая поначалу имеет мало общего с одновременно происходящими изменениями в самой правовой практике. См.: Weigand R. Die Narurrechtslehre der Legisten und Dekretisten von Irnerius bis Accursius und von Gratian bis Johannes Teutonicus. Munchen 1967.

²⁴² Ср.: Goody J. Literacy, Criticism, and the Growth of Knowledge. In: Ben-David J. / Clark T. N. (Ed.) Culture and its Creator: Essays in Honor of Edward Shils. Chicago 1977, p. 226-243.

169

²⁴³ Все это происходит на фоне нового оживления античного скептицизма, начинающегося со второй половины шестнадцатого столетия. Ср.: Popkin R. H. The History of Skepticism from Erasmus to Descartes. 2nd ed. New York 1964. Leeuwen H. G. v. The Problem of Certainty in English Thought. 2nd ed. Den Haag 1970. См. также и другие важные работы: Nelson B. Der Ursprung der Moderne. Vergleichende Studien zum Zivilisationsprozess. Frankfurt 1977. Специальные исследования, посвященные разложению различия догма/скепсис у Хартли, Генри Хоума (Лорд Кэймс), Кондильяка и Кондорсе см.: Popkin a. a. O. p. 153.

²⁴⁴ Важнейшим достижением стала смена противопоставленных друг другу понятий. Фрэнсис Бэкон различает уже не между догмой и скепсисом (что приводило к подтверждению догм), а догму и опыт (что приводило к отклонению догм): "Те, кто занимался науками, являлись либо экспериментаторами, либо догматиками", говорится в "Новом Органоне": Novum Organum XCV In: Bacon F. Works Vol. 4. London 1860. p. 92.

²⁴⁵ Losano M. G. Sistema e Struttura nel diritto. Vol. 4, Torino 1968, p. 97; Kambartel F. "System" und "Begründung" als wissenschaftliche und philosophische Ordnungsbegriffe bei und vor Kant. In: Bluhdorn J. / Ritter J. (Hrsg.) Philosophie und Rechtswissenschaft: Zum Problem ihrer Beziehungen im 19. Jahrhundert. Frankfurt 1969, S. 99-113. Липг на этом фоне становится понятным, что - и каким образом - понятие системы переоформляется в контексте нового понимания знания: как конструкция множества исходя из одной единственной точки зрения. Этот взгляд утверждается благодаря Иогану Генриху Ламберту (новое издание см.: Lambert J. H. Texte zur Systematologie und zur Theorie der wissenschaftlichen Erkenntnis. Hamburg 1988.) и

широчайшему воздействию И. Канта. Shaftsbury. Characteristics of Men, Manners, Opinions, Times. 2nd ed. London 1714. Перепечатка: Farnborough 1968 Vol. I. p. 290. Этот вопрос активно обсуждается: Reichardt R. / Schmitt E. Die Französische Revolution - Umbruch oder Kontinuität. In: Zeitschrift für historische Forschung 7 (1980), S. 257-320. Исследованию вопроса о том, изменила ли что-то Французская революция и, если да, то что именно, можно было бы содействовать исходя из различения общественной структуры и семантики и соответствующих эволюции.

²⁴⁸ К возникновению такого рода рефлексивных теорий мы вернемся в девятой главе пятой книги [ОО, Кн. V: "Самоописания"].

²⁴⁹ Barber B. Toward a New View of the Sociology of Knowledge. In: Coser L. A. (Ed.) The Idea of Social Structure: Papers in Honor of Robert K. Merton. New York 1975, p. 103-116. 246-247

170

²⁵⁰ Так полагает Дональд Кэмпбелл, развивая предложенное Эгоном Брансвиком (Egon Branswick) понятие "distal knowledge": Campbell D.T. Natural Selection as an Epistemological Modell. In: Naroll R. Cohen R. (Ed.) A Handbook of Method in Cultural Anthropology. Garden City N.Y. 1970, p. 51-85.

²⁵¹ Roberts D. Art and Enlightenment: Aesthetic Theory after Adorno. Lincoln Nebr. 1991.

²⁵² Специально об этом пишет: Holmes St. The Anatomy of Antiliberalism. Cambridge Mass., 1993. Правда, эта легкая игра указанными фигурами еще не служит доказательством того, что и сам либерализм может деконструироваться - если только отвлечься от желания его "преодолеть".

²⁵³ См.: Луман Н. Общество общества, Кн. V ["Самоописания"].

Х1. ЭВОЛЮЦИЯ ПОДСИСТЕМ

Мы сталкиваемся с совершенно другими проблемами, когда ставим вопрос о том, является ли возможной самостоятельная внутриобщественная эволюция со свойственной ей дифференциацией варьирования, селекции и рестабиллизации в том числе и на уровне общественных подсистем. И здесь наша итоговая концепция оказывается дифференцированной соответственно исторической дифференциации и параллельной суждениям об эволюции идей. Об эволюции подсистем можно говорить лишь с началом функциональной дифференциации системы общества, ибо лишь вместе с данной формой дифференциации на уровне подсистем достигается та комбинация операционной замкнутости и высокой собственной сложности, которая предоставляет достаточную опору для дифференциации эволюционных функций.²⁵⁴

Лишь в незначительных - но все-таки реальных - случаях уже предпринималась попытка применить теоретико-эволюционную понятийность к функциональным системам современного общества. С точки зрения истории науки, подобные опыты были вызваны трудностями более ранних теоретических представлений, а точнее - сомнениями в имманентной рациональности сферы предмета теории. Наиболее разительный пример [описания] функциональной системы науки дает эволюционная теория познания. Уже в конце прошлого столетия в ней - одновременно с прагматизмом - развивается альтернатива нео-кантизму и логико-методологическим теориям, ориентированным на возможности дедукции.²⁵⁵ Привлекательным здесь, прежде всего, выглядит то, что легитимация "случайности" дает возможность интегрировать инновации и вырваться из прокрустова ложа методологии, настроенной на контроль, а не на открытие. Как следствие, внимание почти исключительно было

172

сосредоточено на функции варьирования. Также эволюционная теория с ее схемой варьирования и селекции предоставляла возможность разрыва - угрожающего всем теориям познания - круга обоснования, не обращаясь при этом к какой-либо бесспорной самоудостоверяющей инстанции, т. е. не прибегая к разуму.

Хотя эволюционная теория познания на протяжении десятилетий сопутствовала "дарвинизму" в его взлетах и падениях и сама должна была бороться за свое выживание, ныне она - одно из немногих сохранивших значимость теоретических предложений в этой области. Правда, это течение включает биологически инспирированные теории познания (которые мы оставим без внимания), охватывает теории Куна или Поппера, не работавшие со схемой варьирования/селекция, и приходит к своему завершению в виде слабо

разработанных случаев приложения всеобщей теории эволюции.²⁵⁶ Узкое место здесь состоит как в недостаточной разработке общей теории эволюции, так и в нерешенной проблеме "конструктивизма", а также - как могут заявить социологи - в непроясненном отношении науки и общества.²⁵⁷ Да и в отношении экономической системы вот уже 40 лет предпринимаются попытки²⁵⁸ задействовать средства, предоставляемые эволюционной теорией. И здесь можно отчетливо распознать, что поводом для этого послужило крушение более ранней теории, а именно теории ценоопределения посредством рынка (квази)-свободной конкуренции.²⁵⁹ Данный исходный пункт объясняет, что начинать здесь нужно не с самой системы хозяйства, а с отдельных предприятий и принимаемых экономических решений, и поэтому здесь должно задействовать популяционно-теоретические представления. Если экономические решения более не определяются в конечном итоге рынком, а принимаются внутри предприятий при условии дефицита информации и наличия неопределенности, то подобное положение дел требует рассматривать решения как случайные вариации "", а селекцию предпринимательского успеха, т. е. выживающей популяции, требует приписывать "естественному отбору" рынка.²⁶⁰ Между тем, однако, стало очевидным,

173

что адаптивные стратегии внутри фирм и селекция посредством рынка не образуют никакой осмысленной теоретической альтернативы; оба фактора неизменно оказывают обоюдное воздействие. Это воззрение укоренилось как в "популяционной экологии", так и в более узком (познедарвинистском) понимании экономической эволюции.²⁶¹ Тем самым, однако, мы сталкиваемся с проблемами "структурного дрейфа", который не может получить адекватной разработки в традиционной перспективе исследования, обращенного к вступлению и выходу фирмы из популяции.

Более современные теоретические дискуссии в экономических науках, послужившие сильным толчком для эволюционно-теоретического анализа, выливается в критику неоклассической "ортодоксии".²⁶³ Порицанию подвергается заикленность господствующего мнения на моделях равновесия и стратегиях оптимизации, которые способны представить экономическое решение лишь как реакцию, но не как инновацию. Из этого вытекает тесная связь между теорией эволюции и исследованиями о технологической трансформации, которая в традиционной неоклассике не допускает какой бы то ни было удовлетворительной интерпретации. При этом появляется и новая редакция древней критики расхожих предпосылок рационального поведения. Также оплакивается утрата исторического измерения. С другой стороны, до сих пор не сформировалась и единая противоположная позиция, тем более что примыкание к неodarвинистским теоретическим представлениями в биологии отклоняется абсолютным большинством исследователей.²⁶⁴ Дискуссию между исключительно реактивным или, прежде всего, про-активным (креативным) теоретическими подходами все-таки вряд ли можно рассматривать как сколько-нибудь продуктивную, ибо оба эти подхода, в конечном счете, лишь подтверждает непрогнозируемый характер эволюции. Особенно же убедительным здесь оказывается то обстоятельство, что предпосылкой для трансакций, т. е. для формы экономического оперирования, выступает диверсификация ситуаций заинтересованности, что и следовало бы ожидать от эволюции.

174

Едва ли можно говорить о разработке эволюционно-теоретических начал применительно к остальным функциональным системам. Можно, разве что, назвать здесь еще и систему права²⁶⁵, причем поводом для такой интерпретации в очередной раз послужило крушение предшествующих дедуктивных теорий - неважно, выстраивались ли они на основе естественно-правовой, аналитической или "юридической" понятийности. Отсутствует и эволюционно-теоретическое рассмотрение политической системы современного общества²⁶⁶, хотя развитие в направлении и в рамках государства всеобщего благоденствия могло бы

предоставить здесь хорошую возможность. При данном состоянии исследования трудно делать общие выводы. Мы поэтому должны остановиться лишь на некоторых вопросах, которые возникают при серьезном разборе исследований о ко-эволюции системы общества и отдифференцирующихся в нем функциональных систем. При этом следует предварительно обратиться к анализу системной дифференциации, о чем подробно будет рассказано лишь в следующей книге ["Дифференциации"].

Исходное теоретическое основание должно было бы лежать в общественном взаимоналожении операционно-замкнутых аутопойетических систем, т. е. в вопросе о том, как возможно, что одна социальная система способна на базе операционной замкнутости учреждать свое собственное воспроизводство в некоторой другой социальной системе. Дифференциация варьирования, селекции и рестаблизации может получить опору лишь в том случае, если возможно указанное взаимоналожение систем, а также при условии, что на этом основании подсистемы образуют достаточную собственную сложность. Мы предполагаем, что механизм варьирования и здесь состоит прежде всего в наблюдении коммуникации как (провоцирующем) отрицание и систематизируется лишь с запуском функциональной дифференциации на основе бинарного кодирования, а именно - кодирования функционально-специфических операций с помощью таких различий как то: истинное/неистинное, собственность (иметь/не иметь), правовое/неправовое, господство/ подчинение, эстетическое различие согласованного/несогла-

175

сованного (красивого/некрасивого).

Эти особенные коды обеспечивают отдифференциацию и одновременно облегчают специфическое для кода перемещение с его одной стороны на другую. Именно это превращает в повседневную рутину практику постоянного бокового восприятия противоположного случая. Но именно это делает непрогнозируемым и зависимым от собственных системных программ то, выбирается ли для обозначения собственных операций то или другое значение кода, скажем, значение *истинного* или *неистинного*.

Правда, формально бинарное кодирование вовсе не означает, что внешние аспекты исключаются. Бинарная структура значений кода ортогональна различению самореференция/иноре-ференция и, следовательно, не предопределяет критерии, в соответствии с которыми упорядочиваются значения кодов. В противном случае никакое общество не могло бы решиться на риск реагировать на определенные проблемные ситуации посредством бинарных кодирований.

Но в той мере, в какой коды пробуждают потребность в критериях, может и должна проявиться необходимость обнаружения подобных критериев. Даже если речь идет лишь об украшениях повседневных объектов, то, что красиво, а что некрасиво, должно еще апробироваться. Даже если в контекстах родового общества или религии кристаллизуются ситуации с доминированием власти, должны отвечать контексту ее общественных условий, они еще жестко не определяют то, как используется власть. Или же: даже если нормы проецируются на рутинное, то - по мере появления контroversных интерпретаций - возникает некоторое игровое пространство решений. Строгое кодирование при исключении третьего значения порождает открытые случайности, пробуждающие потребность в придании смыслов и именно в этой точке восприимчивые к эволюции. Если здесь запускается варьирование, то появляется вероятность того, что какая-то из вариаций будет задействована в процессе селекции. Задействование внешних критериев селекции затем все больше и больше воспринимается как нечто ме-

176

тодически неприемлемое - как иногда континуальная, а иногда и резкая переориентация, зависящая (и в силу этого замедляемая или ускоряемая) от общественной действенности критериев и от уже удостоверенных собственных значений в сфере этой особой эволюции.

Бинарные коды, видимо, образуют тем самым как раз те шарниры, благодаря которым - если, конечно, добавляются благоприятствующие обстоятельства, в числе которых, как уже говорилось, важная роль принадлежит письменности, - открываются ворота эволюции подсистем в обществе.²⁶⁷ Бинарные структуры предопределяют существенные темпоральные преимущества: они предоставляют самую быструю возможность для выстраивания сложности и одновременно - простейшую возможность для упорядочивания результатов запоминания. Поскольку язык уже является бинарно-кодированным, бинарные структуры способны быстро актуализироваться. С одной стороны, требующие решения бинарные ситуации возникают достаточно часто и обладают достаточной жизненно-практической значимостью, чтобы не зависеть от того, что соответствующие функциональные системы уже существуют в ауто-пойетически-закрытой форме. С другой стороны, бинарные структуры имеют достаточно специфическую потребность в критериях, что влечет за собой возможность обособления особых эволюции - как только запускаются согласованные рекурсивные обращения к критериям того же рода. То, что критерии художественности - даже и в случае поэзии - не годятся для решения вопросов истинности, можно, самое позднее, увидеть уже в эпоху раннего Нового времени. (То, что правовые вопросы не могут получать ответа в форме натюрмортов и художественное отображение сцен суда не является юридическим аргументом, хорошо знали и раньше).²⁶⁸ Собственность еще долго будет рассматриваться как инструмент власти, хотя консолидированная политическая территориально-государственная бюрократическая власть уже начиная с позднего Средневековья более не в состоянии эффективно контролировать процессы на экономическом рынке. Уже в конце XI века в Англии проявля-

177

ется инфляция, влияющая на развитие права и прежде всего разрушающая сложностные феодальные структуры землевладения в пользу однозначных, ориентированных на кредит и ответственность отношений собственности.²⁶⁹ Но инфляция сама по себе еще не является проблемой, которая могла бы разрешаться в судах; эволюция экономики и эволюция права - поскольку различаются их коды и вырабатываемые под них программы - идут отдельными путями.

Если на уровне кодов, т. е. в механизме самоварьирования, системы определяются собственным значениям, ибо это определяет их отличие в отношении к другим системам, то на уровне программ системы способны приспосабливаться. Теории, законы права или договоры, программы инвестиций и программы потребления, политические проекты - все они более или менее восприимчивы к своему общественному внешнему миру. И в этих аспектах системы остаются структурно-детерминированными и замкнутыми, ибо лишь они в состоянии устанавливать и применять свои программы. Но в селекции программ, которые служат для селекции операций, системы могут подвергаться раздражениям и влияниям со стороны внешнего мира. Для выражения этого факта часто говорят об "интересах". Итак, стабильность, как всегда, состоит в самом ауто-пойезисе. Речь идет, таким образом, вовсе не о статической, а о динамической стабильности. Способность изменять структуры (прежде всего, программы) - зачастую вопреки сопротивлению собственных организаций - открывает здесь ворота для рестабилизации инноваций, благодаря чему на этом уровне повторяется то же короткое замыкание цепи, которое мы установили применительно к функционально-дифференцированной системе общества: то, что учреждения поддержания стабильности приобретают такую динамику, что одновременно начинают обслуживать и функцию эволюционного варьирования. Именно в этом, видимо, состоит и результат ко-эволюции общественной эволюции и эволюции подсистем: общество не может противиться той скорости (у него ведь нет соответствующего органа), которую диктуют ей функциональные системы.

178

Собственные кодирование и программирование функциональных систем являются одновременно и результатом и условием эволюции. Такое циркулярное

отношение является типическим и неизбежным для представления теории эволюции, но не удовлетворительным в качестве исторического объяснения. Ради последнего следует дополнительно вновь обратиться к тому воззрению, что эволюция зависит от преходящих ситуаций, которые могут использоваться для запуска эволюционных процессов, хотя позднее они исчезают или теряют свое ведущее значение.

Детали эволюции могли бы получить объяснение лишь в подробных исторических исследованиях. Здесь же мы будем довольствоваться лишь некоторыми примерами. Переходу к современному театру во второй половине XVI столетия способствовало книгопечатание, распространившееся благодаря ему и характерное для читающей публики состояние информированности, а также религиозная, политическая и гуманистическая пропаганда, т. е. становящиеся необратимыми изменения в отношении - уже не только придворных - индивидов и территориально государственной политики. Во всяком случае, театр симулирует эту ситуацию посредством теперь уже жесткого, выпуклого разделения сцены и зрительского пространства, а также благодаря сценическому представлению политических тем и политических персон, отданных на произвол своей судьбы. Для возникающей вместе с Ренессансом собственной динамики художественного искусства важнейшим стимулом процесса оказывается повышение оценки социального статуса людей искусства.²⁷⁰ Начало исторической карьеры американской системы массмедиа положили листовки с объявлениями, дополнявшимися идеологически нейтральными "news".²⁷¹ Но ведь для этого сначала должен был возникнуть рынок, свободный от экспансии со стороны общественно-политических интересов. В эпоху раннего Нового времени европейские университеты получают преимущества от перехода от религиозно определяемой к политической, территориально-государственной системе профессионального устройства выпускников, способной предос-

179

тавить большую свободу профессионального образования²⁷²; полезной для них оказалась и произошедшая в XIX столетии переориентация на "единство исследования и обучения", т. е. переход к науке. Система права уже в XI-XII столетиях получает существенную независимость от феодальной системы, которая еще господствует в политике, а также от догматических пре-дустановлений религии - в той мере, в какой оно использовалось в качестве инструмента дифференцирования религии (каноническое право) и политики (земельное право, городские права, феодальные права), а также для выстраивания обширных территориальных организаций господства как церкви, так и новоучрежденных территориально-определенных государств (Англии, Сицилии), и поэтому должно было удовлетворять задаваемым этими процессами требованиям в точности и потенциала трансформации.²⁷³

Тот факт, что в случае утверждения некоторого нового формата аутопойезиса и самоорганизации эволюция способна принимать на вооружение подходящие возможности, которые позднее снова могут уйти в небытие, имеет своим следствием разрушение кругового характера эволюционного объяснения, переводимого таким образом в исторический анализ. Это, конечно же, не означает наличия какого-то автоматизма, прорабатывающего все возможности; и это также не означает, что можно было бы вернуться к чисто нарративной последовательности. Для формулирования этой проблемы уже необходима теория самореференциальных систем и самоэволюционирующих эволюции.

По мере того, как на базе особых функций и кодировок запускаются эволюции подсистем и далее забота об эволюционных изменениях структур препоручается самим системам, которые уже не координированы в их отношении друг к другу, - изменяются и условия, на которые реагирует эволюция общественной системы. То, что общественная эволюция все в большей степени превращается в результат эволюции подсистем, должно влечь за собой существенные следствия. Это, конечно же, не означает прекращения общеобщественной эволюции, ибо

180

подсистемы осуществляют само это (отклоняющееся) воспроизводство общества. Да и в рассмотрении системной референции *общество*, как и прежде, речь идет о языке, о символически генерализированных медиа и об отношении системы и внешнего мира. Ведь то, что наблюдается, суть изменения в семантическом самоописании общества.²⁷⁴ С конца девятнадцатого столетия уже не так смело заявляют о прогрессивном развитии. Сама эволюция, при всех спорах о "социальном дарвинизме", поначалу все еще описывалась позитивными коннотационными структурными признаками (скажем: "выживание наиболее приспособленных"), но как раз это-то допускает теперь лишь идеологические, лишь контroversные обоснования. И за возрастающей неопределенности будущего уже просматривается предзнаменование того, что эволюция эволюции повлечет за собой непредвиденные состояния.

Во второй половине XX столетия общество еще можно характеризовать в его целостности через обращение к специфическим проблемам, возникающим на системном уровне столкновения с внеобщественным внешним миром: с экологическими условиями текущей рестабилизации и со все более своенравными, отчужденными индивидами. От эволюции теперь уже не ждут непрерывного совершенствования в приспособлении. Ведь факты говорят об обратном. Вопрос поэтому может заключаться лишь в том, как общество может сохранить предпосланное состояние приспособленности, которое ему требуется для продолжения своего собственного аутопойезиса в условиях его возрастающей сложности и невероятности. Эволюции подсистем не могут дать ответа на этот вопрос. Они лишь повышают вероятность того, что наука произведет больше знаний, приводящих к еще большей неопределенности; что хозяйство произведет еще больше инвестиционного капитала, который, однако, не будет вложен; что в политике в процессе демократизации и универсализации тем обсуждения возрастет число решений не принимать никаких решений; что право получит обрамление, в котором снова и снова будет обсуждаться и "взвешиваться" то, как оно должно определяться, применяться и долж-

181

но ли применяться вообще. Во всех этих случаях и ускорения, и замедления осуществляются одновременно, препятствуя друг другу так, что синхронизировать процессы становится все труднее. Перспективы юного поколения с долгосрочными ожиданиями от жизни становятся все более расплывчатыми.

В любом случае, приходится отказаться от представления, которое поначалу доминировало в исследованиях модернизации после второй мировой войны, а именно - от представления о том, что тенденции модернизации в отдельных функциональных системах (т. е. в политической демократии; рыночно-ориентированном денежном хозяйстве; правовом государстве; свободном от догматизма научном исследовании; неподцензурных массмедиа, дифференцированном по индивидуальным способностям всеобщем школьном образовании) вызвали сдвиг в развитии, в котором достижения отдельных функциональных систем взаимно поддерживают и подтверждают друг друга. Но более вероятным как раз является противоположный случай. Вслед за Норгардом²⁷⁵ мы уже вели речь о "коэволюции неустойчивости". Можно было бы сказать и о том, что эволюция может подтверждать лишь саму себя.

Все это усиливает впечатление, что все может продолжаться лишь через эволюцию, вопрос, однако, в том - как и куда! Если же на этот вопрос не может быть дан ответ, пусть даже в такой простой схеме как лучше/хуже, то проистекающая отсюда неопределенность становится фактором, который столь же непредсказуемым образом воздействует на эволюцию, причем в самых разных формах, смотря по тому, о каких системах идет речь.

ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛ. XI:

²⁵⁴ Предварительно следовало бы заметить, что этот вопрос должно проверить и применительно к стратифицированным обществам - в аспекте возможности самостоятельной эволюции подсистемы *аристократия*. Ввиду отсутствия достаточно полных исследований я не рискую выносить здесь каких-либо суждений и, в отличие от случая функциональных систем, не могу обратиться к уже осуществленным исследованиям.

182

²⁵⁵ Simmel G. Über eine Beziehung der Selektionslehre zur Erkenntnistheorie. In: Archiv für systematische Philosophie I (1895), S. 34-45. Также многие разрозненные замечания Чарльза Пирса относятся к этой связи. См., например: Peirce Ch. S. Die Architektonik von Theorien. In: Schriften zum Pragmatismus und Pragmatizismus. Frankfurt 1976. S. 266-287.

²⁵⁶ Из новых примеров см.: The Evolutionary Development of Natural Science. In: American Scientist 57 (1967), p. 456-471. Его же: Human Understanding, Vol. I. Princeton 1972. Blachowitz J. A. Systems Theory and Evolutionary Models of the Development of Science. In: Philosophy of Science 38 (1971), p. 178-199. Campbell D. T. Evolutionary epistemology. In: Schlipp P. A. (Ed.) The Philosophy of Karl Popper. La Salle 111, 1974, Vol. I. p. 412-463. Его же: Unjustified Variation and Selective Retention in Scientific Discovery. In: Jose Ayala F. / Dobzhansky (Ed.) Studies in the Philosophy of Biology. London 1974, p. 113-167. Обзор данных концепции смотри также: Radnitzky G. / Bartlett W. (Ed.) Evolutionary Epistemology, Rationality and the Sociology of Knowledge. La Salle 111, 197.

²⁵⁷ Подробно об этом: Luhmann N. Die Wissenschaft der Gesellschaft. S. 549-615.

²⁵⁸ Более раннее обсуждение причин (таксономическая структура, гедонистическое понятие действия), которые подвели экономическую науку к тому, чтобы отклонять эволюционную теорию, можно найти в работе: Veblen Th. Why is economics not an evolutionary Science? In: Quarterly Journal of Economics 13 (1898), p. 373-397. Подлинная причина кроется видимо в том, что до сих еще нет достаточного доверия к рынку как условию возможности рациональных решений.

²⁵⁹ Среди прочего см.: Alchian A. A. Uncertainty, Evolution, and Economic Theory. In: Journal of Political Economy 58(1950), p. 211-222. Перепечатка в книге того же автора: Economics Forces at Work. Indianapolis 1977, p. 15-35. Далее: Penrose E. T. Biological Analogies in the Theory of the Firm. In: American Economic Review 42 (1952), p. 804-819; Spengler J. Social Evolution and the Theory of Economic Development. In: Barringer H. / Blanksten G. I. / Mack R. W. (Ed.) Social Change in Developing Areas: A Reinterpretation of Evolutionary Theory. Cambridge Mass., 1965, p. 243-273.

²⁶⁰ *Вместо этого* бесспорно господствующие теоретические течения полагают возможным обойтись одними редукциями притязаний на рациональность. См., прежде всего: Simon H. A. Models of Man, Social and Rational: Mathematical Essay on Rational Human Behavior in Social Setting. New York, 1957.

183

²⁶¹ Наиболее детальное представление этой теории можно найти в следующем обзоре: Nelson R. / Winter S. An Evolutionary Theory of Economic Change. Cambridge Mass., 1982.

²⁶² См. следующие статьи: Jitendra V. Singh (Ed.) Organizational Evolution: New Directions. Newbury Park Cal. 1990. О внутреннем развитии концепции популяционной экологии также см.: Hannan M. T. / Freeman J. / Jitendra V. Singh (Ed.) Evolutionary Dynamics of Organization. New York, 1994.

²⁶³ См., например: Clark N. / Juma C. Long-Run Economics: An Evolutionary Approach to Economic Growth. London, 1987; Witt U. (Ed.) Explaining Process and Change: Approaches to Evolutionary Economics. Ann Arbor 1992; Hodgson G. M. Economics and Evolution: Bringing Life Back into Economics. Ann Arbor 1993; Leydesdorff L. / Besselaar P. v.d. (Ed.) Evolutionary Economics and Chaos Theory: New Directions in Technology Studies. London 1994. England R. W. (Ed.) Evolutionary Concepts in Contemporary Economics. Ann Arbor 1994; Dosi G. / Nelson R. R. An Introduction to Evolutionary Theories in Economics. In: Journal of Evolutionary Economics. 4 (1994), p. 153-172.

²⁶⁴ О рецидивах возвращения к Ламарку см.: Revue Internationale de systemique. Vol. 7 (5), 1993.

²⁶⁵ Из малоизвестных работ см.: Cairns H. The Theory of Legal Science. Chapel Hill N.C. 1941, p. 29. Далее: Luhmann N. Evolution des Rechts. In: Luhmann N. Ausdifferenzierung des Rechts. Frankfurt, 1981, S. 11-34; Lampe E.-J. Genetische Rechtstheorie: Recht, Evolution und Geschichte. Freiburg 1987; Teubner G. Recht als autopoietisches System. Frankfurt 1989, p. 61.

²⁶⁶ Скучные и всегда запаздывающие реконструкции в позднемарксистских "рассуждениях о государстве" (Parijs Ph. v. Evolutionary Explanation in Social Sciences: An Emerging Paradigm. London 1983, p. 174.) в лучшем случае иллюстрируют типичные источники возникающих концепций - крушения более претенциозных предшествующих теорий. В тесном сопряжении с теорией общества также см.: Wimmer H. Evolution der Politik: Von der Stammesgesellschaft zur modernen Demokratie. Wien, 1996.

²⁶⁷ См. пятую главу второй книги [Луман Н. Общество общества, кн. II: Медиа коммуникации. М. 2005].

²⁶⁸ Но именно этот пример все-таки учит тому, что разделение медиа-кодировок не обязательно должно предполагаться как явное эволюционное достижение. Следует, прежде всего, вспомнить о воздействиях современных массмедиа, в особенности -

184

телевидения, на практику судебных решений. Наряду с некоторыми предшествующими процессами (процесс Родни Кинга), пищу для размышлений дает, прежде всего, скандальный процесс против О. Дж. Симпсона, воздействие которого на американскую практику суда присяжных едва ли можно переоценить.

²⁶⁹ Ср.: Palmer R. C. The Origins of Property in England. In: Law and History review. 3, 1985. p. 1-50; того же автора: The Economic and Cultural Impact of the Origins of Property 1180 - 1220. In: Law and History review. 3, 1985. p. 375-396.

²⁷⁰ Так, по крайней мере, в работе: Disselbeck K. Die Ausdifferenzierung der Kunst als Problem der Ästhetik. In: Berg H. d. Prangel M. (Hrsg.) Kommunikation und Differenz: Systemtheoretische Ansätze in der Literatur- und Kunstwissenschaft. Opladen 1993. S. 137-158. В других аспектах см.: Luhmann N. Die Kunst der Gesellschaft. Frankfurt 1995, S. 256.

²⁷¹ См.: Schudson M. Discovering the News: A Social History of American Newspapers. New York 1978.

²⁷² Stichweh R. Der frühmoderne Staat und die europäische Universität: Zur Interaktion von Politik und Erziehungssystem im Prozess ihrer Ausdifferenzierung (16.-18. Jahrhundert), Frankfurt 1991.

²⁷³ См.: Berman H. J. Recht und Revolution: Die Bildung der westlichen Rechtstradition. Frankfurt 1991.

²⁷⁴ Мы вынуждены заранее обратиться здесь к этой теме, подробное изложение которой осуществлено в пятой книге [ОО, кн. V: "Самоописания"].

²⁷⁵ См. выше прим. 41.

ХII. ЭВОЛЮЦИЯ И ИСТОРИЯ

Теория эволюции описывает системы, которые каждое мгновение воспроизводятся в виде множества отдельных операций и при этом используют или не используют, изменяют или не изменяют структуры. Все это происходит в некоторой современности и в некотором одновременном ей (и поэтому не допускающем воздействия на него) наличествующем мире. Для своего оперативного воспроизводства такого рода система поначалу не нуждается в какой бы то ни было истории. Мне, например, в процессе написания этой книги достигшего этого места, достаточно подобрать следующее предложение. *Вот и оно.*

Итак, теория эволюции, как и теория систем, исходит из того, что несчетные операции (счет явился бы уже следующей операцией) протекают одновременно и благодаря тому, что продуцируют и дальнейшие операции, которые воспроизводят систему. Особый интерес теории эволюции направлен на отклоняющееся воспроизводство как условие структурных изменений. Сначала это не имеет ничего общего с историописанием, что объясняет тот факт, что на протяжении истории науки эволюционизм и историцизм находились в состоянии войны.²⁷⁶

Следует признать различность этих перспектив, но в борьбе между ними нет необходимости. Стиль работы историка отмечен, прежде всего, тем, что в прошлом он ищет *новых* знаний (вместо того, чтобы ритуальными контактами лишь поддерживать воспоминания). Повествование они объединяют с каузальным объяснением, при условии его адекватности обнаруженным источникам. С этим не может, да и не желает конкурировать ни одна теория общественной эволюции. Для социологического стиля рассмотрения и, в особенности, для системно-теоретического анализа каузальные объяснения оказываются настолько сложными, что на уровне всеобщих теоретических высказываний

186

они не очень-то облегчают жизнь, а для повествований у социологов отсутствует талант импровизации. Это особенно важно, поскольку система общества должна постигаться как самореференциальная система (как нетривиальная машина в смысле Хайнца фон Ферстера²⁷⁷), в которой трансформации не просто лишь происходят, но и наблюдаются, т. е. их осуществление обсуждается в коммуникациях; причем с тем следствием, что образуются (пусть даже и неадекватные) интенции, пытающиеся воспрепятствовать или содействовать изменению.²⁷⁸ Соответственно, теория общественной эволюции не может быть теорией, каузально объясняющей протекание истории или даже хотя бы известных событий. Представление о времени должно лишь предуготовлять теоретическую схему для исторических исследований, которая при благоприятных обстоятельствах может приводить к ограничению возможных каузально-релевантных причин. И все же гипотезы о таких переходах в приложении к определенным историческим ситуациями еще только должны быть развиты. Они не могут ни выводиться из эволюционной теории, ни - в виде соответствующих генерализаций - "верифицировать" эволюционную теорию. Ведь эволюционно-теоретическая схема различения "варьирование-селекция-рестабилизация" конструируется циркулярно. Всякий исторический анализ должен все-таки исходить из определенных ситуаций и вырабатываться в целях эволюционно-теоретического

объяснения того, как в данных ситуациях воздействуют друг на друга возможности и их ограничения.

Проиллюстрируем это на одном примере. В исторической и социально-научной литературе, обращенной к исследованиям намечающегося в Средневековье особого пути Европы, соперничают теории, выделяющие в качестве факторов возникновения современного общества либо религию, либо хозяйство, либо политическое государственное образование или право. Очевидно, что в ретроспективном рассмотрении утверждается схема дифференциации функциональных систем. Если утверждают о наличии какого-то первичного фактора, то, признавая релевантность остальных, соподчиняют их ему. Валлерстайн, на-

187

пример, рассматривает сегментацию мира европейских государств как следствие международного разделения в сфере экономики.²⁷⁹ Вебер выводит первичность религиозной ориентации из потребности в легитимации высвобождающихся экономических мотиваций.²⁸⁰ Более современные авторы возвращают примат политике и усматривают решающий фактор в пре-пятствовании образованию царств [азиатского типа] и в сегментарном, территориально-государственном порядке политического контроля над применением насилия.²⁸¹ На том же основании и более раннюю отдифференциацию систематизированной правовой культуры называют специфической европейской особенностью, состоящей в порождении отклоняющегося.²⁸² До тех пор, пока предлагаются подобные теории первичных факторов, будут продолжаться и эти контroversы. В методологическом плане здесь следует обратить внимание на то, что из этих разнообразных источников можно позаимствовать множество убедительных аргументов, но они-то как раз и не подтверждают гипотезу одного особенно важного фактора. И в теоретическом плане еще остается вопросом, является ли вообще сколько-нибудь осмысленным сведение перехода к функциональной дифференциации (если речь идет именно о ней) к -всегда исторически-относительному - доминированию той или иной функциональной системы.

Теория общественной эволюции отказывается от каузальных объяснений (или же ограничивает их самыми незначительными секторами общеобщественной эволюции). Каузальную схему она заменяет положением о круговых эволюционных условиях.²⁸³ Во всякой исторической ситуации общество само дано как не-тривиальная, историческая машина, которая запускает процесс варьирования, селекции и рестаблизации сообразно наличествующему в данный момент положению вещей. Здесь важно лишь то, чтобы эволюционные механизмы могли бы отделяться друг от друга, а это требует некоторой минимальной сложности системы. В результате благодаря этому возникает тенденция к усилению отклонений, в рамках которой - продолжим наш пример - ранние территориально-государствен-

188

ные организации (скажем, норманнские государства Англии и Сицилии или же итальянские республики) могли воспользоваться инструментами права, которые одновременно задействовали и церковь в ее борьбе с теократическими амбициями императоров [Священной Римской] Империи и существенным ростом их влияния были обязаны случайному открытию римских текстов, дальнейшей их шлифовке в целях образования. В развитии денежной экономики (скажем, кредитного дела) задействуются те же самые инструменты, которые, однако, в ходе первой денежной инфляции в Англии на пороге XIII века одновременно освобождают понятие собственности от его привязанности к феодально-правовым началам.²⁸⁴ Многое при этом зависит от - функционирующей не только в городах - территориально-государственной юрисдикции (в том, например, что касается кредитов, обеспечиваемых землей), а значит и от консолидации политического контроля над территорией, который, со своей стороны, воздействует не настолько широко, чтобы быть в состоянии регулировать и торговлю. Поэтому для этих ранних форм функциональной дифференциации, видимо, оказывается типичным то, что эволюционные достижения весьма специфического вида развиваются в сфере притяжения отдельных функций и воздействуют на другие возможности эволюции в качестве случайностей, которыми можно воспользоваться в данной исторической ситуации.

Другими словами, эволюционная теория подчеркивает эту скорее невероятную -

подхватывающую случайные возможности - тенденцию в направлении к структурным изменениям, которые, с точки зрения целого, эти невероятные импульсы через их встраивание в системы трансформируют в вероятности сохранения и упорядочивания этих возможностей. В любом случае, ни одно историописание не может обходиться без представления о структурных изменениях. Оно, следовательно, должно будет консультировать и эволюционную теорию, так что вопрос может состоять лишь в том, способен ли аналитический потенциал эволюционной теории развить потребности исторического исследования в источниках и его склонность ставить

189

эмпирически безответные вопросы настолько широко, чтобы на этом обходном пути уже не могло возникнуть представления о некоторой осмысленной, когерентной истории, объясняющей прежние события событиями предыдущими. Но историки и так уже отвернулись от представления о некоторой "универсальной теории".

История возникает в том случае, если общественно значимые события наблюдаются в аспекте дифференции *прежде* и *после* (т. е. именно как события или более точно - как вехи). Она, далее, предполагает, что выявившаяся благодаря этому дифференция во времени не просто может быть разложена через де-идентификацию в том смысле, что *прежнее* общество есть некоторое другое, отличное от более *позднего*. Так, Персидские войны заставляли греков осознавать их идентичность и до, и после [их фактического начала], - а именно такую идентичность, которая приводит к единству многообразия городов. Это документирует начало западного историописания. События, составляющие историю, могут затем постепенно превращаться в структурные изменения системы - скажем, речь здесь может идти о великих политико-экономических реформах в древней Греции и Риме, или о провозглашении религиозной реформы, которая, ввиду оказанного ей сопротивления, в исторической ретроспективе становится откровением новой религии. Во всяком случае, дифференция *прежде* и *после* дает возможность маркировать единство дифферентного. Даже революции Нового времени способны были делать историю именно в такой манере - как успех ради людей или как успех тех или иных идей.

В древнем мире наличествовала возможность удостоверения этой дифференции *прежде* и *после* в горизонтах самого времени, а именно - с помощью различения мимолетного времени и вечности.²⁸⁵ Как *вечность* можно было характеризовать одновременную всем временам позицию, с которой Бог наблюдает людей и их историю, причем возникновение этой дифференции (а значит, возникновение времени как одной из сторон этой дифференции) объяснялось отпадением от Бога, грехопадением-

190

ем.²⁸⁶ Вневременное время - т. е. вечность - и содержит тогда собственный смысл истории и одновременно достоверность того, что все протекает так, как этого желает Бог.

С переходом к обществу Нового времени такое удостоверение смысла событий во вневременной вечности теряет силу. В семнадцатом столетии на его месте возникает представление о "conservatio" как естественном результате естественных процессов. Другая точка зрения (в "Потерянном рае" Мильтона) допускает, что смысл истории должно объяснять человеку (Адаму, читателю) из самой истории; ведь Адам не в состоянии наблюдать начало и пока не видит конца, но уметь ориентироваться он должен уже теперь. Восемнадцатое столетие реагирует на это новым осмыслением исторического времени и истории, причем история сама вступает в историю и во всякое время должна писаться снова.²⁸⁷ Времени истории уже чрезвычайно мало как для того, что хотелось бы совершить в настоящем, так и для того, что необходимо совершить, чтобы суметь выстоять перед будущим. Век девятнадцатый сталкивается с той же проблемой и отчасти разрешает ее, с одной стороны, представлением о неповторимых исторических процессах, или об "индивидуальных законах" истории²⁸⁸, с другой - теорией эволюции. Эту ситуацию не удалось преодолеть и к концу нашего столетия.

Этот вопрос мы еще подробным образом обсудим в анализе самоописаний современного общества (пятая книга "Общества общества" ["Самоописания"]). В данный момент будет достаточно указать на те проблемы, которые возникают, если теория эволюции притязает на статус теории истории. Ожидание от теории эволюции способностей к смыслообразующему толкованию единства этой дифференции

перегружает данную теорию. Ее собственные достижения состоят в теоретической спецификации проблемы трансформации структур. Она не предлагает и теории исторического процесса, не говоря уже о сколько бы ты ни было содержательном указании направлений - скажем, в смысле концепций прогресса или упадка. Она не дает справок о будущем - не успокаивает и не волнует. Если она все-

191

таки и способна внести вклад в самописание современного общества, это возможно лишь в тесном союзе с теорией систем и теорией коммуникации. Лишь такая комбинация теории способствует развитию исторически плодотворных постановок вопросов. Лишь так могут воплотиться в жизнь притязания на достаточно сложный инструментальный анализ и на понятийную точность. И лишь так возможна реализация *специфического научного* подхода к самописанию современного общества, который может апробироваться и в самой науке, т. е. проверяться на соответствие исследовательским критериям. Да и безотносительно к эволюционной теории: всякая теория истории ведет к новой организации потребности в [исторических] данных. Эта потребность поначалу является независимой от состояния источников, ведь она вытекает из самой теории. Это может приводить историков в отчаяние или же требовать отказа от теории. Применительно к социологии истории общества эта проблема ставится иначе.

Для нее не характерны намерения писать историю или производить достаточную когерентность в связи событий. Ее проблема в том, чтобы ни одна теория общества не могла выводить за скобки временное измерение или как-то им пренебрегать. Социологии теории общества известно, что все системы, осуществляющие "повторное вхождение" различия системы и внешнего мира в эту систему, нуждается в "функционировании памяти", которая делает известным настоящее как результат неизменной истории. Ей безразличны когерентность событий, ей важна консистенция теоретического аппарата теории общества. Пример такой постановки вопроса мы дали в объяснении связей эволюционной теории и теории систем. Как следствие - возникает существенный дефицит данных с соответствующими трудностями их верификации. Но это-то и предоставляет широкий спектр возможностей по-новому интерпретировать источники.

192

ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛ. XII:

²⁷⁶ Это разграничение отвечало, прежде всего, требованиям теории истории. См.: Collingwood R. C. The Idea of History. Oxford 1946. Для работы характерно субъективное, неокантианское понимание истории.

²⁷⁷ См.: Foerster H. v. Prinzipien der Selbstorganisation im sozialen und betriebswissenschaftlichen Bereich. In: Foerster H. v. Wissen und Gewissen: Versuch einer Brücke. Frankfurt 1993. S. 233-268 (247).

²⁷⁸ См. в том числе и: Baecker D. Nichttriviale Transformationen. Ms. 1994.

²⁷⁹ Wallerstein I. The Modern World-System: Capitalist Agriculture and the Origins of the European World-Economy in the Sixteenth Century. New York 1974.

²⁸⁰ Weber M. Die protestantische Ethik und der "Geist" des Kapitalismus. In: Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik. 20 (1904), S. 1-54; 21 (1905), S. 1-110. Я указываю здесь на исходный текст, послуживший началом необозримой дискуссии.

²⁸¹ Hall J. A. Powers and Liberties. The Causes and Consequence of the Rise of the West. Berkeley 1986. Mann M. States, War, and Capitalism: Studies in Political Sociology. Oxford 1988.

²⁸² Bermann a. a. O. 1991.

²⁸³ Мы намеренно не говорим о "взаимодействии", ибо это смешало бы обе эти теоретические формы и, кстати, потребовало бы абстрагироваться от времени.

²⁸⁴ См. выше прим. 269.

²⁸⁵ Конечно же, далеко не все высокие культуры формулировали это столь важное для Европы временное различие. Здесь стоит вспомнить и о том, что греческое слово *aion* первоначально означало то же самое, что и *жизненная сила*. Ср. Degani E. AION da Omero ad Aristotele. Padova 1961. В эпоху Ренессанса этот смысл вновь выходит на первый план. "*Chi ha tempo ha vita*" - пишет Botero G. Delia Ragion di Stato. Venezia 1589. Bologna 1930, p. 62. Правда, здесь это относится к необходимости выигрыша во времени для умного распоряжения вскрываемыми обстоятельствами. Следовательно, пребывание в тождественном состоянии в процессе меняющихся событий и обстоятельств не имело с необходимостью религиозной отсылки к вечности ("aeternitas").

²⁸⁶ Следует учитывать космологическое, а не одно лишь моральное измерение этого первого события, этой первой творящей историю дифференции *прежде и после*. Оно, кстати, объясняет, что долж-

193

ны существовать первородные грехи, каким бы непонятным и ни было это для того, кто мыслит в стиле индивидуалистической морали Нового времени. (Об этом см. "Письма с Земли" Марка Твена)

²⁸⁷ Koselleck R. Geschichte. In: Geschichtliche Grundbegriffe. Bd. 2, Stuttgart 1975, S. 593-717.

²⁸⁸ Simmel G. Das individuelle Gesetz. Frankfurt 1968.

ХІІІ. ПАМЯТЬ

Применяемая далее теория эволюция работает так, как будто бы наблюдение общества извне является возможным. Это, вероятно, связано с ее происхождением из области биологических исследований. Но и социологи представляют научные притязания своей дисциплины зачастую так, как будто бы они были бы в состоянии наблюдать общество извне или, во всяком случае, способны достигать "интерсубъективной" согласованности и, вместе с тем, учитывать то, что - и как именно? - коммуникация их наблюдений воздействует на общество. Историки принципиально признают, что всякое историописание осуществляется в непрерывной и продолжающейся далее истории; однако их понятием для самореференции была и остается *история*, а не *общество*. Поэтому они могут довольствоваться работой с временными изложениями истории, которые хотя и не исходят из конца истории, но проистекают, скорее, из актуального состояния знания. Социология теории общества подвергает ревизии это допущение, т. е. должна еще раз его пронаблюдать. В пятой книге мы еще раз поговорим подробно о том, что - и как именно? - это общество наблюдает и описывает само себя. В данный момент речь идет лишь о вопросе, как общество повторно вводит свою эволюцию в эволюцию, т. е. -о том вопросе, какую роль в эволюционных трансформациях играет тот факт, что эти трансформации наблюдаются и комментируются.

Мы уже неоднократно подчеркивали, что эволюционная теория не выявляет никаких каузальных рядов (хотя она и не исключает появления наблюдателей, полагающих, что они зафиксировали связи между причинами и следствиями). Теперь сюда же добавляется и то, что и некоторая дальнейшая форма обычного исторического изложения континуальности не может под-

195

тверждаться эволюционной теорией, а именно то допущение, что нововведения утверждают себя, эксплицитно *противопоставляя себя* наличным структурам, и благодаря этому как бы запускают некоторый исторический процесс. Ведь и это предполагало бы наличие наблюдателя, выбирающего некоторые различия из множества других, т. е., скажем, утверждающего о некотором восходящем социальном слое, который сам себя отличает в его движении в направлении вверх и в направлении вниз. Ни в коем случае не может оспариваться, что относящиеся ко времени различия, скажем - *старое и новое, прежде и позже*, действительно имеют место. Но именно здесь требует прояснения то, почему определенные различия вообще получают предпочтение, а другие - нет. Для этого нам требуется теория, которая могла бы выйти за пределы чистого наблюдения и объяснения континуальностей и дисконтинуальностей, устойчивых воздействий или маркированных разломов и была бы способна поставить вопрос о том, как возможно осуществлять подобные различия в рамках некоторой уже эволюционирующей системы, и о том, от чего могло бы зависеть, что такие различия осуществляются именно данным, определенным, а не каким-то иным образом.

Это, прежде всего, предполагает, во-первых, то, что такая система способна отличить саму себя. Если, далее, сложность системы общества допускает повторное вхождение используемых системой различий в то, что было благодаря им отличено, система становится непрозрачной и для самой себя.²⁸⁹ Она уже не может адекватно наблюдать себя посредством операций, которые порождают и изменяют ее собственное состояние. Особенно драматично это проявляется во временном измерении, и именно потому, что сложность должна все больше "темпорализоваться", т. е. выстраиваться в виде

последовательности и редуцироваться. Это всего лишь другая формулировка для ставшего уже привычным тезиса, что ни одна система не может контролировать свою собственную эволюцию. *Вместо этого* [контроля] система в тех или иных своих актуальных (в тех или иных осовремененных) операциях использует
196

еще дополнительное приспособление, которое мы (вслед за Спенсером Брауном) можем назвать *памятью*.¹⁹⁰ В любом случае, система, которая стремится зафиксировать исторические причины своего современного состояния или обозначить свое отличие от более ранних состояний, скажем как "модерное", нуждается в памяти, чтобы уметь перерабатывать эти различия.²⁹¹ Но что же такое память?

О памяти здесь не следует говорить в смысле возможного возвращения в прошлое, но также речь не может идти и о накоплении данных или информации, которые при необходимости можно будет востребовать.²⁹² Речь, напротив, всегда идет о -задействуемой исключительно в современности - функции, тестирующей все актуализирующиеся операции на предмет их консистентности с тем, что в системе конструируется как реальность. В нашей тематической области эти операции представлены коммуникациями. Речь, следовательно, идет не о нейробиологических изменениях состояний мозга и также не о том, что осознают отдельные сознания. Функция памяти состоит именно в том, чтобы гарантировать границы возможных проверок консистентности и одновременно снова высвободить потенциалы переработки информации, открывая систему для новых раздражений. Главная функция памяти состоит, таким образом, в забвении, в препятствовании самоблокированию системы через окостенение результатов прошлых наблюдений.²⁹³

Забвение не должно постигаться как своего рода утрата доступа к прошлому; ведь это предполагало бы принципиальную обратимость времени. Позитивная функция забвения вытекает из того, что время проявляется как необратимое и одновременно как кумулятивное.²⁹⁴ Взаимосвязь этих обеих разновидностей времени должна как поддерживаться, так и прерываться, и именно в этом-то и состоит функция памяти или, выражаясь более точно - двойная функция забвения и воспоминания. Без забвения не было бы ни обучения, ни эволюции. В непрерывном и все новом пропитывании (Reimpregnierung) (психологи зачастую говорят о "все новом подкреплении") эта двойная функция уже изначально является встроенной в систему: с од-

197

ной стороны, благодаря повторению коммуникации, ее словоупотребления, ее референций конструируется компактное впечатление известности, близости и, с другой стороны, тем самым передается забвению то, как это было раньше, то, какими новыми, поразительными, незнакомыми представляли известные впечатления, требования или раздражения. Само повторение порождает воспоминания *вместе с* забвением. Но речь при этом всегда ведется о предпосылках той или иной актуальной операции, а не о скачках во времени назад и вперед. Так, в шахматной игре можно исходить из настоящего положения фигур на доске и не вспоминать о том, как были достигнуты данные позиции. Так, шахматные задачи публикуются в газетах вне контекста истории игры. Игра приобрела бы чрезмерную сложность, если для ее продолжения потребовалось бы воспоминание истории этой игры, хотя сохранение в памяти последних ходов противника в их последовательности может оказаться полезным для разгадывания его стратегии. Этот пример показывает, что современности в весьма широком объеме достаточно в качестве репрезентации прошлого. Но это есть в высшей степени стилизованный граничный случай, на котором можно постичь то, в какой степени забвение делает возможным преодоление сложности. Уже в простейших языковых играх ситуация меняется. Невозможно просто подойти и вступить в уже текущую беседу, не сумев интегрироваться в историю интеракции или ее отгадать. Некоторый разговор не может постоянно сам себя забывать. Но это влечет за собой последствия для

сложности и - возможно - для относительной нерегулированности системы.

Если современность приходится принимать как затвердевшее прошлое, то в целом этого оказывается достаточно - при условии, что идентичности (в наших примерах - возможности различных фигур ходить так или иначе; возможности словоупотребления) в достаточной степени гарантируют, что забытое, лишь в виде современности наличествующее прошлое может сопрягаться с будущим. Идентичности - это особые достижения разгрузки памяти. Лишь в исключительных случаях на-

198

блюдения конденсируются в идентичности так, чтобы ими можно было воспользоваться повторно. "Объекты" возникают лишь как исключение в процессе рекурсивных операций системы - как системно-специфические "собственные значения", по которым система может наблюдать стабильность и изменение.²⁹⁵ Итак, торможение забвения возможно лишь в исключительных случаях. Да и воспоминания снабжаются временным индексом лишь в чрезвычайных обстоятельствах, что препятствует тому, что чересчур гетерогенный материал порождает слишком много противоречий - как устойчивое свойство объектов. Таким образом, лишь в исключительных случаях - через маркирование времени на прошлое/будущее или даже через датирование - собственные значения системы разлагаются до такой степени, что возникают темпоральные объекты, ограниченные во времени единства, эпизоды и тому подобное, актуальность которых в настоящем может потом еще раз подвергнуться фильтрованию.

Но современность поэтому есть всего лишь различие прошлого и будущего. Она не является каким-то самостоятельным этапом времени, но занимает лишь столько операционного времени, сколько нужно для того, чтобы наблюдать различия в во временных горизонтах прошлого и будущего (безотносительно к какому-либо предметному аспекту). Если память может осуществлять свою функцию лишь в актуальных операциях, т. е. лишь в современности, то это означает и то, что она имеет дело с дифференцией прошлого и будущего; что она управляет этим различием - а вовсе не оперирует односторонним образом, соотносясь с одним лишь прошлым.²⁹⁶ Можно утверждать и то, что память контролирует сопротивление операций системы операциям системы. Своими проверками консистенции она твердо фиксирует то, что после переработки этого внутреннего, самоорганизованного сопротивления предстает в системе как "реальность" (в смысле "res"). И это в свою очередь означает, что память контролирует то, из какой реальности система всматривается в будущее.

Можно ли представить себе это несколько точнее?

199

Дальнейший шаг состоит в выделении тезиса, что трансфертная функция памяти соотносится с различиями. Или, выражаясь точнее - с обозначением чего-то в его отличие от другого. Соответственно, память оперирует благодаря тому, что было успешно обозначено, и в тенденции ведет к забвению другой стороны этого различия. Она, правда, способна и различия, скажем, доброго и злого, маркировать как формы; однако потом все же проявляется тенденция забывать то, от чего было отличено это отличие. Своеобразие такой дискриминации в схеме забвение/воспоминание не в последнюю очередь обусловлено языком и поэтому является особенностью социальных систем. Благодаря субъектно-предикатной структуре нашего языка, правда, не исключается та возможность (хотя она и обременена существенными неудобствами), что все компоненты предложения постоянно сопровождалась бы упоминаниями того, от чего они отличены. Уже воспринимающее сознание с большим предпочтением вспоминает вещи и события, нежели менее отчетливые окружения, в которые они были интегрированы во время восприятия; а если и вспоминает эти контексты, то именно такую организацию сложности, дальнейшие сопряжения с которой уже утеряны. Это подтверждается и тем, что вещи, которые вспоминаются осознанно, или те темы, к которым коммуникация может возвращаться, благодаря их идентификации высвобождаются из их

контекстов и могут кон-фирмироваться как ценные для повторения, в то время как конкретные ситуации никогда не повторяются. И все эти процессы имеют место несмотря на то, что без различения невозможно никакое обозначение, никакое выделение и никакое наблюдение.

Такое затемнение фона различений, с помощью которых система осуществляет наблюдения, делает понятным, как задействованная здесь память различает и сопрягает прошлое и будущее. Если в сфере прошлого это различение само остается немаркированным (что, как сказано, относится и к различению различений), то в сфере, функционирующей в качестве будущего, это различение используется для того, чтобы сделать возможным осцилляцию, пересечение внутренней границы.²⁹⁷ Так,

200

к примеру, поскольку до сих пор во внедомашних ("политических") делах речь эксплицитно или имплицитно всегда велась лишь о мужчинах, могло быть спроектировано будущее, в котором помнят, что мужчин следует отличать от женщин и что внутри этого различения возможно пересечение границы туда и обратно, т. е. некоторая осцилляция. Соответственно, в современности память функционирует как воспоминание различения или как замена различения мужчина/немаркированное различием мужчина/женщина или же как вычленение этого различения из контекста различения полис/ойкос (см. платоновскую "общность женщин"), благодаря чему обретается прошлое, которое предуготовляет будущему свободное пространство для осцилляции.

Память не является системой, ибо система уже должна быть запущенной, чтобы мочь что-либо припомнить; а следовательно, даже и вспомненное прошлое не является прошлым системы. Внешний наблюдатель всегда может дополнительно сконструировать некоторое другое прошлое или же обходиться с припомненной системой прошлым как с фикцией. Логика и лингвисты (как внешние наблюдатели) испытывают искушение различить здесь "уровни" и наложить заповедь несмешения; в данной перспективе больше чем где-либо еще эти действия приобретают известную убедительность, поскольку память сама на основе достижения забвения поднимается над уровнем системных операций.

Мы нуждаемся в такого рода всеобщей - отвечающей и математическим, и нейрофизиологическим, и психологическим целям - теории памяти для постановки вопроса о том, как функционирует память общества и его подсистем. Речь при этом не идет о так называемой "коллективной памяти", которая сводится лишь к тому, что системы сознания, если они оказываются в схожих социальных условиях, вспоминают о приблизительно сходных ситуациях.²⁹⁸ Социальная память - это вовсе не то, что оставляют после себя коммуникации в виде следов в индивидуальных системах сознания.²⁹⁹ Речь здесь, скорее, идет о собственном достижении коммуникативных операций, об их собственной неизбывной рекурсивности. Благодаря уже одному

201

тому, что всякая коммуникация актуализирует определенный смысл, репродуцируется и социальная память; предполагается, что эта коммуникация может начать работу со смыслом уже в какой-то степени ей известным, что, вместе с тем, благодаря его повторному задействованию она обращается к одним и тем же референциям, и что такое обращение повторится и в будущем.³⁰⁰ Это непрерывное пропитывание пригодного для коммуникации смысла и соответствующее забвение предполагают задействование систем сознания, но являются независимыми от того, что вспоминают отдельные индивиды и как они, подстегиваемые своим соучастием в коммуникации, освежают свою память. Этим индивидам, другими словами, открывается возможность связывать идентичные темы с весьма различными воспоминаниями и тем самым, словно случайно, воздействовать на социальную коммуникацию. Социальная память, правда, не могла бы функционировать, если бы не существовало никаких систем сознания, обладающих памятью (подобно тому, как системы сознания, со своей стороны, зависят от нейрофизиологически репродуцируемых достижений памяти); но

социальная память не базируется на достижениях памяти систем сознания, поскольку последние слишком различны и не могут приводиться к одному знаменателю в ходе коммуникации. Можно, правда, предположить, что пространство вариаций социальной эволюции было бы ограниченным, если индивиды обладали бы слишком сильно выраженным коллективным сознанием и коммуникации было бы предпослано достаточное количество сходных воспоминаний у всех ее участников. Ведь это как раз и затрудняло бы объяснение того, как вообще является возможным эволюционное варьирование и как социальная коммуникация разделяет воспоминание (прошлое) и осцилляцию (будущее).

Всякое общество зависит от собственной, самопроизведенной, задействованной во всех операциях памяти; ибо никакое общество не могло ставить продолжение собственных операций в зависимость от того, чтобы сначала проявлялось (но как же иначе, кроме как через коммуникацию?) то, что дано участ-

202

никам коммуникации - нейropsychологически или психически - как известное, как знакомое либо как факт прошлого. Бесписьменные общества держались за "объекты" или "за квазиобъекты".³⁰¹ Под последними не подразумеваются ни темы коммуникации, которые от случая к случаю отчетливо проговариваются, ни чистая материальность ситуаций в окружающем мире. Речь, напротив, идет об установлениях смысла и правильных формах предметов (домах, орудиях труда, местах, путях или именах природных объектов, впрочем, как и людей), к которым коммуникация может себя относить, не возбуждая сомнений в том, что имеется ввиду и как с этим обращаться. Функция памяти выражена в допущении, что будто бы наличествуют "правильные" формы и "правильные" имена и что будто бы знание имен давало бы власть над объектами. Орнаменты могут подкреплять такие обозначения и подводить к управлению психическим вниманием. Кроме того, существуют и "квазиобъекты": это ритуалы или празднества, или рассказываемые мифы, т. е. инсценировки, специальная функция которых состоит в том, чтобы обеспечивать операции системы памятью, причем непредсказуемым образом. Ведь - ныне уже основательно изученные - нарративные традиции бесписьменных обществ тоже служат не для трансляции знания, а для говорящей/ слушающей настройки на что-то такое, что уже известно и вновь актуализируется как воспоминание. Необходимые для этого мнемонические способности певцов-сказателей, в свою очередь, привязаны к форме коммуникации, к ритмике, музыке, формализмам, предуготовленным и уже ритмически согласованным фразам, инсценировкам и тому подобному и вне коммуникации даже не могут достичь сознания.

Память такого рода существует уже задолго до изобретения письменности.³⁰² Память более ранних обществ - это, прежде всего, топографическая память.³⁰³

Топографической памяти оказывается достаточно, пока проблема заключается лишь в подготовки сцен для воспроизводимых действий (скажем, священные места или храмы для отправления культов). Она предуготовляет места, и среди них - строения, которые делают воз-

203

можными и разделяют интеракции.³⁰⁴ В этом состоит - предпосланная как известная - структура, которая регулирует встречи и их избежания.

Одновременно все это определяет отграничение собственной области, некоторой освоенной "цивилизации", в противоположность остающемуся неизвестным и поэтому "диким" внешнему миру, а не объективировавшиеся события могут быть преданы забвению. Поскольку эта известность (как и память вообще) функционирует без привлечения внимания, особой проблемой остается лишь личное желание не быть забытым. В Месопотамии оно поначалу было адресовано богам, а позднее - потомкам.³⁰⁵ Письменность лишь дополняет память, привязанную к объектам, более мобильной памятью, которая может непрерывно порождаться заново, однако при записывании требует принятия решений о выборе между забвением и запоминанием, для чего далее должны быть развиты критерии

и способы контроля.

Ни бесписьменные, ни письменные общества не были способны полностью постичь свою зависимость от самопорожденной памяти, хотя и произвели из себя высокоразвитый культ памяти и соответствующие техники запоминания-обучения. Лишь в современном обществе возникает достаточно общее понятие культуры, которое годится для того, чтобы отличать социальную память от других социальных функций.³⁰⁶ Не имея в распоряжении достаточно развитой теории памяти, Т. Парсонс предложил ряд интуитивных перспектив. В его теории общей системы действия была предусмотрена функция "поддержания латентных образцов", где латентность означала, что упорядочивающий образец должен сохраняться и передаваться в традиции даже и в том случае, если он в данный момент не актуализирован. По мнению Парсонса в осуществлении этого и состоит задача культурной подсистемы системы действия. Согласно этому подходу, культура должна была уже существовать с момента начала образования общества, так что проблема лежит лишь в том, что - и как именно? - в ходе эволюции возникла дифференциация системы культуры и соци-

204

альной системы с их различными вкладами в обеспечение возможности действия.³⁰⁷ Понятие культуры все же не объясняет достаточно четко, как реализуется эта функция наведения мостов. И именно ради этого следует вернуться к теории памяти, в связи с чем потребуются ответ на вопрос о том, какое дополнительное преимущество состоит в обозначении социальной памяти как культуры.

Поэтому мы меняем постановку проблемы и задаемся вопросом о том, почему общество изобретает понятие культуры для обозначения своей памяти. Понятие культуры является как раз историческим понятием³⁰⁸, а модерному обществу следовало бы уяснить себе, когда и почему оно ввело это понятие: предположительно, ради того, чтобы переструктурировать свою память и приспособить ее под требования современного, высоко-сложностного общества, обладающего собственной динамикой.

Ведь о "культуре" как о некоторой самостоятельной предметной области, в отличие от "природы", начинают вести речь лишь со второй половины XVIII века³⁰⁹, а именно - реагируя на возрастающее число универалистских, исторических и региональных сравнений, которые вбирают в себя и крайние случаи ("дикие", добиблейские времена) и подготавливают материал с точки зрения "культуры", без которой люди не могут обойтись. И до сих пор не удалось четко отграничить подразумеваемую здесь область феноменов, скажем - семиотических, относящихся к "знакам" вообще, или социологических, относящихся к "действию"³¹⁰. Это могло бы послужить указанием на то, что культура в действительности как раз и является памятью общества, т. е. оказывается фильтром забвения/запоминания и задействованием прошлого для определения рамок варьирования будущего. Это могло бы объяснить, что культура не постигает себя как лучшая из всех возможностей, но дирижирует возможностями сравнения и тем самым одновременно искривляет взгляд на другие возможности. Культура, другими словами, препятствует осмыслению того, что можно было бы совершить вместо чего-то привычного. Изобретение особенного понятия поэтому было обязано ситуации настолько возрос-

205

шей общественной сложности, что общество вынуждено больше забывать, больше запоминать и подвергать это обстоятельство рефлексии, а поэтому нуждается и в механизме сортировки, адекватном этим требованиям.

Это же считается с введенного П. Бурдьё понятия "культурного капитала".³¹¹ Ведь капитал есть все-таки всего лишь накопленное прошлое, которое можно трактовать как находящийся в распоряжении ресурс, при этом не испытывая никакой необходимости вспоминать сами процессы обучения и усвоения. Понятие капитала, правда, закрывает возможности сравнения, столь важные в первоначальном понятии культуры и заменяет их социальным сравнением значений престижности символических товаров. Поэтому понятие культурного капитала выражает лишь узкий сегмент того, что культурно оформленная память означает для общества.

Влияние памяти на структурное развитие в значительной степени остается незамеченным. Память не называют в числе его причин. Так, в древней Месопотамии начинающуюся политическую централизацию можно связывать с

сообщениями, главным образом, о деяниях царей и с тем, что передавало эти сообщения дальше в традиции³¹²; однако отбор этих сообщений, конечно, нельзя рассматривать как причину господства царей. Проблему памяти вместо этого усматривают главным образом в утратах запомненного. Препятствовать их забвению стремились, прежде всего, индивидуальные лица. Позднее сюда же добавляется стремление вывести из забвения наличные предметные знания и умения. Уже в древнем учении о *memoria* центральной проблемой являлось то, как можно было бы воспрепятствовать забвению или, по крайней мере, забвению истин. Так называемый Ренессанс и вынашиваемое им учение о памяти открыли, что *в этом мире* (!) положение в искусствах и науках однажды уже превосходило нынешнее и что этот однажды уже достигнутый уровень должно достичь вновь. Доказательство возможности этого свершения лежало в прошлом.³¹³ Эта зависимость от традиции концепция не устоит, если ей предъявить чрезмерные требования. Новое формирование проблемы

206

начинается вместе с Вико³¹⁴ и к концу XIX века выливается в новую концептуализацию понятия культуры.

Теперь под ним подразумевается особая предметная сфера, которая может постигаться научно (пусть даже только в "гуманитарных науках"). Дискуссия об этом приостанавливается. Если же все-таки исходить из того, что спусковым устройством здесь стал интерес к "интересному" сравнению, то это проясняет, что в игру вступает новый вид техники различий. Для этого требуются трехместные реляционирования, если не трехзначные логики, а именно - основание сравнения, которое при больших, зачастую чрезвычайно больших различиях все-таки позволяет еще распознавать оставшееся тождественным, причем уже не в рамках схемы естественных подобий родов и видов, а в рамках схемы функциональных эквивалентностей. Так, например, функция религии может быть реализована самыми разными способами. И наличествует культурная симптоматология³¹⁵, которая вычитывает в культурных феноменах симптомы чего-то другого. Широта радиуса сравнения стимулирует культуру подозрения, к которой потом может примкнуть и социология.³¹⁶ Традиция же теперь представляет уже не самопонятность презентаций памяти, но оказывается одной из форм наблюдения культуры.³¹⁷

Вместе с этой новой семантикой "культуры" возникает и формирующееся по-новому мышление в дифференциях - формирующееся по-новому в форме сравнений. Да и более ранние общества основывали свои институты на суждениях о схожем и несхожем, тем самым их когнитивно удостоверяя.³¹⁸ Это - в зависимости от укорененности в соответствующих обществах - могло реализоваться самыми разными способами и без всякого понятия культуры. Благодаря понятию культуры происходит переориентация со схожести на различность, которая тем самым инструментализируется. Это еще позволяет (по крайней мере, сначала) исходить из множества обществ, которые можно подвергнуть сравнению в их региональной и/или исторической диверсификации. Процесс такого сравнения повлек эпохальные следствия. С течением времени он лишает опоры - к при-

207

меру, в эмпирических исследованиях этнологии, но также и в исследования школы Дюркгейма о классификациях - гипотезу о том, что суждения о похожем или непохожем вообще могли бы получить какие-то естественные, коренящиеся в самой сущности вещей основания. Формально этот интерес к сравнениям нагружается изначальной предопределенностью оснований сравнения и вопросом о социальной обусловленности этого решения. Очевидно, поначалу для региональных (европоцентристских, а то и центрирующихся на отдельных странах) или исторических локализаций сравнений достаточно одного лишь самомнения - что требует для себя особого понятия духа времени или модерна. Или же строго "научно" (этнологически, историко-научно, гуманитарно-научно) обрабатывается куча материала, хотя при этом приходится мириться с тем, что научный статус такого рода усилий должен быть отличен от уже утвердившегося статуса естественных наук. Все это приводит к проблеме обоснований, которая вообще не может быть поставлена (или ставится иначе), если не используется системно-теоретический подход и само общество не понимается как дифференция.

Основанная на сравнениях, развившаяся из сравнений техника различий

культуры повлекла за собой существенные следствия для тех путей, которыми общество реагирует на свою собственную эволюцию. Сравнения культур оказывают - в донныне невиданных объемах - затормаживающее воздействие на процессы забвения. Из его притяжения отныне вырываются не только истины, но и все, что только возможно. Большие чем ранее массивы [запомненного] могут тотчас распознаваться, но они едва ли еще служат для удостоверения ориентации. Память, таким образом, теряет свою функцию проверки консистенции текущих операций (коммуникаций) общества. Эта задача выпадает теперь на долю специальных памятей функциональных систем, которые уже не могут интегрироваться друг с другом³¹⁹. Тем самым и вся общеобщественная конструкция реальности остается неопределенной.³²⁰ Как мы еще увидим, эта конструкция, в свою очередь, передается в ведение особой функциональ-

208

ной системы - системы массмедиа. То же, что теперь может быть предложено в качестве целостной формулы конструкции реальности, формулируется в тезисе о невозможности такой целостной формулы.³²¹ Как известно, у Гегеля не было наследников.

Но это никак не означает, что разорвана всякая связь между прошлым и будущим; ведь это тогда должно было бы означать, что оба временных горизонта уже нельзя различить, поскольку они бы стали бы друг для друга "немаркированными состояниями".³²² Что-то подобное, видимо, витало в воздухе, воплотившись в легенду о "конце истории"; но это оказывается в вопиющем противоречии с тем, что общество в его повседневности предпосылает и воспроизводит в своих коммуникациях. В данном аспекте могло бы оказаться полезной предварительно очерченная теория общественной памяти.

Наша культура, по-видимому, состоит из таких операций, вычитывающих в прошлом различия, задающие такие рамки, в которых будущее способно осциллировать. Различия задают формы, которые определяют то, что исходя из чего-то определенного являлось бы "другой возможностью". Конкретность того или иного употребленного различия продолжает варьироваться; но чтобы смочь ее варьировать, следует различать различия, маркировать их как формы и таким образом подвергать их тем же самым условиям осцилляции *внутри* имплицитно или эксплицитно предпосланных различий. Видимо, уже не существует никаких обязательных "первичных дистинкций"³²³ - ни различия бытия и небытия, ни различия логических значений истинности, ни различия научного и ненаучного, ни моральных различий.³²⁴ *Я - это не означает, что без различий можно было бы прожить.* Как следствие: приходится наблюдать то, кто какие использует различия с целью предпослать свое прошлое своему будущему.

Если мы допускаем, что эволюция осуществляется так, как она осуществляется, и притом таким путем, который оставляет на долю случайности сцепление прошлого и будущего в формах варьирования/селекция/рестабилизация, - то этим сопря-

209

жением прошлого и будущего как раз так и заведует операционная память системы; причем так, что для их сцепления она сначала однажды должна различить указанные временные горизонты. Эволюция не терпит никаких начал. Память (и в некоторых случаях: эволюционная *теория*, если она служит в качестве памяти системы) способна в таком конструировании начал (например, у Гомера) найти порядок и удовлетворение. Соответственно, вехи служат в качестве различий, которые делают возможным оставлять без внимания прошлое. Память, со своей стороны, является продуктом эволюции; но этого она не может помнить. В то, что свершается, память встраивает самосконструированную временную дифференцию, с которой она может обращаться. Формы, в которых это осуществляется, т. е. различия, с которыми работает память, эволюционируют вместе с эволюцией и оказывают в ее рамках свое воздействие. Но они не производят никакого отражения эволюции, они ее не репрезентируют; и поэтому они не способны ее и контролировать. Будущее остается эволюционно-неопределенным и непредсказуемым. Но память все же способна задавать будущее как область возможных осцилляции и тем самым делать операции системы

зависимыми от тех различий, что используются для обозначения одной (но не другой) стороны и именно благодаря этому задают границы, которые могут быть пересечены.

Эволюция была и остается непредсказуемой. И память ничего не может здесь изменить. Она способна лишь различными формами на нее настраиваться, а именно - согласуясь с коэффициентами ирритации и ускорения, которые проистекают из эволюции. Уже непостижимая онтологически, сама себя в самой себе локализуя культура, видимо, и есть та форма, которая изобрела и усвоила память общества ради приспособления конструкций истории и перспектив будущего общества к тем условиям, которые могут проистекать из перехода к первично функционально-ориентированной дифференциации и из угрожающего коллапса различия стабильности и вариативности. Поэтому-то и является оправданным и обоснованным

210

сохранение уже введенного словоупотребления и обозначение общественной эволюции как "социокультурной эволюции".

ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛ. XIII:

²⁸⁹ О смысле "повторного вхождения" см.: Brown G. S. Laws of Form. (Перепечатка 1979, р. 56.)

²⁹⁰ См.: а. а. О., р. 61. К дополнительным здесь идеям о функции памяти в смысле Хайнца фон Ферстера мы вскоре вернемся.

²⁹¹ О каузальности см.: Heylhten F. Causality as Distinction Conversation: A theory of Predictability, Reversibility, Time Order, Cybernetics and Systems. 20 (1989), р. 362-384. Здесь, кстати, можно вспомнить о том, что и демон Максвелла, превращающий энтропию в негэнтропию, должен обладать памятью, поскольку он, продолжая сортировать молекулы, должен помнить, как он их сортировал раньше.

²⁹² Эта критика теории накопления, по-видимому, подтверждается на уровне нейрофизиологического и психологического исследования памяти. См.: Schmidt S. J. Gedachtnis: Probleme und Perspektiven der interdisziplinären Gedachtnisforschung. Frankfurt 1991. Напротив, социально- и культурно-научное исследование, вопреки всему, упорно придерживается понятия *накопителя*. См.: Assman A. / Assman J. Das Gestern im Heute: Medien und soiales Gedachtnis. In: Merten K. et al. (Hrsg.) Die Wirklichkeit der Medien: Eine Einführung in die Kommunikationswissenschaft. Opladen 1994, S. 114-140.

²⁹³ См.: Foerster H.v. Das Gedachtnis. Eine quantenphysikalische Untersuchung. Wien 1948; Jonker G. The Topography of Remembrance: The Daed, Tradition and Collective Memory in Mesopotamia. Leiden 1995, р. 36: "Коллективная картина прошлого может принять облик лишь через коллективное забвение". Кстати, коллективное забвение допускает индивидуально-психологические объяснение в еще меньшей степени, нежели коллективное воспоминание.

²⁹⁴ Ancori B. Temps historique et evolution economique. In: Revue internationale de systemique 7 (1993), р. 593-612.

²⁹⁵ См.: Foerster H. v. Gegenstande: greifbare Symbole fur (Eigen-) Verhalten. In: ders., Wissen und Gewissen: Versuch einer Briicke. Frankfurt 1993, S. 103-115.

²⁹⁶ См.: Was ist Gedachtnis, dass es Ruckschau *und* Vorschau ermöglicht. In: ders. Wissen und Gewissen. Versuch einer Brucke, a.a.O. S. 299-336.

211

²⁹⁷ Спенсер Браун рассматривает "функцию осцилляции" (а. а. О., р. 60) только применительно к различию маркированно/немарки-рованно в контексте уравнений второго порядка. Применительно к семантической теории памяти мы должны распространить понятие осцилляции на всякое использующееся для наблюдения различие, даже и на различия между такими двойными маркированными единицами, как знать и народ, замки и церкви, соборные и городские церкви; причем эти двусторонним образом маркированные различия, в свою очередь, предполагают немаркированное пространство, поскольку наблюдение возможно лишь в мире, который всегда остается необозначенным.

²⁹⁸ См. знаменитое различие индивидуальная память / коллективная память: Halbwachs M. Les cadres sociaux de la memoire. Paris 1925. Его же: La memoire collective. Paris 1950.

²⁹⁹ Так, например, полагают Fentress J. / Wickham Chr. Social Memory.

Oxford 1992. Что это также имеет место, конечно, не оспаривается, но следует помнить, что коммуникацию мы, в отличие от данных авторов, понимаем не как трансмиссию, а как аутопоийетическое воспроизводство особого рода.

³⁰⁰ "Каждое предложение должно *уже* иметь некоторый смысл; утверждение не может придать ему смысл, потому что оно утверждает именно смысл. То же самое относится и к отрицанию". Витгенштейн Л. Логико-философский трактат. 4.064. М. 1994.

³⁰¹ В смысле Мишеля Серра (Michel Serres. Genese, Paris 1982, р. 146), отличном от тематик консенсусных обязательств общественного договора.

³⁰² Douglas M. How Institutions Think. Syracuse N.Y. 1986, р. 69; Assmann J. Lesende und nichtlesende Gesellschaften. In: Almanach (des Deutschen Hochschulverbandes) Bd. VII (1994), S. 7-12.

- ³⁰³ Nora P. (Ed.) Les lieux de memoire. 3 Vol. Paris 1984.
- ³⁰⁴ Применительно к древней Месопотамии об этом см.: Jonker a. a. O. (1995).
- ³⁰⁵ Jonker a. a. O., S. 95. Применительно к Египту см.: Assmann J. Agypten: Eine Sinngeschichte. Darmstadt. 1996.
- ³⁰⁶ Да и исторический анализ достижений памяти работает сегодня с этим понятием. См. Assmann J. Das kulturelle Gedachtniss: Schrift, Erinnerung und politische Stabilitat in friihen Hochkulturen. Munchen 1992.
- ³⁰⁷ Это мы уже обсуждали в разделе, посвященном эволюции идей и указали на письменность как условие такого разделения.
- ³⁰⁸ Подробнее см.: Luhmann N. Kultur als historischer Begriff. In: ders. Gesellschaftsstruktur und Semantik Bd. 4. Frankfurt 1995., S. 31-54.
- 212**
- ³⁰⁹ Надо признать, что и в XVII веке были исключения. Исторический философский словарь Пуфендорфа упоминает "культуру" в этом смысле (Bd. 4, Basel 1976, Sp. 1309). Другой пример: Baltasar Gracian. El discreto XVIII. Buenos Aires 1960, p. 156.
- ³¹⁰ Предложение Парсонса рассматривать культуру как конститутивное условие действующего относится к **понятию** действующего и служит для выработки теории, которая осознанно-методически выдвигает лишь аналитические притязания.
- ³¹¹ Прежде всего, см.: Bourdieu P. / Passeron J. C. La reproduction: Elements pur une theorie du systeme d'enseignement. Paris 1970. Вызванная этой публикацией дискуссия американских исследователей, к сожалению, затронула лишь институциональные корреляты. См.: DiMaggio P. Social Structure, Institutions and Cultural Goods: The Case of the United States. In: Bourdieu P. / Coleman J. S. (Ed.) Social Theory for a Changing Society. Boulder -New York 1991, p. 133-155.
- ³¹² Jonkers a. a. O. (1995), S. 105 и далее.
- ³¹³ Соответственно, и само это учение о памяти в значительной степени воспроизводилось через усвоение античного богатства идей; оно, следовательно, и само вспоминало об уже однажды известной технике само-вспоминания. Ср.: Yates F. A. The Art of Memory. Chicago 1966.
- ³¹⁴ Cp.: Hutton P. H. The Art of Memory Reconceived: From Rhetoric to Psychoanalysis. In: Journal of the History of Ideas. 48 (1987), p. 371-392.
- ³¹⁵ Эта формулировка заимствована у Calinescu M. From the One to the Many: Pluralism in Today's Thought. In: Hoesterey I. (Ed.) Zeitgeist in Babel: The Postmodernist Controversy. Bloomington 1991, p. 156-174.
- ³¹⁶ Об этом см.: Luhmann N. Was ist der Fall, was steckt dahinter? Die zwei Soziologien und die Gesellschaftstheorie. Zeitschrift fur Soziologie 22 (1993), S. 245-260.
- ³¹⁷ Этот подход начал обсуждаться после публикации работ Карла Мангейма. См. лишь недавно опубликованную докторскую диссертацию: Manheim K. Konservatismus: Ein Beitrag zur Soziologie des Wissens. Frankfurt 1984; Алайда и Жан Ассман (Assmann A. / Assmann J., A. a. O. (1994) S. 117.) предлагают заменить понятие традиции (аналитически более гибким) понятием социальной памяти.
- ³¹⁸ Мэри Дуглас даже полагает, что "сходство - это институт". Douglas M. How Institutions Think. Syracuse N.Y. 1986, p. 55.
- ³¹⁹ В качестве примера см.: Baecker D. Das Gedachtnis der Wirtschaft.
- 213**
- In: ders. et al (Hrsg.). Theorie als Passion. Frankfurt 1987, S. 519-546. Luhmann N. Das Gedachtnis der Politik. In: Zeitschrift der Politik 42 (1995), S. 109-121; ders.: Zeit und Gedachtnis. Ms. 1995. См. девятый раздел пятой книги [CO, кн. V: "Самоописания"]. См. известную и много обсуждавшуюся книгу: Lyotard J. F. La condition postmoderne: Rapport sur la Savoir. Paris 1979.
- ³²² Как известно, так полагал Августин, но - лишь применительно к дальним горизонтам времени, которые "in occulto" исчезают как в прошлом, так и в будущем. Ср. Augustin A. Confessiones XI, 17/ 18, Munchen 1955, S. 636, где "бытие" неактуальных горизонтов времени с остающимися сомнениями сводится к тому что "ex aliquo procedit occulto, cum ex futuro fit praesens, et in aliquod recedit occultum, cum ex praesenti fit praeteritum", причем (категорически) сокрытое возникающего и исчезающего времени (tempus) может мыслиться как своего рода замещение вечности во времени.
- ³²³ Об этом: Herbst Ph. G. Alternatives to Hierarchies. Leiden. 1976, p. 88.
- ³²⁴ К этим следствиям из предпосылок староевропейской метафизики мы еще вернемся в IV-VIII главах пятой книги.
- Настоящее русскоязычное издание работы Н.Лумана выходит в пяти книгах (т. 1: *Общество как социальная система* (М., Логос, 2004); т. 2: *Медиа коммуникации*; т. 3: *Эволюция*; т. 4: *Дифференциации*; т. 5: *Самоописания*), каждый из которых составляет одна из глав оригинального издания (соответственно, Niklas Luhmann. Die Gesellschaft der Gesellschaft. Frankfurt am Main, Suhrkamp Verlag, 1997: (Erster Teilband) Vorwort, Kapitel 1 -*Gesellschaft als soziales System* (S. 11-189); Kapitel 2 -*Kommunikationsmedien* (S. 190-412); Kapitel 3-*Evolution* (S. 413-594); (Zweiter Teilband) Kapitel 4 - *Differenzierungen* (S. 595-865); Kapitel 5 - *Selbstbeschreibungen* (S. 866-1150). Пер. с нем. кн. 3 (*Эволюция*)- Александр Антоновский.
- Александр Антоновский

Эволюция: системно-конструктивистский подход

В настоящем послесловии мы попытаемся представить тот научно-теоретический фон, который послужил - зачастую неявным - основанием для развиваемых Луманом идей. Нам показалось уместным предложить читателю некоторую пропедевтику в неодарвинистский подход, что поможет как-то проиллюстрировать абстрактную лумановскую понятийность и, прежде всего, прояснить понятие трех *независимых друг от друга* эволюционных функций: варьирования, селекции и стабилизации (Н" *изменчивости, отбора и закрепления признаков*).

Особенно полезным в этом отношении представляется знакомство с ведущими неодарвинистскими эволюционными подходами, прежде всего с концепцией Р. Друкинза, переключку с которой можно найти у Лумана. Небесполезным может оказаться и сопоставление взглядов немецкого теоретика с антинеодарвинистскими взглядами на социальную эволюцию, где последняя постигается как результат целенаправленной *человеческой* активности, в силу которой будто бы нет смысла различать между указанными тремя независимыми эволюционными процессами. Ведь все, что подвергается изменениям (варьированию), трансформируется целесообразно и планомерно (селекция), а именно ради того, чтобы эти нововведения тут же и были внедрены в социальные практики и *закрепились* в них (стабилизация).

Очевидно, что антинеодарвинизм и телеологизм, с одной стороны, и так называемый "гуманистический подход" в теории общества, согласно которому элементарное основание общества составляют люди (а не коммуникации, как полагает Луман), логически предполагают друг друга. И как всегда, именно полемике с такого рода "гуманистическими" взглядами, в значительной мере посвящена эта представляемая нами книга Лумана.

216

1. Социальная система как "машина выживания" коммуникационных смыслов

Исходный эволюционный постулат вытекает из всей лумановской коммуникативной "онтологии": эволюция общества означает эволюцию аутопойэтических систем коммуникации. Условием же такой эволюции является наличие "осетвленных" событий (массивов знания для *науки*, массивов денежных платежей для *экономики*, массивов споров и их разрешений для *правовой* системы, массивов эндогамно-выделяющихся, претендующих на *власть* семей). Таким образом, если рассматривать социальную эволюцию в контексте общей теории эволюции и сравнивать ее с эволюцией живых систем, то коммуникации в каком-то смысле выступают аналогом биологических организмов, фенотипов.

Проблема же возникает в том случае, если попытаться определить этот *ген* или *генотип* эволюции общества. Что в социальной эволюции остается неизменным? Что является теми элементарными единицами, из которых (или, точнее, согласно программам которых) конструируются все новые фенотипические конфигурации? К сожалению, поскольку Луман нигде прямо даже не задается вопросом о том, что же является геном социальной эволюции, на него приходится отвечать гипотетически.

Так, представляется обоснованным предположение, что логика системно-коммуникативного подхода к анализу общества применительно к интерпретации эволюции в ее лумановской версии позволяет в качестве такого *генотипа* рассматривать язык как медиум, как совокупность "слабо сопряженных" и поэтому свободно *конкурирующих* за место в коммуникации элементов. Каждая конкретная конфигурация слов - предложения, тексты, теории, стихи и т. д. - выступают в виде форм¹, образованных в медиуме языка. Язык - это "первичный бульон", среда, где конкурируют друг с другом, поглощая друг друга, социальные гены: конкретные языковые выражения, некоторые из которых стабилизируются и реплицируются дальше и для этой репликации задействуют и образуют все новые и новые социальные фенотипы: связанные в системы коммуникации.

Подход Лумана здесь выдержан в стиле современной неодарвинистской модели, согласно которой на генетическом уровне выживание обеспечивают не альтруизм (или заданный генами альтруизма фенотип), а "безжалостный эгоизм" генов, "стремление" обеспечить самореплика-

217

цию, временное осветление подобных друг другу элементов, где каждый ген ориентирован на порождение своей копии или реплики.

В биологической (а у Лумана и в социальной) эволюции такое "стремление" не несет в себе никакого телеологического подтекста. Оно является выражением того простого факта, что на заре жизни все те органические макромолекулы, которые таким внутренним трендом не обладали, как раз и не реплицировались, а послужили "пищей" для первых.

В эволюции коммуникации также господствует сходный принцип "эгоизма", выраженный в принципе ее самообращенности, ее замкнутости на свои внутренние коды - эволюционно-удачные, селегиро-ванные, а потом и стабилизировавшиеся гены коммуникации - генерализированные языковые символы: истина, право, деньги, любовь, прекрасное, вера и т. д. Это гены коммуникации и одновременно - "обобщения" коммуникации, которые можно рассматривать как *инструкции по конструированию* коммуникаций, указания на то, к чему нужно стремиться в ее выстраивании. Это ориентиры, в самых разных конкретных ситуациях указывающие коммуникациям их "заданное" направление. Это ожидания того, что и остальные коммуникации будут протекать в том же самом направлении - отклонять все неистинное, незаконное, безобразное, недостойное любви, неимущее и безвластное.

Сама же коммуникация и их системы (последовательности) могут рассматриваться в качества фенотипа - т.е. конструкции, созданной на основе социальных генов: ее максимально редуцированных описаний или инструкций. Если в биологической эволюционной теории под геном понимается своего рода код, "описание", или программа-инструкция для конструирования фенотипа - живого организма, то под геном коммуникации, вероятно, можно понимать *код* коммуникации, на основании которого отсеивается все то, что этой коммуникации не принадлежит, не соответствует сконцентрированным в нем ожиданиям, все *чуждые* элементы социальной системы. Тогда социальную систему можно в этом смысле интерпретировать как "машину выживания" коммуникаций (и, соответственно, эволюционно удачных языковых кодов). Ведь только создав "социальные системы", основанные на механизмах подсоединения коммуникаций друг к другу, коммуникация может "выжить", что означает: реплицироваться или воспроизводиться, создавая себе подобных.

218

Здесь можно вспомнить о том, что современный неодарвинизм, особенно в своих радикальных версиях, отказывается от теории группового, видового или популяционного отбора в пользу изменчивости, селекции и закрепления признаков *т уровне самих генов*, которые и выступают "субъектами" эволюции.² Этот поворот в теории эволюции оказался востребован и в контексте так называемой "антигуманистической" социологически-радикальной теории Лумана, которая отказывается от представления о конкуренции обществ или социальных групп внутри обществ, понимаемых как комплексы или совокупности индивидов. Конкурируют не люди в борьбе за ограниченные ресурсы, конкурируют коммуникации за право подсоединяться к прошлым коммуникациям (фенотипический уровень) и вербальные выражения - за право становиться ожиданиями, ориентирами, кодами коммуникаций (генетический уровень).

Уже в биологии *популяционная* теория эволюции приводила к порочному кругу. Конрад Лоренц³ полагал, что вид обеспечивает себе самосохранение благодаря тому, что наиболее приспособленные особи благодаря "агрессивному поведению" получают монополию на размножение (главы прайдов, альфа-особи). Таким образом, доступ к самкам и монополия на размножение, оказываются следствиями более совершенной приспособленности, в то время как достигнутые тем самым адаптивные преимущества, в свою очередь, являются следствием доступа к самкам и монополии на размножения.

Социальная теория конфронтует с аналогичной круговой проблемой, а поэтому вынуждена отказаться от представления об отборе групп индивидов. Ведь выживание группы в таком случае являлось бы результатом монополии ее наиболее "агрессивных" членов на те или иные ограниченные ресурсы (на власть, деньги, влияние, женщин), а их монополия опять же вытекала бы из того, что они обеспечивают выживание группы индивидов.

Луман, исходя из своей общей методологии, отказывается от представления об обществе как совокупности индивидов. Тот теоретический прорыв, который осуществил Ричард Доукинз в отношении популяций, лишив их статуса эволюционирующих субъектов в пользу каждый раз по-новому перегруппирующихся генов, Никлас Луман осуществляет в отношении групп людей. Эволюционируют не группы людей, воплощающих те или иные свойственные именно для этой группы характеристики.

Эволюционируют системы коммуникации

219

(квази-фенотипы), однако в основе этого процесса лежит эволюция их структур - складывающихся в программы ожиданий, т. е. вербальных инструкций по выстраиванию коммуникаций, сконцентрированных в ее языковых кодах. Структуры коммуникации - это координирующие ее конструирование коммуникативные ожидания.

Ожидания в этом смысле следует понимать как набор возможных значений слова или языкового выражения, т. е. своего рода весьма вероятные возможные миры, с которыми вынуждены считаться участники коммуникации, как только то или иное выражение будет произнесено. Генотип коммуникаций - это *язык* коммуникации. При этом некоторые его реализации (состоявшиеся, устоявшиеся языковые выражения как формы медиума) в ходе эволюции оказались наиболее эволюционно-успешными, т. е. наиболее генерализованными в той или иной области, а значит, связывающими наибольшее число конкретных ситуаций в ожидаемые, т. е. обобщенные и, следовательно, делающие возможной калькуляцию будущего развития положения дел, а в конечном счете - обеспечивающие подсоединение ожидаемых в будущем коммуникаций, ориентированных на то или иное языковое выражение.

Очевидно, что таким символическим ориентиром или кодом коммуникации может стать практически любое слово, однако, наибольшую релевантность получили те языковые символические коды коммуникации, которые в своих значения "обобщили" наиболее широкие сферы: социальные системы политики, права, искусства, интимных отношений, хозяйства, религии, любви.

2. Общий взгляд на биологическую эволюцию

Классический дарвинизм выдвинул тезис о "выживании наиболее приспособленных". Этот тезис допускает обобщение как "частный случай более общего закона выживания стабильного ... Мыльные пузыри стремятся принять стабильную форму, так как это стабильная конфигурация для тонких пленок, наполненных газом ... Кристаллы поваренной соли стремятся принять кубическую форму, потому что при этом достигается стабильная упаковка ионов натрия вместе с ионами хлора"⁴. Такого рода тавтологическое свойство стабильности стабильного напоминает аристотелевское "естественное место", занять которое стремятся все сущности, в силу чего они и оказы-

220

ваются тем, что они есть, принимают свою собственную форму. Вся эволюционная теория вытекает из этой тавтологии, (даже если, в юнцевых концах, оказывается что "подвижная", динамическая стабильность в каком-то смысле оказывается более стабильной и выигрывает в борьбе за репликацию у "косной" стабильности).

Это самое широкое - тавтологическое - понимание эволюции предполагает селекцию стабильных свойств и отбраковывание нестабильного. Так, в этой своей "архаической" форме эволюция делала возможным появление молекул, состоящих из нескольких десятков атомов, меняющих свои конфигурации посредством внешнего источника энергии. Однако вероятность появления более высоких - живых - систем при помощи такого "перетряхивания" потребовала бы времени, многократно превышающего возраст Вселенной. Такая "медленная" эволюция не выдержала конкуренции с другим возможным типом эволюции и сама оказалась отбракованной. Завершающей же стадией этой протоэволюции стало появление гетерогенной среды, "первичного бульона", содержащей такие относительно простые "блоки", как аминокислоты.

Началом эволюции нового типа стало появление гораздо более невероятной молекулы, своего рода самовоспроизводящейся матрицы, способной создавать копии самой себя из имеющихся в изобилии "блоков", содержащихся в первичном бульоне.⁵ В результате появления такого рода невероятных репликаторов эволюция уничтожила условия своего собственного возникновения, т. е. условия возможности прошлой эволюции. С появлением репликаторов в мир вошла другая форма - динамической - стабильности, для поддержания которой необходима *непрерывная* селекция элементов сложной молекулы, что предполагало возможность ошибки в их подсоединении, т. е. обеспечивало изменчивость или подготовило первичный эволюционный процесс - *варьирование*. Увеличивалось и число факторов стабильности. Способность к долговременной связанности (сохранение пространственных конфигураций) как пространственный фактор стабильности уступает место таким временным факторам как возрастание темпа самокопирования, что делало возможным большее число "отпрысков", а следовательно - победу в конкуренции некоторого *более быстрого* штамма. Возникает конкуренция между штаммами, эволюционным ответом на который становится появление пространственных границ

(белковая оболочка клетки), а также средств пере-

221

сечения и разрушения этих границ - как со стороны "внешнего врага", так и внутренне - путем создания колоний, комплексов клеток, их дифференциации и взаимодействия друг с другом. Создание сложных организмов - "машин выживания" генов — окончательно закрепило победу молекул ДНК над всеми остальными репликаторами (возможно, это были неорганические кристаллы-минералы, кусочки глины), а вместе с тем - "победу" живой материи над неживой. Гены -цепочки из блоков (нуклеотидов) четырех типов - выступают своего рода инструкциями для конструирования белковых тел. Их строительные блоки остаются неизменными, хотя под воздействием мутаций (ошибок в самокопировании) и меняют свои конфигурации: планы по строительству своих "машин выживания" (мышцы, сердце, глаз и т. д.).

Итак, первичным эволюционным механизмом живых систем является мутация - *варьирование* составляющих гены строительных блоков из нуклеотидов. Но и сам этот эволюционный механизм варьирования, в свою очередь, оказался подверженным варьированию и здесь мы вновь сталкиваемся с эволюцией эволюции. Само варьирование мутировало вместе с появлением *полового отбора*. Половое размножение сделало возможным перетасовку и перемешивание генов и генных комплексов, "отложение" генов, их "путешествие" из тел родителей в тела самых далеких потомков. Ведь в результате мейоза ⁶ лишь половина хромосом "делегируется" потомкам, представляющей мозаику из перемешанных материнских и отцовских клеток. Генетическая единица - это просто фрагмент хромосомы, и чем обширнее этот фрагмент - тем меньше шансов у него сохранить свою конфигурацию или идентичность в результате мейоза. Напротив, меньшие участки хромосомы оказываются более долговечными.

Здесь важно, что мутации оказываются удачными, в первую очередь, в том случае, если гены объединяющихся субъединиц "согласуются" друг с другом, если участки генетического материала "удачно" сцепляются в рамках новой генетической единицы, т. е. отвечают внутренним условиям своего воспроизводства. И лишь потом в дело вступает селекция фенотипических признаков. Таким образом, внешний мир, окружающая природа "вмешивается" довольно поздно - после того, как невероятные мутации и невероятное копирование уже состоялись на эволюционной стадии *варьирования*. На этой стадии образуются кластеры обособленных генов, прочно сцепленные группы.

222

Неразрывность и воспроизводимость подобных кластеров, которые целиком отправляются в "следующее тело" посредством мейоза (собственно, эти кластеры и есть "единые" гены), суть *внутренние* условия, определяющие эволюцию еще до всякой внешней, т. е. "естественного" отбора. Эволюционная удачность мутации (варьирования) зависит от сохранения этих групп, а не от свойств отклоняемого (или нет) в ходе селекции фенотипа.

При этом у каждого такого генного комплекса имеется свой соперник, *аллель*, пребывающий в генофонде популяции и словно выжидающий удачного момента, чтобы в результате кроссинговера (перемешивания генов за счет разделения хромосом родительской клетки и их объединение с хромосомами другого родителя) занять место предшественника в том же самом участке хромосом отпрыска. Отношение гена и его конкурента аллеля (с другими инструкциями по созданию фенотипических свойств организма) выражает отношение актуального и потенциального. Генофонд - это, таким образом, совокупность потенциальных альтернативных кандидатов.

Итак, эволюцию *на стадии варьирования* определяет сочетаемость генов еще на генном уровне, а затем - выживаемость эмбриона и развития организма, безотносительно к внешнему миру. Речь идет о структурной согласованности генов: скажем, ген острых резцов (у хищника) должен сопутствовать гену кишечника, способного переваривать мясо, а ген плоских перетирающих зубов (у травоядного) должен сочетаться с геном гораздо более длинного кишечника и другим биохимическим механизмом переваривания. Такая сочетаемость генов, очевидно, не зависит от внешнемировых условий.

За эту мысль впоследствии ухватывается Луман применительно к эволюции коммуникаций, варьирование в которых, в свою очередь, является делом самой системы и не зависит от "интервенций" из внешнего мира. Итак, мы приблизились к тем постулатам биологической эволюционной теории, которые Луман положит в основу эволюционного подхода к обществу.

Во-первых, варьирование (изменчивость) не зависит от селекции, является случайным, и именно это, как пишет Луман, "освобождает порядок вещей от всякой связи с источником происхождения, от фор-моопределяющего первоначала". Три эволюционные

функции не зависят друг от друга. Причем Луман настаивает на том, что такое определение эволюции является критерияльным для всех эволюцион-

223

ных теорий. Селекция (полагаемая в качестве естественного, т. е. природного, а значит "внешнемирового" отбора), в свою очередь, не является преимущественно внешним, а скорее внутренним фактором, зависит от ю-эволюции структурно-сопряженных систем.⁷ "С системно-теоретической точки зрения, варьирование и отбор рассматриваются как "внутренние движущие силы" (sub-dynamics) комплексной системы", "больше нет смысла сохранять это распределение на внутренние (вариация) и внешние (селекция) факторы" - пишет Луман.

Во-вторых, возникает понимание, что эволюция системы вовсе не приводит к более эффективной приспособленности (к внешнему миру) одних систем сравнительно с другими. Соответственно, и понимание общества (= коммуникативной деятельности) как адаптивно-адаптирующей активности полагается устаревшим.

3. От эволюции биологической к эволюции социальной

В соответствии с указанными основаниями общей эволюционной теории возникает вопрос о том, что же является аналогом гена в обществе, а что является его машиной выживания?

Луман пишет: "Об эволюции же социальной системы общества, напротив, можно говорить лишь в том случае, если рассматривать не живую, а коммуникативную систему, которая в каждой своей операции воспроизводит смысл, предполагает знание, черпает из собственной памяти, использует формы культуры" (с. 31-32 настоящего издания)

Возникает вопрос и о том, существует ли социальный аналог эволюции самих эволюционных функций, скажем, что-то похожее на механизмы интенсификации варьирования, каковым стало половое размножение, усилившее изменчивость в сфере живых систем? Уже половое размножение и, соответственно кроссинговер на биологическом уровне ставит много вопросов. Почему *митоз* (рост в результате деления клеток, т. е. непосредственная репликация) дополнился *мей-озом*? И есть ли аналоги мейоза и митоза в социальной эволюции? Является ли половое размножение более эффективным эволюционным приобретением, чем обыкновенный рост организма?

Функция разделения полов, очевидно, состоит в создании так называемого *variety pool*, появления сложности, избыточности варьирующихся элементов, ведь ген и его аллель не могут сразу занять

224

свои места в хромосомах. По мнению Лумана, и в обществе существуют аналогичные *механизмы ускорения варьирования*. И в социуме возникают "дополнительные структуры для накопления и ускорения варьирования (подобно тому, как в эволюции жизни биохимические мутации дополняются бисексуальным воспроизводством). В общественной эволюции это осуществляется двояким образом: благодаря такому *средству распространения* коммуникации как *письменность* и с помощью *усиления потенциала конфликтов и толерантности к конфликтам* в обществе (или другими словами: благодаря отказу от экстернализации всех конфликтов, как это было характерно для сегментарных обществ). Тот факт, что письменность используется как средство распространения коммуникации (а значит, не только с целью записи), привносит с собой двойной эффект: коммуникация может оказывать воздействия на больших пространственных и временных дистанциях и высвобождается из-под давления интеракции, т. е. получает большую свободу как в производстве (написании), так и в восприятии (прочтении). Более широкое распространение создает возможность *одним* изменением производить *множество* изменений, причем - необозримое множество".⁸

Таким образом письменность делает возможным операционали-зацию конфликтов (отклонения коммуникаций, свободу сказать "нет"), а тем самым, в конечном счете - варьирование и диверсификацию систем коммуникаций. Письменность в сфере коммуникаций (и особенно, книгопечатание, а затем и электронные медиа) оказываются в каком-то смысле функциональным эквивалентом полового размножения, дополняющего и расширяющего механизмы варьирования (мутационных генетических изменений) в сфере живых систем.

Письменность словно осуществляет "скрещивание" различных коммуникационных стратегий, дискурсов и как следствие - трансформацию семантик: переход от однозначно-определяемого выбора (селекции) неделимой, морально-фундированной опции Стабильного, Единого, Благого, Истинного, Совершенного, Центрального, Прошлого к независимым друг от друга и от морали семантикам автономных систем: "справедливости"

права, "легитимности" власти, "доказательства" истины, "недостатка" денег, "красоты" искусства, "страстности" (= спонтанности) любви и т. д. Разрушением целостности господствующей семантики обусловлена эволюция эволюции (эволюция эволюционных функций), выражающаяся в частности в гипертрофии

225

одной из эволюционной функций, а именно - функции варьирования. Возникает даже особая социальная система массмедиа, специализирующаяся на внедрении, мгновенной критике и отклонении новых дискурсов и семантик.

Согласно Луману, общество (причем теперь нужно говорить о мировом обществе) - это совокупность всех потенциально возможных коммуникаций, в том числе и отклоняющихся, и не реализовавшихся, а только ждущих своего часа. Как мы видели, также обстоит дело и с генофондом, который включает как реализовавшиеся гены, так и их конкурентов за место в хромосомах. Кроссинговер и половое размножение делают возможным перетасовку генов. Письменность, книгопечатание обеспечивают функционально-аналогичный процесс для коммуникаций, создают коммуникативный генофонд (= язык как медиум коммуникации), своеобразный бульон, среду, внутренний внешний мир социального гена. Те из генов (т. е. из возможных вербальных выражений), которые получили свою коммуникативную актуализацию, приобретают форму по отношению к медиуму, способны образовывать системы - своего рода фенотипы, "машины выживания" для коммуникаций. Коммуникативные смыслы вечны, их логика организует вокруг себя социальные системы как "машины выживания" смыслов, реплицирующие одни и те же, одинаково направленные, т. е. воспроизводящие один и тот же смысл, коммуникации.

Поначалу эти "машины выживания" смыслов обеспечивали лишь *пространственные* границы коммуникаций. Так обстоит дело в интеракциях - простейших социальных системах примитивных обществ, которые определяли себя пространственно, через пространственную взаимопринадлежность (соприсутствие) участников коммуникации.⁹

4. Эволюция идей

Выше мы уже сталкивались с эволюцией эволюции в сфере живых систем, где именно стабильность, выражающаяся в сохранении пространственных конфигураций, оказывалось эволюционно успешной стратегией. Аналогичным образом, высвобождение *письменно фиксируемого* языка из-под интеракционного давления (отклонявшего всякое отклонение) делает возможным эволюцию эволюции и проявляется в появлении особого, нового типа эволюции: эволюции -письменно фиксируемых - идей.

226

Возникает дивергенция между эволюцией социальных систем (социальная дифференциация) и особой эволюции - получивших самостоятельность - *описаний* социальных систем; дивергенция между социальными структурами (*фактические* отклонения не принадлежащих системе коммуникаций) и семантикой (записанные, *отложенные* на будущее отклонения). Эволюция, таким образом, создает *условия для виртуального тестирования возможных вариаций*. Именно в этом заключено своеобразие социальной эволюции в ее отличии от эволюции живых систем, практически не способных к виртуальной апробации своих комбинаторных возможностей.

Такая независимость эволюции идей стала условием возможности *памяти* социальных систем, обеспечивающей ускорение их "реальной" эволюции (т. е. социальной дифференциации). Отныне тексты преобразуются в тексты, где сочинитель выступает всего лишь техническим посредником в этом процессе. Причем герменевтически понимаемая интерпретация текстов как раз и выступает в виде обособившейся эволюционной *функции варьирования* в обособившейся эволюции идей. Иными словами, всякое прочтение текста предстает как *вариация* текста исходного, *стабилизация* же усматривается в достижении герменевтически-круговой (а значит - внесубъектной!) *адекватности* интерпретации и интерпретируемого текста. При этом и принципы *селекции* (отбора удачных интерпретаций = вариаций), в свою очередь, варьируются, а ее критерии последовательно принимают вид *убедительности* и *очевидности*, заботу о которых, в конечном счете, берут на себя системы массмедиа и науки.¹⁰

С конца восемнадцатого века отдифференцирующиеся социальные системы формируют собственные рефлексии и, соответственно, собственные эволюции идей, в то время как общеобщественная эволюция идей коллапсирует: "Процесс против Галилея или побуждения к войне за независимость Америки, лиссабонское землетрясение, явившееся для Вольтера желанным поводом обратиться к вопросу теодицеи - всякая опора на в данный момент очевидные обстоятельства здесь была достаточна для селекции [идей]. На

этой основе, правда, очевидность не могла взять на себя функцию рестабилизации" (с. 158). Стабилизация в эволюции идей стала возможной только в рамках возникающих социальных систем и благодаря их символическим коммуникативным кодам: "в поисках устойчивого и необходимого вскрываются все новые контингентности - вплоть до случайности самих законов природы", а "такие различия как истинное/неистинное, 227

хорошее/дурное, правовое/неправовое уже не могут быть приведены к согласию - что стало очевидным вместе с крахом логического позитивизма, а затем и аналитической философии в их попытках интеграции группы таких понятий как референция, смысл и истина" (с. 162).

5. Память

Существенное различие в животной и социальной эволюции заключается в том, что последняя гораздо более вариативна. Ведь и сама эта изменчивость в коммуникации становится фактором эволюции. Инновация в животной эволюции, скажем, как следствие спаривания особей разных видов всегда несет высокую вероятность стерильности (мул в помете лошади и осла стерилен, хотя самка затрачивает огромные ресурсы для его вынашивания), между тем как социальная эволюция благодаря обособившейся *эволюции идей* "проглатывает" больше нового, отбрасывает больше старого, не опасаясь *генетических потерь*. Ведь то, что единожды было записано - ныне существует в виде многочисленных "копий". Эти копии "переносят" и сохраняют социальные гены.

Гены для эволюции общества - это, как мы увидим ниже, *смысловые ожидания коммуникации, принимающие форму того или иного слова или вербального выражения со всем множеством его "отнесений"*. Скажем, поначалу представлялось невероятным ожидание того, что за деньги, предложенные за товар, можно будет его забрать. Слово или символический код *деньги*, среди прочего, как раз и выражает подобное ожидание. Коммуникация же выступает своего рода фенотипом, т. е. языковой конструкцией, последовательностью высказываний, ориентированных на этот обобщенный вербальный символ, коммуникативный код, обеспечивающий единство всей системы коммуникаций. Магическое слово *деньги* (конечно, при их фактическом наличии) оказывается как бы катализатором огромного количества - самих по себе эволюционно-невероятных коммуникаций (продаж, кредитов, покупок и т. д.). Генерализованный символ *деньги* - это кратчайшая всеобщим образом ожидаемая инструкция по конструированию экономических коммуникаций: если есть деньги, надо покупать у того, у кого нет денег; если нет денег, надо продавать тому, у кого есть деньги.

Письменность (записанные коммуникативные выражения) выступает в качестве *средства* сохранения социальных генов (смысловых 228

ожиданий), дальнейшей трансляции и репликации смысла. Агрегации коммуникаций в системы, в их неслучайные последовательности оказываются такими же машинами по воспроизводству одних и тех же смыслов (экономических, политических, правовых, религиозных), каковыми являются организмы - как биологические машины для воспроизводства одних и тех же генов. Система коммуникаций получает такое же единство и индивидуальность поведения как биологический организм, который может, например, передвигаться как согласованное целое. Смыслы, ожидания (гены коммуникаций) могут быть вечными, их варьирование меняет лишь их конфигурации, сами же мельчайшие единицы эволюции (как в биологии: четыре типа нуклеотидов; так и в языке, скажем, слова и множества отнесений всякого языкового выражения) словно приобрели иммунитет от селекции, не зависят от внешнего мира. Сохраняясь с помощью *письменности как памяти* коммуникации, они образуют тот самый медиум, своего рода генофонд, фрагменты которого получают свои формы (по отношению к медиуму-генофонду языка) лишь в виде фактических коммуникативных актов. Системы коммуникаций суть фенотипы (фактические реализации) заложенных в генах (ожиданиях) инструкций по их конструированию.

Память возникает как ресурс, позволяющий некоторые актуальные события определять как прошлые, повторные и "привычные". Память, таким образом, - это средство снять непосредственность реакции на актуальные раздражения, а следовательно, оптимизировать ответ, "выбрать" реакцию, создать избыточность возможных ответов (редундантность). Память, следовательно - это общеэволюционное средство высвобождения системы из под (актуальной) зависимости от внешнего мира.

Память биологических генов - это записанные в них инструкции по синтезу белков. Однако, синтезируя белок и конструируя свои фенотипы, гены не в состоянии

контролировать свою собственную эволюцию, - ведь их реакция, обусловленная весьма опосредованным воздействием естественного отбора, является чрезвычайно медленной. Поэтому гены вынуждены обращаться к "оперативной" памяти, т. е. к памяти самих биологических организмов, своих собственных конструкций. Аналогичным образом и коммуникация обращается к актуальной памяти систем сознания, выступающей "оперативной" памятью по отношению к более фундаментальной - и собственно коммуникационной - "памяти" книг и записей.

229

В этом смысле Луман пишет: "Речь, следовательно, идет ... не о том, что осознают отдельные сознания. Функция памяти состоит именно в том, чтобы гарантировать границы возможных проверок консистенции и одновременно снова высвободить потенциалы переработки информации, открывая систему для новых раздражений. Главная функция памяти состоит, таким образом, в забвении, в препятствовании самоблокированию системы через окостенение результатов прошлых наблюдений".¹¹

Сохранить в памяти коммуникации — значит передать на откуп некоторому автоматизму, системному коду, лишить тот или иной выбор его проблематичности, а тем самым - высвободить потенциал системы для новых проблем. Нечто подобное имел ввиду Хайдеггер в своей диалектике *подручного* и *наличного*. Функция памяти и состоит в забвении, т. е. в переходе наличного в подручное, трансформации нового и неожиданного в старое и известное, а значит, выходящего за пределы актуального внимания. Память - это редукция комплексности за счет "стяжения" различных гетерогенных ситуаций в воспроизводимые, непроблемные или привычные "идентичности" ("дома, орудия труда, места, пути или имена природных объектов и людей"), на которых в ходе коммуникации система *не* концентрирует свое внимание.¹²

Если говорить совсем просто, память - это забвение контекста (второй, т. е. негативной, стороны любой формы или различия: неистинности, безвластия, неверия). И именно эта функция оказывается условием наблюдения и познания, т. е. того, что лишь одна - маркированная - сторона того или иного различия мотивирует коммуникацию. Благодаря памяти система способна вводить в коммуникацию дифференцию прошлого и будущего, а следовательно и эволюционировать, ведь именно *будущее* системы оказывается маркированной стороной формы *прошлое/будущее*, а прошлое - предаваемым забвению контекстом. Это прошлое как условие возможности будущих состояний системы теряет для нее всякий интерес, а то и когнитивную доступность. "Помнящая" все, лишенная забвения система ни на чем не способна сконцентрироваться. В этом случае система не имела бы современности как текущей границы между прошлым и будущим состояниями, а жила бы в окостеневшем прошлом или в вечности.

Но общество само способно реагировать на свою функцию памяти, а значит и на свое прошлое, вводя его в коммуникативное обсуж-

230

дение под названием "культура". Ведь "культура в действительности как раз и является памятью общества, т. е. фильтром забвения/запоминания и задействованием прошлого для определения рамок варьирования будущего".¹³ Именно культура видится обществу набором *стабилизированных* "объектов", "идентичностей", "собственных значений" - одним словом, преходящим в забвение старым контекстом для новых вариаций.

6. Стабилизация эволюции как самовалидация собственных значений

Стабильность живых систем проявляется на фенотипическом уровне, на уровне организмов и понимается как закрепление результатов удачного отбора. Стабилизация может выражаться в устойчивом соотношении генов, определяющих те или иные свойства организма: например, стабильное распределение полов (50:50) применительно к человеческим организмам. При этом новые, мутирующие, гены быстро устраняются из генофонда; отклонения, в свою очередь, отклоняются. Отклонение отклонений (отрицательная селекция) означает возникновение так называемых "собственных значений". Как же они возникают?

Однажды возникшая полезная мутация, прерывая стабильность, сама, в конечном счете, оказывается стабильной и, как это ни странно, в том случае, если утрачивает свою "первоначальную полезность". Речь идет о так называемой *самовалидации* свойства, становящегося "собственным значением". Например, сексуальная привлекательность партнера, уже не может быть выражена содержательно или объясняться функционально, т. е. с точки зрения полезности сексуально-привлекательных свойств во внешнем мире.

Привлекает то, что привлекает, поскольку тем самым обеспечивается репликация. Скажем, первоначально в основе привлекательности "длинных ног" могло лежать то обстоятельство, что они помогают убежать от хищника и, как следствие, спасти гены ребенка, тем самым защищая гены родителя. Но, приобретя однажды такого рода атрактивность, они получают и "собственное значение". Партнер отныне будет отбираться в силу самой этой привлекательности, ведь уже ее одной будет достаточно, так как гены, обеспечивающие подобную притягательность, распространятся и будут "бороться" за свое выживание и воспроиз-

231

водство. Самка выбирает привлекательного партнера не для того, чтобы ее отпрыск смог убежать от хищника, а для того, чтобы ее сыновья, в свою очередь, были привлекательными для самок, а следовательно - сохранили и приумножили ее гены. Так возникает циркуляр-ность. У сексуальной привлекательности появляется таким образом совсем другая функция - привлекать партнеров, а значит - сохранять свои гены в следующих поколениях. В стабилизированном состоянии уже не внешний мир (т. е. естественный отбор среды) определяет воспроизводство генов, а внутренние факторы - *"собственные значения"* эволюции. Выбирая непривлекательного партнера, самка не может рассчитывать на репродуктивный успех своих непривлекательных потомков *безотносительно* к естественному отбору, т. е. к тому, убегут ли они от хищников, и сколько пищи им предложит их природная ниша.

Как же обстоит дело с собственными значениями в социальной эволюции? Системы переживаний (сознания) выступают как бы задействованными в коммуникации машинами по переработке информации. Сознание, конечно, занимается тем, что исчисляет логику коммуникации, но это говорит лишь о том, что у коммуникации как раз и наличествует своя собственная системная логика. Эта логика не задается, а воспроизводится целеполагающим сознанием. Сознание ориентировано на особые (коммуникативно-объяснимые) мотиваторы, служащие основаниями для постановки целей.

Эволюция и состоит в появлении мотиваций, свои символы получающей в виде особых обобщений - генерализированных вербальных символов: истины, любви, денег, власти и т. д. Эти мотивации теперь выходят за пределы своей подчиненной роли, определяемой чем-то внешним. Скажем, теперь любовь это не просто биологически полезная для выживания функция, обеспечивающая словно автоматически возникающую взаимную привязанность детей и родителей, партнера и партнерши. Появившаяся лишь сравнительно недавно "любовь как страсть", как случайно возникающая пристрастность, не кажется эволюционно-оправданной стратегией, она не несет функциональную (полезную) нагрузку, в обычном смысле этого слова.

Функциональность любви могла бы выражаться в том, чтобы быть результатом эффективного ухаживания (биологически коренящегося, возможно, в проверке того, не является ли самка беременной от другого самца и, следовательно, несущей чужие гены¹⁴), ведь самец де-

232

лом (= временем) доказывает свою состоятельность для воспроизводства генов самки и серьезность намерений. В этом была функция любви как ухаживания: как реакции на "женскую скромность" и затягивание самкой времени перед согласием на брак. Но почему же возникает эволюционно-невероятная и функционально-необъяснимая *любовь как страсть* в социальной эволюции?

Даже в условиях недифференцированного сегментарного общества любовь словно "автоматически" или "естественно" вытекала из семейных интересов. С точки зрения *современного наблюдателя*, кажется невероятным, что любовь как страсть может оказаться следствием (скажем, в династических или внутрисословных браках) социально-определенного выбора. С точки зрения же *прошлого наблюдателя*, покажется еще более невероятным, что любовь способна возникать вообще "из ничего", как в известном смысле "нефункциональная", "безотносительная" привязанность, когда обоснованием (циркулярным объяснением) любви собственно и является сама любовь.

Самовалидация "собственного значения" не требует внешней "полезности", ее функциональность состоит лишь в том, чтобы создать семантическую основу для рекурсивных коммуникаций, ориентированных на один и тот же *общий символ*, в данном случае - коммуникационный код любовь: достаточно сказать, что Эго любит Альтера, и вопросы о том, что "означает" такая любовь, каков ее смысл, задачи, цели, отпадают сами собой в силу именно такой циркулярной само-валидации. Функция кода в том, чтобы обеспечить закрытый характер (в данном случае - интимных) коммуникаций, ориентированных на любовь и мотивированных только ею, а не чем-то, для чего любовь

служила бы лишь опосредующим обозначением. Излишне повторять, что самовалидация как *гарантия стабилизации коммуникаций* является следствием функциональной дифференциации общества на замкнутые, мотивированные именно этими собственными значениями функциональные подсистемы - политики, науки, интимных отношений, искусства и т. д.

Проблема, которая возникает здесь применительно к эволюции, но Луманом как таковая не тематизируется, состоит в том, как возможно, что такого рода генерализированные символические коды-мотиваторы-инструкции отдифференцировавшихся типов коммуникации все-таки должны как-то локализовываться в мотивационной структуре *сознания* и опосредоваться физиологически. Очевидно, что лю-

лю-

233

бовь - это не только коммуникационный артефакт, генерализированный вербальный символ, но еще и соответствующий физиологический процесс и соответствующее переживание в сознании участника системы интимных коммуникаций. Если с мотивационной силой любви (и в какой-то степени с властью) эта проблема стоит не так остро, ведь обе эти мотивации в каком-то смысле явно имеют и физиологическое оснащение, и древнюю поведенческую историю, то как быть с такими вербально-символическими мотивациями или катализаторами коммуникации, как право и истина? Существует ли и в этом случае какая-то более глубокая, физиологически опосредованная тяга или атрактивность *права!* Или в дело должны вступать другие коды-мотиваторы, скажем, *насилие* как гарантия следованию праву? Но какие механизмы обеспечивают, например, притягательность произведений искусства, ориентированных на символический код *прекрасное/безобразное!*

Если формулировать проблему в более общем виде, встает вопрос, не слишком ли много коммуникация - ради достижения атрактивности предпочитаемых опций - отдает своим внешним мирам, своим "компьютерам": сознанию, чувственности, "физиологическим" потребностям, оставляя себе одну лишь *логику подсоединения* следующих коммуникаций и связывания вербальных выражений. Не теряет ли коммуникация в своей реальности, превращаясь благодаря этому в чисто аналитическую данность? Ведь логика коммуникации все равно всегда вынуждена получать свое "реальное" выражение в целях задействованных коммуникаций сознаний, индивидов, а удовлетворенность от подсоединения именно тех коммуникаций всегда "кодируется" физиологически - скажем, как "приятное" или "неприятное".

Поэтому именно сознание часто рассматривается как вместилище социальных генов. У Доукинза *мимы* (социальные гены) как раз и конкурируют *за место в сознании*. С точки зрения же Лумана, такой подход представляется ошибочным, - ведь в сознании в течение одной коммуникации как раз можно успеть "прокрутить" огромное количество идей, и все это почти всегда остается без коммуникативных последствий. Мимы, если они действительно существуют, должны, по мысли Лумана, конкурировать за место в коммуникации, за их обсуждение, - ведь в сознании им-то как раз достаточно "места".

Как уже указывалось, в биологии устойчиво воспроизводящееся

234

сочетание генов (скажем, генов "плотоядного" желудка и соответствующих зубо-резцов, острых когтей) означает стабилизацию эволюции. Аналогичным образом и в социальной эволюции, по мнению Доукинза, сцепление *мимов (memes)* обеспечивает эволюционную стабильность некоторой комплексной семантики, скажем, некоторой идейной доктрины. Так, мим *адского пламени* (наказания за грехи) оказался сцеплен с идеей-мимом *бога*. Луман вполне разделил бы такой взгляд на стабилизацию, но стабилизация здесь означала бы от-дифференциацию особой системы, в данном случае - системы религиозных коммуникаций с собственным обобщенным символом-мотиватором: *верой*.

С точки зрения системной теории Лумана, здесь стабилизация эволюции обеспечивается *самовалидацией* веры как собственного значения системы религиозных коммуникаций. "Адское пламя" (= неверие) тогда есть всего лишь другая (негативная, а значит, рефлексивная) сторона коммуникативного кода *веры*. Как всякая негативность (нищета, несправедливость, безвластие, нелюбовь и т. д.) она действительно за счет ее рефлексии "поддерживает" свою противоположность - позитивную сторону коммуникативного кода, обеспечивает переход к ней, так называемый *кроссинг* границы кода, а тем самым - подсоединение религиозных коммуникаций друг к другу и образование закрытой системы. Рефлексия этой негативности, осуществленная апостолом Фомой, как раз и демонстрирует нам то, как позитивная сторона коммуникативного кода получает поддержку от ее

отклонения, указывающего на поведение других, "верующих", апостолов. Это отклонение отклонения и является самовалидацией коммуникативного кода, обеспечивающего стабильность коммуникации: неверие поддерживает веру, а тот, кто не верит в адское пламя и сам отправляется в огонь.

Но любая стабилизация, по Луману, - это условие для производства новых вариаций. Так, обеспеченная коммуникативным кодом *веры* стабильность системы религиозных коммуникаций послужила началом новой фазы социальной эволюции, поскольку этот код (культурный ген или *мим* в терминологии Доукинза) уступил место своему "аллелю", конкурирующему коду *истины*, т.к. коммуникативный код истины обладал более надежным "симбиотическим механизмом" (возможность отсылки к чувственным удостоверениям знания).¹⁵ Фальсификация (т. е. выявление ложности научного знания) служит росту истинного знания, истинность которого, как известно, не может полу-

235

чить достаточных гарантий в силу недостаточности его эмпирически-индуктивного обоснования. Функционально-эквивалентный механизм удостоверения религиозного знания - наблюдение чудес - оказался гораздо более "проблематичным".

Здесь, правда, возникает почти риторический вопрос, является ли код истины чем-то окончательно стабилизированным и самовалидированным, или же в наблюдениях второго (по отношению к научным коммуникациям) порядка какой-то новой - ныне представляющей лишь гипотетической - системы он, в свою очередь, будет отклонен как регулирующий "чуждые" коммуникации, как это имело место в науке по отношению к коду веры. Несмотря на трудности представления чего-то более "высокого", более генерализированного, простого и очевидного, чем истина, надо помнить, что когда-то вера представлялась столь же очевидным способом управления или кодирования коммуникаций (т. е. символическим кодом, смыслом, геном, инструкцией по выстраиванию коммуникаций) и претендовала (в споре с политическими коммуникациями) на то, чтобы репрезентировать всю систему общества целиком (скажем, в эпоху спора об инвеституре). Другими словами, если сейчас бездоказательная, слепая вера маркируется (наблюдателем второго порядка - главным образом, наукой) негативным значением кода истины (как ложное или, по крайней мере, как бессмысленное, ненаучное знание), можно ли представить себе, что в результате эволюции возникнет система коммуникации, коммуникативный код который будет и истину маркировать аналогично? Утверждение о невероятности такой эволюции ничего не добавляет, - ведь, с точки зрения статистики, любой результат эволюции является в высшей степени невероятным.

7. Существуют ли гены социальной эволюции?

В биологии парадокс эволюции состоит в том, что эволюционируют машины выживания, а не те, кто их задействовал, т. е. мельчайшие фрагменты хромосомы, гены. Что же остается "неразменным" в социальной эволюции?

Доукинз полагает, что "новый бульон - это бульон человеческой культуры", генами которой являются мимы: "мелодии, идеи, модные словечки и выражения, способы варки похлебки или сооружения арок" ... Подобно тому, как гены распространяются в генофонде, переходя

236

из одного тела в другое с помощью сперматозоидов или яйцеклеток, так и мимы распространяются, переходя из одного мозга в другой, с помощью процесса ... имитации".¹⁶

Что же в социальной эволюции остается неизменным, а лишь меняет свои конфигурации, сочетания? И есть ли в самих мимах те самые механизмы репликации, каковыми в генах оказываются средства синтеза белковых структур? Если Доукинз видит этот механизм в *имитации*, то Луман именно в *воспроизводстве коммуникации*, т. е. в подсоединении друг к другу коммуникаций, ориентированных на общий символ-слово-ожидание, усматривает процесс, аналогичный генетической репликации.

При этом, видимо, *язык* следует рассматривать как аналогичный генофонду мимифонд. Язык понимается как неопределенная среда, которая - в его конкретных реализациях в каждом коммуникативном акте - получает определение (форму) по отношению к языку в целом. Слова языка и связанные с ними ожидания (суммы смыслов) некоторым образом аналогичны устойчивым комбинациям нуклеотидов, определяющим конструирование соответствующих белковых тел.

Вербализованные (а в конечном счете, записанные) смыслы или смысловые ожидания и являются собственно генами коммуникации. Ожидания не следует понимать как психическую запрограммированность на определенное событие типа *B* в случае события

типа *А*. Ожидания, или смысловые ожидания, - это сумма возможных отнесений, референций ко всему, что может быть произнесено в ходе в коммуникации. Такое понимание слов языка как кластеров возможных отнесений (возможных смыслов и возможных способов употребления), конденсирующихся в некоторое множество символических генерализаций или кодов коммуникации, избавляет нас от проблемы некор-пускулярности мимов в смысле Доукинза и непрерывности мутирования: ведь в противном случае (если под мимами понимать всю широту культурных феноменов, "мелодии, идеи, модные словечки" и т. д.), передача мимов была бы сопряжена с непрерывным мутированием, поскольку каждая идея, всякий культурный феномен при его обсуждении предстает в той или иной редакции или интерпретации, а следовательно, как раз и не обладает собственным значением.

Репликация - это воспроизводство смысла в коммуникации, или точнее, воспроизводство коммуникаций, ориентированных на общий смысл. Следует отказаться от понимания генетических единиц куль-

237

туры как бесконечно дробящихся (скажем, симфоний - на музыкальные фразы, последние - на отдельные ноты и т. д.). Более удачным представляется понятие *медиума, среды, variety pool* - слабо связанных элементов, слов языка, как потенциала возможностей, из которого выкристаллизовываются, скажем, конкретные предложения, как раз и конструирующиеся благодаря этому смыслу. Слою языка, в силу вытекающего из него - широкого, но все-таки всегда ограниченного - множества возможных отнесений, множества возможных употреблений, - представляет собой аналог гена или генного комплекса. Смысл - это то, что ограничивает и канализирует коммуникацию, сводит ее в системную последовательность выражений.

Доукинз полагал, что мимы нельзя понимать как культурный аналог гена, допускающий взаимозамену своих фрагментов фрагментами-конкурентами, своего рода аллелями. Если же обращаться к лу-мановской интерпретации социальной эволюции, можно говорить о смысловых матрицах культуры, где именно *отрицание*, возможность сказать *нет*, тому или иному смыслу выступает в качестве такого *аналога отеля*. При этом отрицание не уничтожает, а умножает, по крайней мере удваивает любое положение дел, давая ему еще и отрицательную редакцию, переводя его в культурно рецессивную стадию, но всегда готовую (в случае затребования в той или иной коммуникации) к актуализации, пусть даже и в контексте отрицания, как рефлексивное значение, т. е. как необходимое знание того, что не следует делать или знать.

8. Языковое отрицание — главное эволюционное достижение

Дистанционным восприятием дистанционного восприятия живые системы расширяют свой аппарат чувств. И это - одно из начал коммуникации. Олень видит, как вспархивает птица и "понимает", что ее вспугнула какая-то опасность. В этом восприятии чужого восприятия лежит мощное эволюционное преимущество. Такое восприятие восприятия можно понимать как животную "коммуникацию".

От такого "общения-восприятия" эволюция привела к возникновению языка. Эволюционное преимущество языка состоит в том, что он сделал более четким различие между формами сообщения и выражаемой им информацией. Луман приводит пример: хозяйка сама ест пригоревшую пищу (сообщение), тем самым указывая, что пища впол-

238

не пригодна для еды (информация). Тот факт, что подобное поведение является сообщением, невозможно уточнить невербальными средствами. Оно всегда может оказаться не осмысленным сообщением адресату факта съедобности, а естественным отправлением потребностей. Невербальная коммуникация (т. е. восприятие восприятия) не позволяет удостовериться (скажем, в форме вопроса) в - фундаментальном для коммуникации - различении сообщения и информации.

Главное эволюционное преимущество языка перед невербальной коммуникацией (т. е. восприятием восприятия) состоит, таким образом, в том, что он сделал возможным различие сообщения и информации и при этом, в силу своей "свободной" грамматики оставлял открытым будущее: ведь последовательности слов жестко не фиксируются.

Мир увиденного и мир проговоренного отличны по степени абстрактности. Мир проговоренного требует больше времени для своего представления в коммуникации, а значит должен быть более абстрактным, чтобы охватить или пробежать в одном выражении множество конкретных ситуаций. Осваивая время (будущее и прошлое), мы платим за это большей вербальной абстрактностью. И только благодаря этому язык создает огромные фиктивные миры - горизонты событий: массивы еще-не-

воспринимаемого и уже-не-воспринимаемого, а значит - ошибки, а значит - и научение через ошибки. Коммуникация же, основанная на восприятии чужого восприятия, всегда осуществляется в конкретном многообразии одновременно обозреваемого и воспринимаемого. Она не допускает научения, поскольку не допускает ошибок, отрицания и, следовательно, создания фиктивных или возможных миров. Ведь все, что воспринимается, то и существует. А существует только то, что воспринимается.

Фундаментальным эволюционным достижением стало *изобретение отрицания*. Его необходимость состояла в наведении мостов с нормальностью, нормализации необычного. В форме отрицания можно иметь дело с неожиданным, невероятным, оно делает возможным справиться с разочарованием в ожиданиях. Вообще, введение именно коммуникативного, т. е. языкового, отрицания, явилось переходом от отрицания поведенческого (движения *от* и *по направлению к* добыче, партнеру, опасности).

Отрицание и язык взаимно обуславливали друг друга. Бинарное кодирование делает возможным бифуркацию коммуникации - т. е. ее

239

распределение по значениям *да* и *нет*, а значит выстраивание системы позитивных элементов системы, т. е. подходящих к той или иной ситуации коммуникаций, в то время как все, что не принималось, отклонялось как чуждое, неподходящее для обсуждения в коммуникации, все-таки в этом негативном виде тематизировалось и могло быть отложено на потом. Отрицание стало способом бытия рискованной, опасной коммуникации. Но чтобы отрицание заработало на полную мощь своей функции, потребовалась письменность, выводившая рискованные и невероятные формы коммуникации из-под временного давления и временного дефицита устной коммуникации - интеракции.

В контексте всего сказанного можно попытаться прояснить одну из проблем социальной эволюции, заставлявшую исследователей отказываться от понимания социального развития как эволюции. Речь идет о проблеме свойственного живым системам так называемого "узкого горла" эволюции, что, как представлялось, не находило своего подтверждения применительно к социуму. Как известно, у живых систем есть два способа репликации - рост и размножение. В случае размножения новый организм "происходит" из одной-единственной клетки ("узкогогорловый цикл"), например, из оплодотворенной яйцеклетки).

Если ставить этот вопрос применительно к социальной эволюции, возникает проблема: как осуществляется эволюция в обществе? Свойственен ли обществу кумулятивный рост, скажем, все большее обогащение традиции культурными достижениями, их трансляция и диффузия (биологической аналогией здесь может служить ильмовый лес, представляющий собой растущий, единый и бессмертный организм) или общество "размножается" через селекцию вариаций из геноти-па-мимифонда, через селекцию, подкрепленную и стабилизовавшуюся вследствие возникновения обособленных систем коммуникации?

Благодаря "узкогогорловому циклу" и смерти живой организм наследует только гены, т. е. "программы конструкции своих машин выживания", а не прижизненные вариации предков. Тогда возникает вопрос, есть ли такое "узкое горлышко" в эволюции социальных систем (их смерть и наследование программы с возможностью ее мутирования). Понимание под *социальными генами* генерализированных языковых символов-ожиданий в качестве программ-инструкций по выстраиванию систем коммуникаций как своего рода фенотипов дает возможность рассматривать именно *тексты* (особенно, письменные

240

и печатные, но отчасти и устные) как "узкое горло" социальной эволюции. Именно - всегда системно-специфический - процесс производства текстов из текстов в ходе коммуникации выступает аналогом "узкогогорлового цикла" эволюции. Приводя приблизительную метафору, можно сказать, что подобно тому, как живые системы рождаются или реплицируются из клетки, социальные системы рождаются или реплицируются из слова (генерализованного символа, концентрирующего вокруг себя программы-инструкции по конструированию коммуникации, т. е. специальные тексты).

9. Теория эволюции Н. Лумапа как ответ на вызовы со стороны антидарвинизма

Вызовы системной теории, как и следовало ожидать, формулируются ее главным оппонентом - индивидуалистской, или "гуманистической", парадигмой теории общества, понимаемого как совокупность индивидов. В эволюционном контексте такое общество обычно сравнивалось с биологической популяцией. Другим вариантом того же подхода является "организмическая метафора социального", утверждающая наличие аналогии между обществами и организмами.¹⁷

При этом эволюция общества и культуры осуществляется, как полагают сторонники индивидуалистического подхода, не благодаря механизмам, функционально-аналогичным процессам размножения (т. е. через "джогорловый" цикл), а в процессе "широкой" трансляции информации, т. е. через культурную и социальную диффузию, передачу опыта от одной социальной единицы (племени, общества, института, индивида) к другой.

Теория Лумана, отказавшаяся от "организмической" метафоры, "возвращает" социальной эволюции ее обм/еволюционное свойство - способность репликации (коммуникаций).

Вызов первый: в то время как эволюцию живых систем определяет конкуренция, в обществе господствует кооперация.

По мнению Джулиана Хаксли¹⁸, в понимании социальной эволюции возникает фундаментальная трудность. Ведь общество является одновременно и *soma* (телом, фенотипом, механизмом самосохранения) и *гермоплазмом* (механизмом репродукции, трансмиссии). В обществе будто бы нет разделения на бессмертное и смертное, фило-

241

генез и онтогенез совпадают. Применительно к обществу, согласно Хаксли, оказывается бессмысленной модель генного пула, в котором та или иная "более приспособленная" характеристика социальных систем статистически встречается более часто.

Поэтому-то "базовые единицы наследования" или социальной репродукции, сопоставимые с геном, оказываются ненужными; "единиц отбора" будто бы не существует. Из того факта, что общество не воспроизводит себя "узкогорловым" способом (т. е. через смерть и новое рождение и конструирование "по генетической инструкции"), выводится то, что "дифференциальная частота" той или иной социальной характеристики не выражает степень "приспособленности", "фитне-са". В социальных структурах будто бы нет возможности выявить часто встречающиеся и поэтому "более эффективные" структурные характеристики.

Иными словами, аргументом в пользу *несоизмеримости биологической и социально-культурной эволюции* является то, что относительная частота тех или иных слов, понятий, форм культуры и социальности вовсе не свидетельствует об их соответственно большей конкурентоспособности и большей адаптивности.

И действительно, кажется убедительным антидарвинистское утверждение, что *частота* и *приспособленность* в социуме не являются коррелирующими величинами, как это имеет место применительно к живым системам. "Генералов меньше, чем рядовых", но значит ли это, что последние более приспособлены и со временем совсем "вытеснят" генералов?

Таким образом, утверждается, что общество живет не за счет конкуренции между более эффективным (= учащающимся) и менее эффективным (= все более редким), заканчивающейся затуханием последнего, а за счет - эмпирически фиксируемой - кооперации. Факт кооперации, согласно такому подходу, будто бы оказывается решающей фальсификацией дарвинистской теории в ее приложении к социуму. Но не только люди как элементы социума кооперируют друг с другом. И культурные артефакты (впрочем, как и люди) согласно этому подходу, одновременно конкурируют и кооперируют (шариковая и перьевая ручки конкурируют между собой, но "кооперируют" с пергаментом и бумагой).

В русле этого подхода критикует дарвинизм и известный представитель генетической эпистемологии, пиажеанец Холпайк. Общество

242

- утверждает он - изменяет свой внешний мир, который, соответственно, не может быть внешним *селекционирующим механизмом*, а представлен другими "обучающими" и "кооперирующими" обществами. Поэтому селекция как таковая не может быть обособленным эволюционным процессом.

Исходя из этого аргумента (отсутствие "враждебного" внешнемирного давления на эволюционно-неудачные вариации и как следствие

- естественного отбора) можно отказаться от неodarвинистского эволюционизма, как это делает Холпайк, но можно обратиться и к аргументации Лумана, признающего данные факты, но делающего другой вывод. Ведущая дифференция *система (= общество) / внешний мир* сохраняется, но под "внешним миром" понимается не все социальное окружение (оно как раз является внутренним внешним миром для подсистем общества), а живые системы (биологические организмы) и сознание человека (системы переживаний). Из аргументации, приводимой Холпайком, вытекает лишь факт наличия мирового

общества и его неспособность вырваться за пределы своих границ, а вовсе не отказ от разделения эволюционных функций на варьирование, селекцию и стабилизацию коммуникаций.

В основе аргументации Холлайка лежит принцип, согласно которому все, что, с одной аналитической точки зрения, конкурирует, с другой аналитической точки зрения, кооперирует. И что же тогда подвергается *внешнемировой* селекции? Что является аналогом организма, отличного от среды, т. е. от внешнего мира, осуществляющего селекцию? С точки зрения Холпайка, все социальные институты и культурные артефакты словно "размазаны" по всему внешнему миру общества, *совпадают* с ним во всем его объеме. Холпайк аргументирует следующим образом: "С некоторой точки зрения паровой двигатель может рассматриваться как новый тип организма, конкурирующий с другими типами организмов, такими как водяной привод и "животный" привод. Но общество (как его среда), в котором он (паровой двигатель) получил распространение, в свою очередь, было глубочайшим образом им модифицировано, поскольку последний обеспечил передвижение по суше и по морю, удобный и дешевый источник энергии для фабрик, которые размещаются повсеместно. Итак, социальные воздействия парового двигателя могут быть поняты только через анализ экономической, социальной и технологической организации тотальности общества".¹⁹

243

Дарвинист же, по мнению Холпайка, пытается объяснить социальную эволюцию, задавая вопрос о том, "почему данное изменение оказалось успешным?" и измеряет этот успех в терминах относительной частоты инновации. По Холпайку, подлинная проблема коренится в - бессмысленном для дарвиниста - вопросе о том, "что является результатом воздействия этого изменения на всю остальную социальную систему в целом".

Но, повторимся, это опять-таки доказывает, что "общество" не является внешним миром культурных артефактов, мировое общество действительно, в свою очередь, является социальной системой, *внутренним* внешним миром других социальных систем, отличным от таких действительно внешних миров социальных систем, каковым являются системы сознания и живые системы.²⁰ Отношение между обществом и его внешним миром не являются, по Луману, отношением приспособления одного к другому. Ведь Луман придерживается общеэволюционного подхода к адаптации и утверждает, что культурная и социальная эволюция вовсе не состоит в достижении более совершенной приспособленности организма (или лучшего адаптирования внешнего мира). Это было давно признано биологами²¹, и переносится Луманом на почву социальной и культурной эволюции. Конкурируют возможные подсоединяющиеся коммуникации, а ее эволюционно-неудачные формы отклоняются. Критерии же селекции одних коммуникаций и отклонения других являются внутрисистемными достижениями.

Вызов второй: социальные изменения не являются случайными, эволюция имеет направление

Противники дарвинизма настаивают на том, что социальная изменчивость, вариации не являются аналогом мутаций в силу их неслучайного, *целенаправленного, организованного, планируемого, ин-тенционального* характера. Между тем, мутация как базовый источник изменчивости, варьирования в живых системах является случайной. В обществе *изобретение* (целовое, ответственное, допускающее диффузию) как фактор социальной изменчивости и варьирования является продуктом культурной традиции, а следовательно, по мнению противников дарвинизма, не может быть социальным аналогом случайной животной мутации.

В ответ на это Луман, с присущей ему софистичностью, указыва-

244

ет, что цели и интенции могут быть и неслучайными, но вот их основания таковыми не является: "Во-первых, основа для формирования интенций, как правило, если не всегда, оказывается отклонением от укоренившейся рутины (следовательно, никак не является спонтанно возникающим самоосуществлением Духа); оно само, таким образом, является результатом эволюции. И кроме того, будущее не ориентируется на интенции, а вбирает в себя лишь интенционально произведенные факты как исходный пункт дальнейшей эволюции. Итак, эволюционная теория полагает (и это не так уж далеко от реальности), что планирование не способно определить то, в каком состоянии окажется система в результате планирования. Соответственно, планирование, если оно имеет место, являет собой момент эволюции, ведь уже одно наблюдение моделей и добрых намерений планирующих ведет систему по непредсказуемому курсу. Теория эволюции могла бы по

этому поводу высказаться следующим образом: то, какие структуры вытекают из планирования, определяется эволюцией".²²

Антидарвинистски ориентированные теоретики настаивают на том, что в отличие от слепых, безразличных к причинам и источникам их появления, *биологических* генных мутаций, источники *социальных* инноваций чрезвычайно важны для становления и функционирования этих нововведений. Важно знать, *по какой причине* возникли железные орудия труда и централизованное государство, заменившие, соответственно, каменные орудия и нецентрализованные племенные образования. Соответственно, нельзя-де рассматривать изобретение и инновацию как случайные мутации. Холпайк критикует Кэмпбелла и Скиннера, утверждая, что человеческая мысль и определенные социальные обстоятельства являются неслучайными источниками изобретений.

Этот пункт заставляет усомниться в применимости дарвиновской схемы к социальной эволюции. Совместима ли *слепота культурных вариаций* с "сознательностью" изобретений? Действительно, возникает впечатление, будто вариации в обществе специально организуются в ответ на воздействие извне. Многие достижения эволюции можно, например, свести к общей культурной тенденции: к расширению подконтрольного обществу пространства. Тогда культурные достижения воплощают определенным образом направленное развитие, каждый этап которого вытекает из предыдущего. С этой точки зрения, важнейшими шагами эволюции становятся все более адекватные пространственные представления, организация "действий на рас-

245

стоянии"; в этом же контексте речь может идти и о выходе коммуникации за пределы интеракции, и об (изобретенном в Китае) огнестрельном оружии как дистанционном способе ведения войны, - впрочем, эту же общую тенденцию выражают самые гетерогенные феномены: от магии и путешествий, до изобретения телефона и интернета. И тогда действительно, такие процессы, как указывает Холпайк, не являются случайными, а лежат в контексте этого постепенного завоевания и освоения пространства (в том числе и весьма неадекватными средствами алхимии и галлюциногенов).

Такой отказ от случайностного понимания варьирования помогает решить другую проблему - многообразия культурных черт и дефицита социального времени, недостаточного для "опробования" различных сочетаний культурных характеристик и форм социальности. "Сознательность" изобретения якобы обуславливает более эффективную возможность синтеза многообразия самых гетерогенных культурных черт в некоторое единство. (Особо об этой проблеме - в следующем пункте). Тогда изобретение огнестрельного оружия стало результатом синтеза алхимически и магически культивируемого в Китае огня и дыма, как и - свойственной для китайской ментальности - идеологии "воздействия на расстоянии", факта произрастания бамбука как прообраза металлического дула, а также развитой металлургии. Таким образом, целенаправленное *мышление* обеспечивает такое варьирование, при котором селекция (в свою очередь, "сознательная") осуществляется уже не между *бесчисленными* и *случайными, независимыми друг от друга* гетерогенными культурными достижениями, а между синтетическими комплексами, вбирающими в себя и синтезирующими это многообразие.

Все это позволяет некоторым эволюционистам утверждать, что в социальной эволюции *нет жесткого различия между варьированием и отбором*, как это имеет место в органической эволюции. Поскольку социальные инновации изначально конструируются индивидами, последние не привносят инновации из вакуума, - считает Холпайк. Вариации сознательно организуются индивидами "ради" их последующей селекции, целенаправленного отбора, а следовательно, варьирование и селекция есть единый процесс.²³

Луман, конечно же, горячо протестует против такой "гуманистической" интерпретации эволюции: "Условие варьирования лежит в многообразии, а не в возможности того, что среди большого числа

246

индивидов с достаточной вероятностью появляются и экземпляры, выделяющиеся особенной инновативностью".²⁴

Антидарвинист может указать на то, что то или иное изобретение (к примеру, изобретение атомной бомбы) было *сознательно организовано*. Луман бы ответил на это, указав, что причины появления эволюционных достижений (варьирование) - одни, а функции (фактор их отбора) - другие. Причиной создания ядерного оружия могло быть стремление к достижению мирового господства (или, по крайней мере, обеспечения доминирования в мировой политике), в то время как функция этого оружия (и, соответственно, причина селекции научных коммуникаций вокруг этой научной тематики)

оказалась прямо противоположной, а именно - функция взаимного сдерживания, как раз исключая такого рода (полное) доминирование в мировой политике. Случайность, таким образом, понимается не как независимый от обстоятельств характер появления нового события, а как независимость *источника появления нового* относительно той функции, которую однажды возникшая вариация будет играть в будущем, в случае ее селекции. Ведь именно функция (= устойчивость символически-замкнутых самообращенных коммуникаций), а вовсе не причина появления нового определяет его возможную дальнейшую селекцию. *Вариации* (*новые* отклонения коммуникаций) не должны быть ответом на внешние воздействия, вытекать из прежнего опыта, быть следствием научения.

Вызов третий: дефицит времени на опробование возможных комбинаций.

Антидарвинисты полагают, что серьезной трудностью для эволюционистского подхода к социуму является гигантское число возможных комбинаций его варьирующихся свойств. Так, Мердок²⁵ приводит 571 базовую социальную характеристику общества (оружие, терминология родства, брачное поселение, этноботаника, законообраз-ные нормы, забота о детях и т. д.). Каждая черта несет в себе огромное число ее возможных вариаций. Так, брачное поселение может быть амбилокальным, билокальным, матрилокальным, патрилокаль-ным, вирилолокальным, неолокальным и т. д. Общее число комбинаций достигает 10 в 143-ей степени.²⁶ Эта трудность не возникает в применении дарвинизма к живым системам в силу гигантского числа биологических организмов, их популяций и поколений, в силу доста-

247

точного времени для эволюции всего многообразия живых систем. Между тем *социальная* эволюция началась сравнительно недавно, и число обществ (как бы их ни определять) никогда не было настолько велико, чтобы исчезать и появляться с частотой биологических популяций в зависимости от успешного или неуспешного отбора. Поэтому общества якобы не способны исчерпать или хотя бы приблизиться к сколько-нибудь полному воплощению возможных комбинаций социальных и культурных черт. И если принять факт - эмпирически фиксируемого - незначительного числа обществ, то придется предполагать высочайшую скорость варьирования и мощнейшее селекционное давление.

Именно в этой связи надо, например, понимать заявление Д. Кэм-пбелла о нерелевантности "внешнего" (= естественного) отбора. В обществах "успевает" состояться лишь частичная "случайная перетасовка" вариантов, причем варьирование никак не зависит от внешне-мировых условий (от селекции), и в процессе "проб и ошибок" из последних ничему нельзя научиться.

Но в то же время очевидно, что представлению о "случайной перетасовке" явно противоречит, например, тот эмпирический факт, что торговля и военное дело, деньги и транспорт, ремесло и земледелие возникают независимо в различных регионах, что противоречит тезису "рэндомного" варьирования. Такая инвариантность социальных достижений при "рэндомном" варьировании представляется невероятной.²⁷

Перечисленные трудности в применении неодарвинизма к социуму решаются Луманом посредством перемещения уровня эволюции - от эволюции индивидуальных, культурных и социальных характеристик тех или иных обществ (все возможные комбинации свойств и форм которых действительно не могут быть "проигранными" сколько-нибудь полно) к эволюции более глубокого уровня. В сущности, в этом и состоит лумановский подход. "*Фенотипами*", т. е. воплощениями эволюции генов, выступают общества или общество. Но если под обществом понимать последовательности коммуникации, то проблема дефицита времени на опробование социальных событий снимается. Очевидно, что коммуникации и их "пробные отклонения" осуществляются в неизмеримом количестве.

Но, что же тогда в обществе варьируется "на более глубоком", *генетическом* уровне? В претендентах на роль социальных генов ни-

248

когда не было недостатка. Многочисленные неодарвинисты предлагали на эту роль то самореплицирующиеся *образы памяти* (Блюм²⁸), то *идеи* (Боулдинг²⁹), то *инструкции* (Клоук³⁰), а также *мимы* (Р. Доукинз³¹). Но все эти "гены" все-таки оставались соразмерными сознанию человека³², там хранятся и локализуются.

Впрочем, в одном все перечисленные эволюционисты согласны: конкурируют не люди или организмы, обладающие или реализующие "инструкции", мимы, идеи, концепты; конкурируют сами инструкции или программы конструкции этих людей, организмов и, в

случае общества, социальных систем. Луман, скорее, следует подходам Клоука и Доукинза. Объектом трансляции являлся не *образ сознания*, а правило, инструкция, программа конструирования, алгоритм, текст. Текст в этом смысле действительно является генетической единицей, причем для своего воспроизводства и трансформации в другие тексты он словно задействует сознание своих "создателей", скажем, ученых, литераторов, производящих новые тексты исходя из текстов прочитанных.

Обобщим сказанное. У Лумана роль культурного генофонда (аналогичного генофонду живых систем), видимо, играет язык как слабосвязанная среда, в которой в *неактуальном*, невостребованном виде способны существовать конкуренты *уже актуализировавшихся* выражений, что напоминает отношение актуализированных генов и их конкурентов за место в хромосомах - аллелей. Язык ведь структурирован очень слабо, лишь грамматически, что не определяет однозначно актуальную выборку тех или иных слов или выражений в какой-то данной ситуации.

Эта слабая структурированность социально-культурного генофонда (в нашем случае, языка) является не препятствием на пути эволюции (Холпайк ³³), а наоборот - существенным эволюционным преимуществом, оставляющим открытое будущее: пространство дальнейшей эволюции. (Впрочем, в первобытных языках все было несколько иначе. Говорить в определенных ситуациях следовало "высоким языком", однозначно определенными текстами, где каждое выражение предполагало подсоединение строго определенного следующего выражения)

249

Проблема, которая возникает при интерпретации языка как генетического пула варьирующихся элементов находится лишь в мнимом противоречии с вытекающим из дарвинизма представлением о том, что варьирования (мутации) должны быть слепыми, в то время как выражения, тексты целенаправленно придумываются, а зачастую и весьма тщательно продумываются. Ведь мутируют, подвергаются варьированию, а затем и селекции, не "краткие" выражения, слова языка, фонемы и т.д., а их сочетания. Здесь довольно очевидной является аналогия с генами живых систем: чем "компактнее" указанные языковые единицы, тем больше у них шансов "выжить". Самые компактные элементы языка в каком-то смысле вечны или, по крайней мере, чрезвычайно устойчивы.

Мутируют, таким образом, не просто элементы языка, а генетические структуры коммуникаций, смысловые ожидания, т. е. задаваемые речевым актом комплексы референций. Если я произношу "А" (слово, предложение и т. д.) следует (ожидать), что произнесут и "Б". В обществе реплицируются смыслы, ожидания, т. е. сгущения коммуникаций или сгущения языка, устойчиво повторяющиеся в сравнительно различающихся ситуациях. Каждое произнесенное слово, скажем, "дерево" - это уже и есть ожидание, указание на возможные его употребления, на возможные свойства реферируемого объекта (тенистая крона, возможность построить деревянную лодку). Любой названный словом объект - это сумма ставших устойчивыми коммуникаций по его поводу, задаваемых ожиданиями, связанными с его названием.

Интерпретация языка как генофонда позволяет уточнить понятие *варьирования*. Варьирование - это такая (отклонившаяся от того, что прежде казалось естественным и самопонятным) актуализация слов, которая задает какое-то одно из возможных отнесений (скажем, "дерево" как деревянное изделие). Будучи отобранным, такое выражение становится устойчивым, а может быть и основным, ожиданием, связанным с данным словом. Появление нового смысла (скажем, коннотация "деревянное"), конденсация в нем всех возможных конкретных ситуаций (скажем, ситуаций, когда мы имеем дело с чем-то деревянным) и является селегированной вариацией. Очевидно, что для селекции такого смысла (т. е. отнесения к другому) слова "дерева", его превращения в новое, самостоятельное *ожидание* нужны были соответствующие условия.

250

Селекция вариации есть *формирование ожиданий - структур коммуникации*. Такое превращение требует повторных произнесений, репликации в сходных контекстах, повторяющихся коммуникаций (например, коммуникаций по поводу производства деревянных предметов). Вариация - это начальное, случайное появление нового, отклоняющегося, *неожиданного* коммуникативного смысла слова, который затем может быть отобран, а впоследствии и закреплён, если применяющие это слово коммуникации получают *системно-воспроизводящийся характер* {скажем, если возникнет специальное ремесло по деревообработке и производству деревянных изделий}. Тогда становится очевидным, что эволюционная *стабилизация* ожиданий или структур систем коммуникаций возможна лишь как следствие общественной дифференциации, разделения

труда. Новые языковые сочетания (скажем, "деревянная лодка", "деревянный дом") суть генетические комплексы, рождающие как бы фенотипические образования: системы коммуникаций, выстраивающиеся вокруг запускаемых новым словом или новым смыслом (новым генным комплексом) ожиданий.

Примечания:

* Статья написана при поддержке фонда РФФИ (грант РФФИ, 05-06-80244-а), а также при поддержке фонда РГНФ (грант РГНФ, 05-03 -80244-а). Особую признательность за поддержку работы над проектом перевода книги мы выражаем фонду имени А. Гумбольдта (Германия).

¹ Форма - означает проведение различия или отграничений в какой-то однородной среде, где все внимание сосредотачивается на том, что это отграничение отграничивает, а не на том, от чего оно отграничено и тем более не на самом проведении разграничения. Мы видим саму крону дерева, а не границу между ней и фоном. Всякое имя, слово, название предмета - это, таким образом, нерелексивно проведенное различие. Мир же - это все, что находится "по ту сторону" внутренней стороны различия.

² См.: Дукинз Р. Эгоистичный ген. М. Мир. 1993 (Далее: Дукинз Р. (М., 1993))

³ Лоренс К. Агрессия. М. Прогресс. 1994.

⁴ Дукинз Р. (М., 1993)

⁵ "Допустим, каждый строительный блок обладал сродством с другими блоками одного с ним рода. В таком случае, всякий раз, когда какой-нибудь строительный блок находившийся в булоне, ока-

251

зывался подле той части репликатора, к которому у него было сродство, он там и оставался ... прикрепляющиеся строительные блоки автоматически располагались бы в той же последовательности, что и блоки репликатора... они соединялись бы друг с другом образуя стабильную цепь". Дукинз Р. (М., 1993)

⁶ Мейоз у человека представляет собой образование половых 23-хромосомных клеток путем деления 46-хромосомной клетки.

⁷ Загадочное понятие "структурных сопряжений" сознания и коммуникации, активности мозга и сознания, активности организма и нейронной активности, проблема *mind/body* всегда волновало исследователей. Эволюционная теория дает ему свою интерпретацию. Скажем, в отношении селекции и взращиваемой культуры селекционер *обуславливает* возможности произрастания: отбирает подходящие посевные образцы, устраняет сорняки, "возделывает" поле. Культуры *"кондиционируют"* селекционера, словно задействуют его потенциал, используют его как свою "машину выживания" для конкуренции с другими видами.

⁸ С. 63 настоящего издания.

⁹ Вспомним здесь, что и строительство генами их биологических машин выживания - организмов, начиналось с белковых границ, защищающих молекулы ДНК.

¹⁰ Лумал рассматривает исторические формы критериев убедительности. Различению и, соответственно, отбору убедительных и неубедительных вариаций (т. е. попросту новых интерпретаций) поочередно служили - "более совершенная природа" высшего слоя, онтологические различия (неба и земли, высокого и низкого), скептическая установка, догматика, статистика, а с восемнадцатого века - здравый смысл, смехотворность и формирующаяся критическая установка, пока, наконец, убедительность и очевидность как критерии селекции не отдаются окончательно на откуп массмедиа.

¹¹ С. 196 настоящего издания.

¹² Поэтому письменность - это не только "бумажная" или какая-то аналогичная запись слов (предстоящих в виде сконцентрированных в единство, т. е. редуцированных к единому, "генерализованному" символу, разнообразнейших ситуаций). Письменность следует понимать как все многообразие "памятников" - дороги, памятные места, маршруты, выдающиеся фрагменты естественного ландшафта, связанные с воспоминаниями.

¹³ С. 204 настоящего издания.

¹⁴ Дукинз Р. (М., 1993).

¹⁵ Лишь тот генерирующий систему коммуникативный код, который

252

обладает таким удостоверяющим "выходом" в базовую для него сферу внешнего мира оказывается конкурентоспособным в создании своих машин выживания — социальных систем. У системы интимных отношений и коммуникативного *кола любви* - это удостоверяющие позитивную сторону любви физические сексуальные отношения. У экономики и кода *деньги* - это процесс реального потребления; основание системы политики - возможность обращения к физическому насилию. В системе науки, как уже говорилось, "легитимирующим" основанием кода *истины* является процесс восприятия, обеспечивающий возможности эмпирического удостоверения теоретических предложений.

¹⁶ Дукинз Р. (М, 1993).

¹⁷ Организмическую метафору можно свести к следующим пунктам: институты общества оказываются взаимосоотнесенными, подобно органам тела, и сохраняют континуальность несмотря на изменения в составе индивидов; клетки уподоблялись индивидам, централизованное управление — мозгу; разделение труда между институтами общества аналогично специализации функций органов; обществу, как и организму, свойственны самосохранение, адаптивный ответ на воздействия внешнего мира, обратная связь. Передаче вещества, энергии в организме в обществе соответствуют коммуникации, торговля,

транспортная система и т. д.

¹⁸ Huxley J. Kingdom of the Beast. N.-Y., 1956., p.9.

¹⁹ Chr. R Hallpike. The Principles of Social Evolution. Oxford 1989, p. 49.

²⁰ Впрочем, и в биологии прекрасно известно явление кооперации генов, что никак не отрицает факта их конкуренции за место в хромосоме. Проблема же лучшей адаптации и частоты появления "более совершенных", "лучше адаптированных" форм социальности вообще не является актуальной для Лумана.

²¹ "По моему мнению - пишет фон Берталанфи - нет никакого проблеска научного доказательства в том, что эволюция в смысле прогресса от менее сложных к более сложным организмам имеет что-то общее с более успешной адаптацией, селективными преимуществами или производством большего числа отпрысков. Адаптация возможна на любом уровне организации. Амеба, червь, насекомое или не-плацентарное млекопитающее приспособлены так же, как и плацентарные; если бы это было не так, они бы уже давно вымерли." (Bertalanffy L. v. Robots, Men, and Minds: Psychology in the Modern World 1969, с. 67.) Другой вопрос, что Луман (на том же самом основании) вовсе не соглашается с пониманием эволюции как движения от простых систем или организмов к более сложным.

253

²² С. 22 настоящего издания.

²³ Такое понимание эволюции очевидно нереалистично и весьма напоминает теорию заговора и приводит к комичным импликациям. Так, ошибка при переводе Библии (перевод "молодой женщины" как "девы") вполне могла бы интерпретироваться как специально задуманная вариация с целью введения столь распространенного в католичестве культа непорочной Девы.

²⁴ С. 31 настоящего издания

²⁵ Murdock G. P. The Ethnographic Atlas. University of Pittsburgh Press, 1967.

²⁶ Hallpike Chr. R. The Principles of Social Evolution. Oxford 1989, p. 40.

²⁷ Так, с точки зрения Мердока, *эволюционно-необъяснимым* в контексте "рэндомного" варьирования выглядит тот факт, что африканский тип государственности воспроизводится снова и снова практически во всех своих индивидуальных чертах: абсолютистская монархия; божественное происхождение и ритуальная изоляция монарха; знаки монаршей власти (барабаны, трон); основание каждым монархом новой столицы; монарший гарем; особый престиж королевы-матери, королевы-жены и королевы-сестры; территориальная бюрократия; государственные министры одновременно являются правителями провинций; последние выбираются из слоев, "недостойных" наследовать монарший трон; наследование трона не урегулировано; анархия в период междуцарствия; человеческие жертвоприношения на похоронах монарха. См. Murdock G. P. Africa: Its Peoples and Their Culture History. McGraw Hill Text. 1959, p. 37.

²⁸ Blum H. Time's Arrow and Evolution. Princeton 1963,

²⁹ Boulding K. E. Primer On Social Dynamics. Free Press, 1970

³⁰ Cloak F.T. Is a cultural ethology possible. In: Human Ecology 3:161-182

³¹ Доукинз Р. (М, 1993).

³² Приведем цитату, репрезентирующую эти всегда соотносенные с сознанием человека представления о культурных генах: "В социальных системах генами являются образ или идея в сознании человека: идеи - такие, как планы-эскизы, по которым создаются здания или автомобили; идея или образ будущего, которые создают новое предприятие; предложение брака, которое создает новую семью; образ нового способа жизни в учении, создающем новую религию. Параллель с геном весьма отчетлива. Сущностная структура обоих состоит в информации - такой, которая в благоприятствующей среде способна сотворить телеологический процесс для производства соответствующего фенотипа". (Boulding K.

254

E. Primer On Social Dynamics. Free Press, 1970, p 21-22)

³³ Неструктурированность гипотетических генов культуры, по мнению Холпайка, якобы возвращает нас к старой проблеме дефицита исторического времени, недостаточного для опробования всех языковых комбинаций, а значит, не позволяющего выявить (посредством социальной селекции) действительно эффективные комбинации. "Если наш социальный внешний мир составлен из бесструктурных мириадов крошечных культурных генов, то конкретный индивид никогда бы не смог вообще усвоить культуру... Мы знаем, что язык не усваивается исключительно в форме изолированных мимов (слов словаря, морфем, фонем, букв алфавита?), но мы упорядочиваем эти звуки и слова посредством ограниченного числа общих правил и категорий, - так, что мы можем произносить и постигать выражения, с которыми мы никогда не сталкивались ранее. Hallpike Chr. R. The Principles of Social Evolution. Oxford 1989, p. 46.

В 2005 г. в издательстве «Логос» (Москва) выходят в свет:

серия SGCIUM.TXT

—> Никлас Луман. *Дифференциации* [Общество общества. IV]

—> Никлас Луман. *Самоописания* [Общество общества. V]

—> Поль Рикер. *Справедливое.*

серия vs • Ален Бадью. *Мета/политика.*

СерИЯ MEDIAE RES

—> Фридрих Киттлер. *Оптические медиа.*

СерИЯ МЕРАБ МАМАРДАШВИЛИ: РАБОТЫ

-> Мераб Мамардашвили. *Беседы о мышлении* [Книга XV]

—> Мераб Мамардашвили, Александр Пятигорский.

Символ и сознание [Книга IV]

Научное издание

Никлас Луман

Эволюция [Общество общества. III]

Перевод с немецкого - А. Антоновского Редакция перевода — О. Никифоров

Корректор — А. Кефал

Художник — А. Ильичев

Верстка — Издательство "Логос"

Издательство "Логос"

127644, г. Москва, ул. Лобненская, д. 18, стр. 4

тел: 2461430; e-mail: logospublishers@mail.ru letterra@yandex.ru

Информация на сайте: www.agora.su

ЛУЧШИЙ ИНТЕРНЕТ- ОТ КОМПАНИИ РИНЕТ <http://www.rinet.ru> тел:

(095)2383922

Справки и оптовые закупки по адресу:

м. "Парк Культуры", Зубовский б-р, 17, ком. 50

Издательство "Логос", тел: 2461430 : ИТДГК "Гнозис", тел. 2471757.

Подписано в печать 31.10.05. Формат 60х90 1/16. Бумага офсетная №1. Печать офсетная. Печ. л. 16,0. Тираж 1000 экз. Заказ 7319.

Отпечатано в соответствии с качеством предоставленного оригинал-макета

в ФГУП "Производственно-издательский комбинат ВИНТИ", 140010, г. Люберцы, Московской обл., Октябрьский пр-т, 403. Тел. 554-21-86.

Электронная версия книги: [Янко Слава](#) (изначальный скан не мой, лажа иногда с ссылками) (Библиотека [Fort/Da](#)) || slavaaaa@yandex.ru || yanko_slava@yahoo.com || <http://yanko.lib.ru> || Isq# 75088656 || Библиотека: <http://yanko.lib.ru/gum.html> || Номера страниц - внизу

update 14.02.07
